ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

в воспоминаниях современников

II

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

в воспоминаниях современников

в трех томах

Под редакцией
проф. В. В. МАВРОДИНА,
проф. В. А. ЕЖОВА

ЛЕНИНГРАД
1982

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

в воспоминаниях современников

Том II

Петербургский-Петроградский университет

1895-1917

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1982

7
6072-2

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Во втором томе трехтомного издания «Ленинградский университет в воспоминаниях современников» впервые собраны воспоминания, освещающие историю Петербургского-Петроградского университета с середины 1890-х годов по октябрь 1917 года.

Авторы представленных в томе воспоминаний раскрывают роль университета как одного из ведущих центров русской и мировой науки и просвещения; освещают вклад университета в развитие художественной культуры. Особый интерес представляют мемуары, посвященные общественно-политическому движению в университете, связям универсантов-большевиков с В. И. Лениным, участию студентов университета в трех русских революциях. Часть мемуаров публикуется впервые.

Издание рассчитано на специалистов, занимающихся вопросами истории университетской науки и общественно-политической мысли России, а также всех интересующихся историей университета и прошлым нашей Родины.

Составление и предисловие: *В. А. Ежов, Ю. Д. Марголис, В. П. Яковлев*

Комментарии и подготовка текста: *Т. П. Бондаревская, В. А. Ежов, Н. Н. Каретникова, И. П. Лейберов, Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин, В. П. Яковлев, О. Н. Ансберг.*

Рецензенты: д-р ист. наук *Б. В. Ананьич* (ЛОИИ АН СССР)
д-р ист. наук *Л. С. Семенов* (ЛГУ)

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

83740
12

Проверка
2007

Л 0505020000—196
076(02)—82 29—82

7
6072
2
экз

© Издательство Ленинградского университета, 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том издания «Ленинградский университет в воспоминаниях современников» содержит мемуары, продолжающие рассказ об историческом пути Ленинградского университета, и посвящен общественно-политической и научно-педагогической жизни Петербургского — Петроградского университета от середины 1890-х годов до октября 1917 г.[1]

В это время центр мирового революционного процесса переместился в Россию, а создание пролетарской партии нового типа ознаменовало начало ленинского этапа революционной борьбы, которую завершил Великий Октябрь — «первый победоносный акт мировой социалистической революции».[2]

История Петербургского — Петроградского университета 1895—1917 гг. — неотъемлемая часть истории классовых битв и научно-культурного движения времени.

В это время — вопреки обскурантистской политике самодержавия и благодаря творчеству блестящей плеяды деятелей отечественной высшей школы — петербургских универсантов, — университет на Неве остается ведущим учебным и научным центром страны. Его профессора и питомцы вписывают яркие страницы в летопись естествознания начала XX в.

История Петербургского — Петроградского университета эпохи трех русских революций неразрывно связана с именем В. И. Ленина, с историей большевистской партии. Питомцы Петербургского университета активно участвовали в деятельности ленинского «Союза борь-

---

[1] Воспоминания, собранные в первом томе, освещали историю Петербургского университета от времен его основания (1819 г.) до середины 90-х годов XIX в. См.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников / Под ред. В. В. Мавродина. Т. I. Петербургский университет. 1819—1895. Составители, авторы вступительной статьи и комментариев В. А. Ежов, Ю. Д. Марголис, Г. Г. Прошин. Л., 1963.

[2] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970, с. 17.

бы за освобождение рабочего класса», избирались в Центральный Комитет РСДРП(б), входили в состав первого Советского правительства.

Вот почему свидетельства современников об истории Петербургского—Петроградского университета в 1895—1917 гг. представляют бесспорный научный и общественно-политический интерес.

* *
*

Время, которому посвящены включенные в книгу мемуары, отмечено в жизни университета острейшими противоречиями.

Увеличение в 1900—1916 гг. числа студентов вдвое (при максимальном их числе в 1908 г. 9630 человек на четырех факультетах — физико-математическом, историко-филологическом, юридическом и восточных языков) сопровождалось невиданным ростом отсева студентов из-за крайней материальной нужды. В период реакции число выбывших студентов ежегодно достигало нескольких тысяч.[3]

Экономическое развитие страны требовало демократизации высшего образования, но этот процесс, сдерживаемый классовой политикой самодержавия, развивался крайне медленно, и в 1916 г. удельный вес выходцев из семей трудящихся среди студентов университета не превышал 40%.[4]

В эти годы Петербургский университет оставался объектом изощренных и постоянных репрессий правительства — преследований прогрессивной профессуры, демократического и особенно революционного студенчества, вплоть до отдачи студентов в солдаты и закрытия университета.

И вместе с тем, характеризуя университетскую жизнь 1907—1913 гг., такой глубокий исследователь истории университета, каким был его питомец, профессор С. Н. Валк, назвал это время «самым блестящим периодом во всей почти вековой дореволюционной истории Петербургского университета». Мотивируя эту оценку, ученый писал: «Революционная буря 1905 г. во многом изменила внутренний строй университетской жизни и университетского преподавания».[5]

В борьбе с политикой правительства, насаждавшего рутину и косность, передовые ученые университета не жалели творческих сил во имя успехов отечественной науки. В университете продолжалось развитие передовых научных направлений и школ, стяжавших флагману высшей школы России мировую славу.

---

[3] Цит. по: История Ленинградского университета. Очерки / Отв. ред. проф. В. В. Мавродин. Л., 1969, с. 140.

[4] Отчет о состоянии и деятельности императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года. Пг., 1916, с. 76.

[5] Валк С. Н. Борис Александрович Романов. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 8—9.

Теорию чисел развивал выдающийся математик А. А. Марков; математическую физику — представитель славной династии университетских ученых А. М. Ляпунов; астрофизику — великолепный организатор науки С. П. Глазенап; оптику — тонкий экспериментатор Д. С. Рождественский; общую химию — ученик Д. И. Менделеева Д. П. Коновалов; химию ацетилена — целеустремленный А. Е. Фаворский; производство синтетического каучука — страстный поборник соединения науки с производством С. В. Лебедев; геологию — создатели русской геологической школы А. А. Иностранцев и Ф. Ю. Левинсон-Лессинг; филологические науки — когорта всемирно известных лингвистов и литературоведов, в числе которых И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, А. А. Шахматов; исторические дисциплины — выдающиеся представители петербургской школы историков Н. И. Кареев, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, А. С. Лаппо-Данилевский, Е. В. Тарле; индологию, кавказоведение и арабистику — С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатский, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский. Все они своими исследованиями открывали новые главы мировой науки.

«Своих блистательных успехов на научном поприще ученые Петербургского университета добились вопреки политике самодержавия, в упорной борьбе передовых общественных слоев с силами реакции, борьбе, которая красной нитью проходила через всю историю дореволюционной университетской жизни».[6]

* * *

В конце XIX и первом десятилетии XX в. со страниц российской печати всех направлений не сходили полемические статьи, посвященные «университетскому вопросу». В течение всего XIX столетия университеты вводили в общественно-политическую жизнь России прогрессивные идеи, воспитывали самоотверженных борцов за эти идеи, и правительственная политика в «университетском вопросе» проявлялась прежде всего как борьба самодержавия с передовым общественно-политическим движением.

С появлением в конце века на арене политической борьбы революционного пролетариата влияние университетов на общественно-политическое развитие России существенно изменилось. Студенческое движение конца XIX в. почти не выходило за рамки академического. Его характер и организационные формы (землячества, кассы взаимопомощи, кружки) выглядели явно архаическими на фоне растущего рабочего движения. В социал-демократических кружках Петербурга широко распространялось мнение о якобы чисто буржуазном характере студенческого движения, совершенно чуждого пролетариату. Решающую роль в исправлении этой ошибки сыграли В. И. Ле-

[6] История Ленинградского университета, с. 139.

нин и ленинская «Искра», в которой было опубликовано 88 корреспонденций, статей и заметок о студенческом движении в России.[7]

Студенческое движение и университетская политика царизма постоянно привлекали внимание В. И. Ленина. С того времени, когда, как отмечал В. И. Ленин, «особо охраняемой средой считалась только учащаяся молодежь»[8], социал-демократическая организация была «почти исключительно студенческая».[9]

В. И. Ленин постоянно подчеркивал тесную связь событий университетских с общероссийскими. Студенчество «является самой отзывчивой частью интеллигенции... Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе»,[10] писал он в работе «Задачи революционной молодежи». Всякий промах властей, по мысли В. И. Ленина, должен быть использован социал-демократами для революционной агитации среди учащихся высших учебных заведений. В работе «Что делать?» он указывал: «...если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка».[11]

Бесценным достоянием истории университета являются факты многолетних связей В. И. Ленина с Петербургским университетом и универсантами.

В жизнь В. И. Ульянова Петербургский университет вошел с середины 1880-х годов. Университет навсегда остался близок В. И. Ульянову. И памятью о брате. И тем, что здесь он получил диплом после блестящей сдачи экзаменов за курс юридического факультета. И — со времен «Союза борьбы» — встречами с лучшими из студентов университета, марксистски образованными, революционно мыслившими, готовыми к борьбе и искавшими руководства.

Многочисленные факты связей В. И. Ленина с Петербургским университетом и универсантами отмечает изданная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС биографическая хроника «Владимир Ильич Ленин». Среди этих фактов публикация в январе 1906 г. в № 1 газеты «Молодая Россия», издание которой было предпринято по инициативе студентов-большевиков Петербургского университета, в качестве передовой статьи В. И. Ленина «Рабочая партия и ее задачи при современном положении» и резолюции Таммерфорсской конференции по аграрному вопросу, автором которой был В. И. Ленин; выступление В. И. Ленина об итогах IV (Объединительного) съезда РСДРП

---

[7] Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907 гг. М., 1971, с. 11.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 305.

[9] Там же, т. 9, с. 251.

[10] Там же, т. 7, с. 343.

[11] Там же, т. 6, с. 86.

на собрании партийных работников Петербурга в здании Петербургского университета;[12] беседа В. И. Ленина с большевиком, студентом физико-математического факультета Петербургского университета С. И. Петриковским, посланным Русским бюро ЦК РСДРП и большевистской фракцией IV Думы в Краков, в ходе которой В. И. Ленин дает указания по руководству студенческим движением в столице.[13]

Под непосредственным воздействием идей и личности В. И. Ленина на путь революционной борьбы встали десятки студентов университета. В их числе члены ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Н. Ф. Богданов, С. А. Гофман, М. Н. Леман, А. В. Неустроев, Л. Г. Попов, В. К. Сережников, М. А. Сильвин, Е. Д. Стратанович и другие, ветераны ленинской гвардии В. Э. Кингисепп, П. А. Красиков, Н. В. Крыленко, П. Н. Лепешинский, Д. З. Мануильский, В. Р. Менжинский, М. С. Ольминский, М. В. Серебряков, П. И. Стучка, Г. В. Чичерин, Ш. З. Элиава, активисты городской и университетской большевистской организаций 1902—1917 гг. Я. Я. Анвельт, Н. А. Аполлонов, Демьян Бедный (Е. А. Придворов), В. А. Быстрянский, Н. В. Дорошенко, К. С. Жарновецкий, А. М. Игнатьев, И. И. Корель, Н. Н. Кузьминский, Д. И. Лещенко, А. А. Масленников, С. И. Петриковский, Л. А. Плюснин, А. Н. Славянов, Г. А. Усиевич, Е. А. Энгель и другие.

Еще в феврале 1901 г., характеризуя правительственную политику в области высшего образования, В. И. Ленин в статье «Отдача в солдаты 183-х студентов» писал, что «Временные правила...» 29 июля 1899 г. об отдаче в солдаты студентов «за учинение скопом беспорядков» «срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские».[14] Гнусной бойней назвал он разгон студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта, протестовавшей против отдачи студентов в солдаты.[15]

Правительство распорядилось об отдаче студентов в солдаты. «...Единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899 года».[16]

Эта ленинская позиция противостояла сектантству петербургских социал-демократов из «Союза борьбы» и «Комитета рабочей организации», вела студенческое движение навстречу рабочему.

В. И. Ленин внимательно следил за первыми шагами политики

---

[12] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. 1905—1912. М., 1971, с. 217—218, 249.

[13] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. 1912—1917. М., 1972, с. 195.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 391, 393.

[15] Там же, т. 5, с. 19.

[16] Там же, т. 4, с. 394—395.

заигрывания со студентами, начатой министром народного просвещения генералом П. С. Ванновским. В трудах В. И. Ленина нашли оценку все сколько-нибудь значительные факты участия студентов высших учебных заведений в общественном движении в 1901 г. — демонстрации в Харькове, листки и прокламации студентов Петербурга, Москвы, Киева, Риги, Одессы. Не остались без резкой оценки «невиданная наглость сыщика в Петербурге (схватившего студента в Электротехническом институте, чтобы отнять у него полученное им через посыльного письмо); дикое избиение полицией ярославских студентов на улице и в участке...».[17] Анализируя события университетской жизни 1899—1902 гг., В. И. Ленин в статье «Признаки банкротства» отмечал крах политики заигрывания правительства со студенчеством: «...одно из колес государственного механизма перестает действовать...».[18] Безуспешными оказались попытки создания нового университетского устава взамен реакционного устава 1884 г.; протесты студентов и либеральной профессуры вызвали утвержденные Ванновским 22 декабря 1901 г. «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях...». «Правительство хотело было уступить в студенческом вопросе — и оскандалилось, — подчеркивал В. И. Ленин, — подвинув семимильными шагами революционизирование студенчества».[19]

Правительственные репрессии помогли студентам увидеть, что «только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа*, за *политическую свободу*».[20] В. И. Ленин считал необходимым включить в доклады комитетов и групп РСДРП II общепартийному съезду разделы о связях со студенчеством, учил совершенствовать формы воздействия социал-демократов на студенчество, налаживать контакты со студенческими организациями, изучать смену настроений среди студентов, готовить из числа студентов партийных профессиональных пропагандистов.[21] В сентябре 1903 г. в нелегальном органе революционных учащихся, газете «Студент» (№ 2-3), В. И. Ленин опубликовал статью «Задачи революционной молодежи», в которой резко выступил против ограничения эсерами задач студенческого движения чисто академическими рамками. Он еще раз подчеркнул тесную связь студенчества с общественной жизнью страны, отметив, что деление студентов на группы (реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, эсеры, социал-демократы) соответствует политическим группировкам в обществе.[22] Собы-

---

17 Там же, т. 5, с. 371.
18 Там же, т. 6, с. 277.
19 Там же, т. 7, с. 127.
20 Там же, т. 5, с. 370.
21 См. там же, т. 7, с. 81.
22 См. там же, с. 343.

тия первой русской революции подтвердили ленинскую правоту. «Не студенты пришли на помощь рабочим, — отмечает современный исследователь влияния „Искры" на студенческое движение, — а под влиянием В. И. Ленина и „Искры" рабочие поддержали и придали небывалое до того времени политическое значение студенческим демонстрациям».[23]

Среди высших учебных заведений России Петербургский университет стал одним из опорных пунктов большевизма. Студентов-большевиков в конце 1904 г. было около 20 человек, всего в 14 вузах Петербурга — около 100 студентов. Именно они стали инициаторами и организаторами студенческой поддержки революционного пролетариата в начале первой русской революции. Уже 9 января 1905 г. на Васильевском острове и в других районах Петербурга вместе с рабочими сражались против царских войск большевики из Петербургского университета Н. В. Дорошенко, К. С. Жарновецкий, О. В. Портянка и другие. Около полутора тысяч рабочих Васильевского острова под руководством студента университета Л. Д. Давыдова захватили оружейную мастерскую и частную типографию, в которой отпечатали прокламацию с призывом к вооруженному восстанию. На баррикадах Выборгской стороны сражался будущий поэт и драматург А. А. Вермишев, перу которого принадлежит драма «За правду» — первая пьеса о Кровавом воскресенье.[24]

Ответом студенчества на кровавое преступление царизма 9 января 1905 г. стала забастовка всех высших учебных заведений России.[25]

Бурный 1905 год «*заставил* даже наше казенное ведомство сдвинуться с мертвой точки».[26] В ответ на активное участие студентов в революционном движении правительство в марте 1905 г. закрыло высшие учебные заведения, одновременно широко разрекламировав начало работ комиссии по созданию нового университетского устава. До появления такового 27 августа 1905 г. были изданы «Временные правила по управлению университетами», которые, не отменяя действия реакционного устава 1884 г., вводили выборность ректоров и деканов, устанавливали весьма ограниченную самостоятельность советов университетов и допускали собрания в стенах университетов. Эти «Временные правила...» характеризовались В. И. Лениным как «мизерная уступочка, крошечная реформа, проведенная в целях притупления политических противоречий...».[27]

---

[23] Ольховский Е. Р. Студенческое движение в Петербургском университете в период ленинской «Искры» (1900—1903 гг.). — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 45.

[24] Бондаревская Т. П. Большевистская организация университета в революции 1905—1907 гг. — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 69—70.

[25] Участие в забастовке не приняли лишь военные и духовные академии.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 126.

[27] Там же, т. 11, с. 377.

Использование формально предоставленной возможности собраний в стенах университетов и явилось, по словам В. И. Ленина, «завязкой московских событий» осени 1905 г.[28] В первой половине октября сходки и собрания в Петербургском университете стали почти ежедневными. 5 октября в стенах университета митинговали двенадцать тысяч человек (в их числе семь тысяч рабочих), 11 октября — около десяти тысяч человек. С яркой речью в университетской столовой выступил приват-доцент Е. В. Тарле, будущий академик, напомнивший слушателям слова времен Великой французской революции: «...штыками можно уничтожить все, но на них нельзя сидеть».[29] Здание Двенадцати коллегий превратилось в настоящий университет революции. «Пролетариат, — писал В. И. Ленин, — сумел воспользоваться трибуной, предоставленной ему революционным студенчеством».[30]

В мощном всенародном протесте против гнета самодержавия «революционных рабочих и радикальных студентов перестают уже считать посторонними друг другу...»[31] Предоставление «Временными правилами» 27 августа куцей автономии университетам положило начало политическому расслоению профессорской коллегии. «„Солидные" либералы, получившие профессорское самоуправление, заметались и забегали от революционных студентов к полицейскому, нагаечному правительству».[32]

4 января 1906 г. по инициативе студентов Петербургского университета вышел первый и единственный номер еженедельной общественно-политической и литературной газеты петербургского социал-демократического студенчества «Молодая Россия» со статьей В. И. Ленина об актуальных задачах партии. Газета была конфискована, и департамент полиции распорядился об аресте автора статьи, осмелившегося «напечатать и распространить прямой призыв к вооруженному восстанию».[33]

Центром политической жизни университета в 1906 г. была столовая. Студенческая столовая комиссия состояла почти целиком из большевиков, в столовой проходили заседания исполнительной комиссии ЦК РСДРП, на явках здесь бывали Н. К. Крупская, М. И. Ульянова, М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, К. Н. Самойлова.

В 1907 г. студенческие сходки, организуемые большевиками, не прекращались. На одной из них в конце января 1907 г. в аудитории исторического факультета В. И. Ленин произнес речь о тактике большевиков на выборах во II Государственную думу. В том же месяце он выступал в главном здании университета по вопросам тактики

---

[28] Там же, с. 376.

[29] Д./А. Дьяконов / 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб., 1907, с. 61.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 3.

[31] Там же, т. 11, с. 347.

[32] Там же, с. 377.

[33] См.: Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 150.

большевиков на собрании избирателей как выборщик «левого блока» от партии большевиков.[34]

После поражения первой русской революции самодержавие стремилось ликвидировать вырванные у него массовой борьбой трудящихся уступки. В июне 1907 г. были изданы «правила», запрещавшие существование центральных органов студенческих представительств и регламентирующие практику проведения студенческих собраний. Женщинам-вольнослушательницам запрещено было держать экзамены, что сделало их обучение почти бесцельным. Особенно жестоким преследованиям студенчество университетов подверглось в министерство А. Н. Шварца. В. И. Ленин писал: «Вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями приняла форму похода черносотенного министра Шварца — действующего в полном согласии с „премьером" Столыпиным — против автономии... которой студенты пользовались, пока самодержавию было „не до студентов", и которую самодержавие не могло не начать отнимать, оставаясь самодержавием».[35] Но уже в неудавшихся забастовках протеста против политики Шварца осенью 1908 г. В. И. Ленин увидел признаки того, что *«не только* в студенчестве начинается реакция против — реакции».[36]

Новый революционный подъем начался в 1910 г. В. И. Ленин писал: «Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* — с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих».[37]

К новым битвам готовилось и правительство. Пост министра народного просвещения занял ставленник П. А. Столыпина Л. А. Кассо. При поддержке властей в университетах усиливались позиции черносотенцев, а опубликованные 11 января 1911 г. постановления совета министров о запрещении «всяких собраний в стенах высших учебных заведений» практически ликвидировали университетскую автономию. В ответ на объявленную студентами забастовку в университеты были введены войска и полиция. В 1911 г. за участие «в беспорядках» из Петербургского университета исключили 520 человек. Настоящему разгрому подвергся Московский университет, из которого в знак протеста ушла почти треть преподавателей. Правительство стремилось обескровить университеты страны во всех отношениях: учебном, научном и общественном.[38]

После 1905 г. безвозвратно ушли в прошлое времена, когда невозможно было «иное проявление политического недовольства, как

---

[34] Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Суслова Ф. М. Ленин в Петербурге — Петрограде. Л., 1980, с. 19.

[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 214.

[36] Там же, с. 219.

[37] Там же, т. 20, с. 74.

[38] Яковлев В. П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907—1911). — Вестн. Ленингр. ун-та, 1972, № 8, с. 48.

через посредство университетов».[39] Буржуазно-либеральная печать, преувеличивая роль университетов как «барометров общества», так и не решилась привести вторую половину этого крылатого высказывания Н. И. Пирогова: «...только там, где политические стремления проникли глубоко через все слои общественной жизни, они уже неясно отражаются на университете».[40]

В первой половине 1914 г. студенты-большевики удвоили свою численность в университетской социал-демократической фракции, число их достигло 50. Через студента С. И. Петриковского фракция поддерживала связи с Русским бюро ЦК, с думской фракцией большевиков, газетой «Правда». В марте того же года С. И. Петриковский ездил в Поронино к В. И. Ленину по поводу доставки в Петербург нелегальной литературы и за директивами по работе среди студенчества. В феврале — мае в университете произошло семь революционных выступлений.[41]

Начало первой мировой войны вызвало спад студенческой активности, обусловленный вспышкой шовинистических настроений, арестами и отправкой в армию наиболее «скомпрометировавших» себя студентов. В марте 1915 г. были арестованы лидеры университетской большевистской организации, и ее деятельность возобновилась лишь в конце года. Но в 1916 г. студенческие выступления вновь все чаще смыкаются с рабочими, и в дни Февральской революции рядом с восставшими рабочими и солдатами сражаются около двух с половиной тысяч студентов Петербургского университета.[42]

Мемуары прослеживают участие передового студенчества в классовых битвах от времени Петербургского «Союза борьбы» и «всеобщей в России» студенческой забастовки 1899 г., от 1905 г. до свержения царизма и дальше, к Октябрю 1917 г., когда в Зимнем дворце ультиматум о капитуляции Временному правительству вручит университант в солдатской шинели Григорий Чудновский.

* *
*

Воссоздание исторического бытия одного из мировых центров науки и образования и вместе с тем оплота революционного студенческого движения в столице и в России, чем, несомненно, стал на рубеже XIX—XX столетий Петербургский университет, невозможно без свидетельств современников. Эти свидетельства различны по характеру (воспоминания, дневники, речи, статьи, письма) и по целе-

---

[39] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 352.
[40] Пирогов Н. И. Университетский вопрос. СПб., 1863, с. 75.
[41] Лейберов И. П. Революционное студенчество Петербургского университета накануне и в период первой мировой войны (март 1914 — февраль 1917 г.). — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. II. Л., 1968, с. 5—6.
[42] Там же.

вому назначению. Они разбросаны по изданиям, в большинстве принадлежащим к библиографическим редкостям и потому труднодоступным. Авторы воспоминаний — люди разных характеров, убеждений, судеб. Вместе они воссоздают историческую правду об облике университета — по крылатому выражению тех лет «не только храма науки, но и поля битвы».

В книге представлены и университанты из числа закаленных бойцов ленинской гвардии — активные участники трех революций М. А. Сильвин, С. Г. Струмилин, Н. В. Дорошенко, И. В. Егоров, К. Г. Аршавский, и ведущие профессора университета, в их числе академики Н. И. Кареев, И. Ю. Крачковский, Е. В. Тарле, и деятели демократической, а после Великого Октября социалистической, культуры — народный артист СССР В. И. Качалов, поэты Сергей Городецкий и Всеволод Рождественский. Среди авторов тома и начинающие — в пору писания мемуаров — свой научный путь И. Ю. Крачковский и С. Н. Валк, чьи имена составят в советское время славу и гордость исторической школы Ленинградского университета.

Несомненно, собрание воспоминаний о развитии университетских научных школ могло бы быть богатейшим. Однако описание истории научных исканий и свершений представляет особые трудности, если оно создается в жанре воспоминаний.

Тем ценнее те свидетельства современников о развитии университетской науки и прогрессивных форм университетского образования, которые сохранились и которые удалось собрать.

В томе собраны воспоминания о развитии химической (А. П. Остроумова-Лебедева, В. М. Толстопятов), востоковедческой (И. Ю. Крачковский), исторической (Н. И. Кареев, С. Н. Валк) и других школ университета. Эти мемуары ценны повышенным вниманием к неповторимым и конкретным штрихам минувшего. Таковы, например, страницы воспоминаний В. Ф. Миткевича о том, как в старой физической лаборатории во дворе Петербургского университета была «установлена радиопередающая станция с аппаратом Морзе», — изобретение, которое «уже тогда представлялось величайшим». С волнением пишет мемуарист о «скромной маленькой депеше, с которой начинаются все достижения современной радиотехники».

Ряд мемуаров воссоздают литературные портреты корифеев русской и мировой науки — академиков В. Л. Комарова, А. Е. Фаворского, С. В. Лебедева, А. С. Лаппо-Данилевского. Эти мемуары передают атмосферу содружества научных поколений, царившую в знаменитых университетских семинариях — пушкинском (С. А. Венгерова), социологическом (М. А. Рейснера), экономическом (В. В. Святловского), археографическом (А. С. Лаппо-Данилевского), в Физиологическом обществе имени И. М. Сеченова и многих других, особенно многочисленных в 1906-1907 гг., когда, как свидетельствует И. И. Корель, «каждый вечер под внеаудиторные занятия были заняты все

аудиторий». Тут важны именно детальные описания, помогающие уяснить не только то, что было узнано, но и то, что было прочувствовано в этих семинариях, многие питомцы которых, и в их числе мемуаристы, стали впоследствии видными деятелями советской науки и культуры. Характерны отмеченные С. Н. Валком у своего учителя А. С. Лаппо-Данилевского «глубокое уважение к молодой нашей мысли, стремление дать ей развернуть свою затаенную сущность» в совместной учебно-научной работе.

Многие мемуаристы внимательны к описанию того, как воспринимала студенческая аудитория обращенное к ней слово профессора. Таковы замечания Н. И. Кареева о глубоком различии восприятия его лекций конформиствовавшими лицеистами и демократическим студенчеством.

Несмотря на значительные потери, нередко безвозвратные, значительная часть воспоминаний об участии университетского студенчества и передовой части преподавателей в революционном движении сохранилась и впервые сведена воедино в предлагаемой читателю книге.

Разумеется, и свидетельства об участии универсантов в революционном движении различны по характеру. Среди них — лапидарные и изобилующие историческими реалиями, хроникально точные и написанные в жанре эссе. По свойству человеческой памяти и восприятия — все они не свободны от субъективности, порою — фактических неточностей. Комментарии дадут читателю возможность судить о приемах проверки воспоминаний на достоверность сопоставлениями, где это было возможно, мемуаров с документальными источниками. Часть из них общеизвестна, но есть и публикуемые впервые.

Широко и плодотворно использовались в научной и учебной литературе, пропаганде, музейном строительстве воспоминания соратника В. И. Ленина по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» М. А. Сильвина. Фрагменты из этих воспоминаний и открывают книгу.

Прямой причастностью к теме «Ленин и Петербургский университет», богатством сообщаемых сведений, незаурядностью литературной формы к ним примыкают впервые публикуемые страницы мемуаров другого бойца ленинской гвардии С. И. Петриковского, посвященные событиям 1910—1917 гг.

Эти и другие свидетельства мемуаристов расширяют представление о том, какие личные контакты помогали В. И. Ленину глубже узнавать о насущных интересах студентов, о трудностях и успехах борьбы универсантов-большевиков за влияние на учащуюся молодежь.

Именно мемуарные свидетельства устанавливают тот факт, что на всем протяжении пролетарского этапа освободительного движения в рядах революционного студенчества Петербургского — Петроградского университета были люди, многократно встречавшиеся с В. И. Лениным: сначала М. А. Сильвин, затем Н. В. Дорошенко, вслед за ним А. М. Игнатьев, наконец, С. И. Петриковский. Установлено: «Ленин

хорошо знал наиболее активных деятелей студенческой большевистской группы университета и совета старост. С большинством студентов и питомцев университета — активных участников первой русской революции — В. И. Ленин встречался и до Октября и после победы пролетарской революции».[43]

Среди авторов воспоминаний, объединенных темой «В. И. Ленин и Петербургский университет», помимо М. А. Сильвина и С. И. Петриковского — руководители большевистской организации универсантов Н. В. Дорошенко и И. И. Корель. Универсантов-марксистов привлекал научный подход В. И. Ленина к трактовке острейших политических проблем. В этом немаловажная причина того, что влияние ленинских идей и личности В. И. Ленина на многих студентов университета стало решающим и определившим их судьбу.

Вчитаемся в страницы воспоминаний универсантов о В. И. Ленине.

...Ленин обучает.

Еще до встреч с В. И. Лениным студенты С. И. Радченко, М. А. Сильвин и другие приняли участие в издании и распространении книги «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов».

Не от университетской профессуры, рассказывает М. А. Сильвин, а от Ленина узнают универсанты — члены «Союза борьбы» о высшем достижении мировой науки — наследии Маркса и Энгельса, о трудах земских статистиков, о книгах А. Н. Энгельгарда и И. А. Гурвича, исследовавших жгучие вопросы развития пореформенной России.

...Ленин помогает.

Драгоценно для истории университета свидетельство И. И. Кореля: В. И. Ленин в 1906 г. принял специальные меры для сохранения явки большевиков в университетской столовой. «Владимир Ильич узнал, — вспоминает И. И. Корель, — что студенческой столовой комиссии, состоявшей исключительно из студентов-большевиков, срочно понадобилась на время большая по тому времени сумма в две тысячи рублей. Отсутствие этих денег могло привести к отходу большевиков от руководства столовой, что было весьма нежелательно. Владимир Ильич оказал студентам содействие, дав записку в социал-демократическую фракцию Государственной думы, откуда и были получены взаимообразно нужные деньги».[44]

...Ленин поручает.

И студент-математик М. А. Сильвин собирает материалы о положении и настроениях василеостровских пролетариев. Эти сведения послужили материалом для первых листовок, написанных В. И. Лениным в Петербурге. И студент А. Игнатьев содействует превращению име-

---

[43] Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет, с. 162.

[44] Корель И. В. И. Ленин в Петербургском университете. — Смена, 1939, 21 апреля.

ния своих родителей Ахи-Ярви в базу боевой группы при ЦК большевиков. И универсанты-большевики налаживают в апреле 1914 г. выпуск студенческого журнала „Утро жизни" (в противовес меньшевистской газете «Студенческие годы»).

Воздействие ленинских идей, личности В. И. Ленина, его боевых соратников послужило тому, что, как писал А. В. Луначарский, «в мрачные годы царизма и реакции революционное студенчество, идя бок о бок с рабочим классом, вписало прекрасные страницы в историю революционного движения».[45]

* * *

Есть у Анны Ахматовой строки:

Коридор Петровских Коллегий
Бесконечен, гулок и прям
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться,
Тем, кто нынче проходит там).[46]

И во многих еще воспоминаниях неизменное и неизбежное «очарование бесконечным, светлым и широким коридором» Главного здания (Вс. Рождественский), многократно зафиксированные противостояния респектабельных столичных «сюртуков» провинциальным разночинским «пиджакам», а то и вовсе «синим косовороткам» (Н. И. Кареев).

Но, конечно же, книгу воспоминаний «населяют» далеко не только разночинцы. Ее герои многолики. Тут и профессора из числа дипломированных лакеев самодержавия, участвовавшие в отборе студентов для отдачи их в солдаты в 1901 г. (воспоминания Л. С. Соболева); и «педеля», сдававшие в особой комнате со стенами, увешанными фотографиями студентов — «экзамен по этим карточкам в знании, какая фотография соединена с какой физиономией» (Н. И. Кареев). И жандармы, едва ли не постоянно дислоцированные в те годы в священном для университета коридоре здания Двенадцати коллегий.

Но главное место в публикуемых воспоминаниях и во многих воспоминаниях, не вошедших в книгу, отдано иным историческим лицам: новоселам Петербурга — первокурсникам, каждый из которых «из своего уголка, со своей биографией, со своей „программой", со своими чаяниями» (Б. А. Романов);[47] безымянным практикам революции, вроде описанных А. Джапаридзе участников «Кассы радикалов», — они «никогда ни о чем не расспрашивали, но с мрачным и решительным видом на заросших черными волосами лицах делали свое революционное

---

45 Цит. по: Ленинградский университет, 1967, 12 февраля.

46 Ахматова А. Стихи и проза. Л., 1977, с. 446.

47 Романов Б. А. Памяти академика А. С. Лаппо-Данилевского. — Русский истор. журнал, 1920, т. 6, с. 182.

дело с аккуратностью часов»,[48] революционно-настроенным приват-доцентам университета — будущему академику Е. В. Тарле и будущему президенту Академии наук СССР В. Л. Комарову (при участии последнего «в студенческой столовой на началах самообслуживания организуется явка ЦК большевиков»);[49] большевистским трибунам из числа студентов-универсантов 1905 г. (М. Эссен вспоминала: «На каждом собрании выступали десятки ораторов с прекрасной чеканной фразой, отточенной мыслью, ясной программой. Мы диву давались, откуда у нас такие ораторы»).[50] Тем, с кого в 1914 г. сняли студенческие тужурки и отправили в маршевых ротах на фронт, в огонь первой мировой войны; тем, наконец, кому было суждено увидеть alma mater снова после революции, когда университет станет «уже иным», как обновится «и вся наша великая страна» (Вс. Рождественский).

Воспоминания помогают понять, почему значительная часть студенческой молодежи Петербургского университета оказалась среди сил, находившихся в авангарде демократической борьбы в рассматриваемый период; раскрывают объективное значение студенческого движения в демократической борьбе; разъясняют сильные и слабые стороны студенческого протеста, участия демократического студенчества в массовых революционных действиях народа, возглавляемого пролетарским авангардом.

* *
*

В томе сохраняется принцип размещения воспоминаний, принятый для издания в целом — хронологический. Пропуски текстов (длинноты, отклонений от университетской темы и т. п.) отмечены многоточием в ломаных скобках <...>.

Комментарии носят реальный характер. Они содержат краткую характеристику автора воспоминаний, уточнения, оказавшиеся необходимыми, а также в виде дополнений фрагменты воспоминаний, которые по тем или иным причинам не вошли в основной текст книги. Их открывают сведения о времени создания, первой публикации либо местонахождении воспоминаний (последнее — для публикуемых впервые в настоящем издании), а также биографические сведения о мемуаристе и, если необходимо, лице, о котором он вспоминает.

Биографические сведения о прочих лицах приводятся в комментариях в связи с их первым упоминанием в тексте книги на странице, отмеченной курсивом в именном указателе.

В заключение приносим искреннюю благодарность профессорам

---

[48] Ленархив АН СССР, ф. 893, оп. 2, д. 2, т. 8, с. 136.
[49] Вестник АН СССР, 1944, № 10, с. 125—126.
[50] Эссен М. М. В 1905 году (Из жизни ПК РСДРП). — Красная летопись, 1926, № 1, с. 101.

А. Л. Шапиро, Б. И. Тихомирову, Т. А. Фаворской, И. А. Фаворской, О. Б. Фроловой за ценные консультации и советы, заведующей партийным архивом Института истории партии Ленинградского обкома КПСС Н. И. Кондрашовой, заведующей ЛО архива АН СССР В. И. Александровой, старшему научному сотруднику И. А. Шафран, заведующей читальным залом Ленинградского государственного исторического архива Е. А. Сунцовой, директору музея ЛГУ Н. Н. Кононовой, кандидату исторических наук Г. Г. Прошину, сотрудникам музея С. А. Горячевой, М. Ф. Атабековой, сотруднице филологического факультета Н. В. Скворцовой, инженеру кинофотолаборатории Н. А. Аблемитовой, аспиранту ЛОИИ АН СССР В. И. Лапину, оказавшим существенную помощь в выявлении и подготовке документов и материалов, использованных в настоящем томе, а также Б. М. Вревскому, любезно предоставившему текст неопубликованных воспоминаний Н. П. Вревской.

М. А. Сильвин

НА РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

<...> В университете бродил я чужаком. Присматриваясь к своим коллегам, стараясь подметить в ком-нибудь из них родственное своему настроению, я испытывал горькие чувства. Лощеные молодые люди, в золотых пенсне, в аккуратно сшитых мундирчиках, с холеными руками, с портфелями, с деловитым видом будущих чиновников отпугивали меня уже одной своей внешностью. Студенты более лохматого вида, внушавшие мне больше доверия, при разговорах об общественных интересах и течениях конспиративно посвятили меня в дела общестуденческой кассы[1] и ничего более свежего, «революционного», очевидно, просто не знали. Ректор, которому я представился по обычаю, а более из любопытства, сделал мне выговор за не совсем чистый воротничок, и я ушел от него покрасневший от смущения и досады. Профессора давали много интересных впечатлений. Лесгафт[2] увлекал меня своей темпераментностью, Коновалов[3] красноречием, Сергеевич[4] артистическим чтением юридических древностей, но все это было «не то» <...>

В то же время меня занимала мысль об организации кружков среди студентов Петербургского университета. Казалось невероятным, чтобы при том характере поветрия, какой приобретал марксизм как направление мысли среди интеллигентской молодежи, он стал исключительной монополией студентов Технологического института. Должны же быть группы и среди университетских студентов, думалось мне. Однако в своей массе они производили безнадежное впечатление в отношении общественных интересов и настроений. Я наблюдал эту массу не только в аудиториях, но и на собраниях. В день годовщины университета, 8 февраля, устраивалось «чаепитие» с приглашением маститых литераторов и немногих чтимых студентами профессоров: Лесгафта, Кареева[5] и др. Большинство наших профессоров, при всех своих талантах и учености, были закоснелыми консерваторами, чуждались «улицы». «Чаепития» 1894—1895 годов проходили вяло, в речах выступавших студентов (Бартольда[6] и других) звучали отголоски замиравшего народовольства. Не выступал ни один марксист.

Наконец мне удалось попасть в один кружок саморазвития, где еще не было даже решено, чем заниматься — изучением Ницше или Маркса. Однако при энергичном содействии организатора этого кружка В. К. Сережникова[7] мы скоро произвели чистку его состава. Кружок этот дал кроме Сережникова еще несколько добрых товарищей,

Главное здание Петербургского университета. 1905 г.

впоследствии членов «Союза борьбы»: Л. Г. Попова, Богданова, Стратановича[8] (оба последние умерли в ссылке).

<...> Так мы и жили всю осень 1893 года. Жизнь шла сама по себе, вне нашего круга. Местами волновались рабочие — в Харькове, в Риге, в Егорьевске, в Иванове, даже у нас под носом в Петербурге, а мы продолжали вести свое обучение в кружках прежним тихим манером. Появлялись новые книги, вызывавшие волнение умов, обсуждения и споры, а мы пережевывали теорию стоимости. Развитие капитализма в России, самый бьющий факт нашей современности, понималось нами довольно своеобразно, узко и схематически <...>

На этом уровне теоретической беспомощности, топтания на одном месте в нашей «революционной» пропаганде и незнания того, что принесет нам завтрашний день и что мы принесем ему, на этой ступени и застало нас появление Владимира Ильича Ленина <...>

В одно осеннее утро Владимир Ильич пришел ко мне нерано, часов около одиннадцати, но я еще спал в маленьком алькове за перегородкой. Хозяйка-немка ввела его в комнату и укоризненно заворчала по поводу моего недостойного образа жизни. Заслышав разговор, я, полуодетый, вышел и увидел сидящего в кресле, в пальто, этого всем теперь так хорошо знакомого человека. Глаза его смеялись, и он солидно, в тон скрывшейся хозяйке, проговорил: «Однако!». С полуслова поняв, в чем дело, я, извинившись, наскоро оделся. Вла-

В. И. Ленин. 1896 г.

димир Ильич снял пальто, но от чая отказался. Он объяснил затем, что недавно приехал, осмотрелся, снял комнату где-то на Ямской, записался в сословие <...> и теперь заводит знакомства.

В переданном им письме, которое я тут же просмотрел, нижегородцы предлагали мне отнестись к Владимиру Ильичу с полным доверием и упомянули об Александре Ильиче.[9] Этого было более чем достаточно, и я сейчас же понял, какого рода знакомства ищет мой посетитель. Я откровенно сообщил ему, что я здесь человек новый и связан с небольшой группой, с которой его и познакомлю. Свои впечатления от группы и все, что я знал в пределах моего ограниченного тогда горизонта о состоянии социал-демократической пропаганды, я ему тут же рассказал. Он выслушал все это молча. Посидев недолго и спросив кое-что об университете — не столько, видимо, из интереса к университету, сколько желая слышать мои суждения, — мой гость ушел, оставив свой адрес.

Уничтожив письмо, в тот же день я разыскал Г. Красина,[10] сообщил об интересном приезжем и настойчиво предложил познакомиться. Имя «Ульянов» произвело впечатление, но мне заявили: «обсудим». Очень скоро, однако, пришел ко мне В. В. Старков[11] и сказал, чтобы я сообщил Ульянову место и время свидания. Я сообщил Владимиру Ильичу об этом лично, зайдя к нему на Ямскую, но, по-видимому,

М. А. Сильвин. 1895 г.

это было мое единственное посещение этого его жилища, которое я совершенно теперь не помню. Свидание состоялось на квартире Кржижановского[12] и Старкова. Были кроме них Г. Б. Красин и С. И. Радченко.[13] <...>

Идеей Владимира Ильича стало затем полное объединение всех работавших в Петербурге социал-демократических групп <...> Был выбран центральный кружок (слово «комитет» тогда еще не было в употреблении) для объединения работы и руководства ею; в него вошли Ленин, Мартов,[14] Кржижановский, Старков и Ванеев.[15] Были на-

мечены кандидаты в центральную группу семнадцати ввиду вероятного расширения нашей деятельности и на случай провалов. Кандидатом со стороны мартовцев был выдвинут Гурвич (впоследствии известный под именем Дана),[16] а с нашей стороны рекомендованные мной В. К. Сережников, И. А. Шестопалов <...>[17]

Декабрьские и январские аресты нанесли нам большой урон.[18] В связи с ними в личном составе организации произошли некоторые перемены. Прежде всего этот состав значительно омолодился. Ульянов, Кржижановский, Старков, Малченко,[19] Запорожец,[20] Ляховский[21] — все это были уже люди, окончившие высшую школу или, как Мартов, давно ее покинувшие. Теперь большинство из нас, кроме Радченко (инженер), Гурвича (врач) и Бауэра (помощник присяжного поверенного), были студенты. Также и среди руководящих рабочих более старые по возрасту (Шелгунов,[22] Меркулов,[23] Фишер,[24] Кайзер,[25] Фунтиков[26] и др.) исчезли теперь временно с горизонта, и их место заняла молодежь. Вместе с тем кончилось «засилье» технологов в нашей организации. Гофман,[27] Сильвин, Гольдман,[28] Стратанович, Попов, Леман,[29] Неустроев, Богданов и другие были универсанты, Шестопалов — лесник, Тренюхин[30] — путеец, Рябинин[31] — горняк. Всех названных я знал лично, кроме Гольдмана, которому, в то время преимущественно технику, было рекомендовано держаться в сторонке. Познакомился я с ним случайно в университете. Я стоял в вестибюле, рассматривая расписание лекций; подходит студент с густой черной бородищей. Что-то в выражении его лица показалось мне родственным, близким. «Вы какого факультета?» — спрашиваю я. — «Естественник». — «Что это за наука, морфология?» Он ответил, понемногу разговорились, и, когда назвали друг другу свои фамилии, оба рассмеялись. Это было вскоре после январских арестов, и мы уже слышали один о другом. С тех пор мы часто встречались в университете для совещаний и переговоров по делу, что было очень удобно в конспиративном отношении.

Группируя наши силы и собирая связи, мы теперь отнюдь уже не испытывали того чувства отщепенства, которое было таким острым еще года два-три назад. Напротив, жизнь кругом кипела ключом, мы все явственнее становились одним из центров этой жизни. И наш «Союз борьбы», и наша идеология, и все наше движение в целом становились популярными, модными. Марксистская идеология прокладывала себе широкую дорогу в литературе, в рабочей среде и среди учащейся молодежи. Появлялись отдельные статьи в журналах и целые монографии, освещавшие события истории и явления современности с нашей точки зрения. Общественное самосознание заметно окрашивалось под цвет марксизма. <...>

Из университетских впечатлений того времени отметилась в моей памяти вечеринка 8 февраля 1896 года, в день годовщины университета. Празднование годовщины проходило трояко: утром торжественное заседание в университете, вечером, с одной стороны, пьянство и

дебоши огромной массы студенчества, будущих чиновников-карьеристов, маменькиных сынков, шалопаев и просто «добрых малых»; с другой стороны, традиционное «чаепитие» радикального студенчества. Для «чаепития» (кроме чая, других напитков на этой вечеринке не предлагалось) снимался большой зал, иной раз целый ресторан или общественная кухмистерская (столовая), куда вход был по платным билетам, распределявшимся среди товарищей членами полулегальной студенческой кассы взаимопомощи, которые обыкновенно и организовывали «чаепитие». В передней дежурил околоточный (младший полицейский офицер), и для него покупался коньяк; он вел себя тише воды, ниже травы и в зал не показывался; вероятно, и без него у полиции здесь было достаточно «своих» людей. На вечеринку приглашались маститые литераторы и уважаемые профессора оппозиционного правительству образа мыслей. Произносились речи, если не вполне политические, то, во всяком случае, «тенденциозного» содержания, программные речи студентов разных политических толков и направлений, народников, либералов, марксистов. За ними выступали писатели и профессора, отмечавшие теневые стороны университетской жизни и общие тяжелые условия страны, цензурный гнет, полицейские стеснения и т. д. Говорили, конечно, осторожно, с оглядкой, бичуя современный режим больше путем метафор и сравнений, но все же получалось впечатление как бы политического собрания или банкета, возбуждающе действовавшего на молодежь, недавно покинувшую провинцию. На такой вечеринке услышал я и стихотворение, приписывавшееся Бальмонту [32] и начинавшееся словами:

То было в Турции, где совесть вещь пустая,
Где царствуют кинжал, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.

На меня лично эти чаепития, по крайней мере в первые годы моей университетской жизни, производили сильное впечатление. Но мы, подпольщики, здесь не выступали, считая, что не стоит рисковать и терять работников, нужных для иной аудитории.

Среди ораторов на чаепитии 1896 года были братья Водовозовы,[33] Туган-Барановский,[34] Кареев, Южаков,[35] Лесгафт и др. С большим подъемом говорил Н. В. Водовозов, рано умерший автор талантливых журнальных статей, монографии о Мальтусе [36] и прочих работ с заметным марксистским уклоном, и Филиппов [37] — доктор философии, редактор-издатель «Научного обозрения», охотно помещавшего на своих страницах статьи литераторов социал-демократов (там печатались в разное время Владимир Ильич, Мартов, П. Н. Скворцов [38] и др.).

Мне помнится эта вечеринка еще и потому, что мы пустили на ней в продажу первые экземпляры только что вышедшей книги Плеханова [39] (Волгин) «Обоснование народничества в трудах г. Ворон-

цова (В. В.)».[40] (СПб., 1896 год.) Гофман и Гольдман привезли несколько тюков книги прямо из типографии часов в одиннадцать вечера, когда «чаепитие» было в самом разгаре. Мы шепнули студентам, что автор Плеханов, и в какие-нибудь полчаса было распродано до четырехсот экземпляров. Один из них мы предложили тут же за столом сидевшему В. В. Воронцову, который был смущен и раздосадован и самим видом книги и тем явным успехом, который был, очевидно, ей обеспечен. У него было такое кислое лицо, что я поинтересовался, чем, собственно, он так недоволен. Он сердито пробурчал что-то невнятное о раскрытии его псевдонима; до сих пор он был известен публике под именем В. В. Но псевдоним этот, как Плеханов объяснял на первых же страницах, был уже ранее раскрыт кем-то в литературе. На вечеринке было человек шестьсот, и почти у каждого студента была теперь в руках книжка в зеленой обложке: «Волгин». Лесгафт смотрел сердито на эту книгу и на горевшие гордостью глаза студентов и, наконец, взял слово для выступления. Он был любим молодежью, и его выступления всегда сопровождались овациями. Так было и здесь, хотя говорил он о том, что всякая предвзятая догма отравляет сознание, что непременным условием научного знания должен быть скепсис, критическое изучение действительности, фактов, «а вы, — говорил он студентам, — хватаетесь за книгу, как за откровение; откровений нет, истина добывается только критическим исследованием, изучением живой жизни, а вы угашаете дух, вы догматики, буквоеды, если хватаетесь, как за евангелие, за новую модную книгу» и т. д.

После вечеринки был выслан кое-кто из студентов (Бартольд и др.) и литераторов, но это были обычные для того времени жертвы, не вызвавшие особого волнения. <...>

В. Ф. Миткевич

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПЕРВОЙ РАДИОТЕЛЕГРАФНОЙ УСТАНОВКИ

На заседании Русского физико-химического общества[1] 12(24) марта 1896 года А. С. Попов[2] продемонстрировал радиотелеграфную передачу текста. Показанная им радиотелеграфная установка была логическим развитием его грозоотметчика, продемонстрированного Поповым на историческом заседании физического отделения Русского

Мемориальная доска в память первой радиограммы, принятой А. С. Поповым на изобретенном им приборе

физико-химического общества 7 мая 1895 года, — историческом потому, что эта дата признана <...> днем открытия радио.

В день пятидесятилетия радио мне, одному из немногих оставшихся в живых очевидцев опытов Попова, хочется рассказать о демонстрации первой радиотелеграфной установки на заседании 12(24) марта 1896 года.

Памятное заседание происходило днем в воскресенье, в большой аудитории старой физической лаборатории во дворе Петербургского университета.[3] В этой скромной, рядовой аудитории была установлена радиоприемная станция с аппаратом Морзе.

На расстоянии около 250 м в новом здании химической лаборатории университета[4] находилась отправительная станция, питавшаяся

катушкой Румкорфа. Около нее дежурил ближайший помощник А. С. Попова — П. Н. Рыбкин.[5]

Среди присутствовавших на заседании были представители Морского ведомства и виднейшие русские физики-электрики того времени: О. Д. Хвольсон, И. И. Боргман, А. И. Садовский, В. К. Лебединский, М. А. Шателен, А. А. Гершун, Г. А. Любославский, Н. Н. Георгиевский, Н. А. Смирнов, В. В. Скобельцын, Н. А. Булгаков, Н. Г. Егоров и Ф. Ф. Петрушевский.[6] Перед заседанием все собравшиеся ознакомились с устройством радиоприемной станции, а затем, усевшись на студенческих скамьях, с волнением приготовились к опыту передачи телеграммы без проводов.

Заседание открыл старейший физик Ф. Ф. Петрушевский, предоставив слово А. С. Попову. После 30—40 минутного доклада изобретатель послал кого-то из присутствовавшей молодежи на отправительную станцию к П. Н. Рыбкину с указанием начать радиопередачу.

Атмосфера в физической аудитории стала напряженной. Все собравшиеся сознавали, что присутствуют при демонстрации изобретения, будущее которого уже тогда представлялось величайшим. Волнение участников заседания усиливалось еще тем, что текст первой в мире радиограммы был известен только Попову и Рыбкину.

Сохраняя внешнее спокойствие, изобретатель с улыбкой наблюдал за тем, с каким напряженным вниманием все присутствующие следили за медленно появляющимися на ленте приемника Морзе буквами (Генрих Герц), которые Петрушевский повторял мелом на большой аудиторской доске.[7] Так впервые было передано по радио и запечатлено на ленте приемника Морзе телеграфное сообщение. Все достижения современной радиотехники берут начало от этой скромной, маленькой депеши.

СТУДЕНТЫ-ЛЮБИТЕЛИ СЦЕНЫ

В. И. Качалов. 1894 г.

Я начал выступать на сцене, будучи студентом. В 1894 году в бывшем Петербургском университете сплотилась группа студентов — любителей сцены. В эту группу входили многие студенты, ставшие впоследствии видными актерами. Среди них был студент Казанков — артист Радин;[1] сын писателя Михайловского;[2] впоследствии известный сценический деятель П. Гайдебуров;[3] Боянус (Броневский),[4] выступавший несколько лет в Александринском театре, а сейчас профессор-лингвист, я и другие. Мы работали под руководством большого артиста — Владимира Николаевича Давыдова.[5]

Моим первым «профессиональным» испытанием был спектакль «На бойком месте», который мы давали за плату среди рабочих фарфорового завода за Невской заставой. Я играл Бессудного.

Ясно помню мою первую большую роль в ответственном спектакле. Шел «Лес». Группа студентов давала публичный спектакль в фонд комитета вспомоществования нуждающимся студентам. Наш спектакль горячо был принят публикой и отмечен крупнейшим театральным критиком Кугелем.[6] <...> Он же после нашего другого спектакля — «Завтрак у предводителя» — писал примерно так: «Спектакль оставил благоприятное впечатление... Но у студентов узкие плечи и впалые груди. Нам нужна крепкая, здоровая молодежь».

<...> Студенческий кружок благодаря руководству Давыдова был для меня прекрасной сценической школой. Не покидая университета, я играл целый сезон в летнем театре[7] на станции Мартышкино, около Ораниенбаума.

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

То, какими настроениями питалось тогда все студенчество, показала всеобщая в столице студенческая забастовка 1899 г.[1] Поводом послужила весьма «обыкновенная» в дореволюционном быту история. В день годовщины университета, 8 февраля, конная полиция в порядке предупреждения возможных «беспорядков» жестоко избила нагайками перед университетом толпу студентов.[2] В другое время по такому поводу, может быть, сильно пошумели бы на сходке, вынесли бы резкую резолюцию и кто-то спокойно положил бы ее себе в карман. Но на этот раз вышло иначе. Студенчество еще не забыло эффекта рабочих забастовок 1896—1897 гг.[3] Гегемоном революционного движения в России становился рабочий класс. И, следуя по его стопам, студенчество на этот раз решило испытать тактику забастовок — это классическое боевое оружие пролетариата. Правда, в аудиториях в отличие от заводских цехов не создается прибавочной стоимости, и потому прекращение в них занятий ничем не грозит карману буржуазии. Но тем более неприятным скандалом оно угрожало правительственным кругам, ибо могло рассчитывать на сочувствие и отклик даже в рядах буржуазии и дворянской бюрократии, сынки которых тоже отведали на этот раз вкус жандармских нагаек. И действительно, скандал получился грандиозный. Самодержавное правительство вынуждено было пойти на некоторые «уступки» явно неблагоприятному для него общественному мнению назначением генерала Ванновского председателем правительственной комиссии по расследованию причин событий в феврале.[4]

Конечно, вначале полиция пыталась потушить движение в самом его зародыше «своими средствами», т. е. прежде всего арестами «зачинщиков». Сорганизованный с первых же дней движения забастовочный «Коалиционный комитет» собирался в университетской столовой. И, может быть, именно поэтому особенно много арестов было среди универсантов. Но вместо арестованных немедленно являлись на смену им новые их заместители, и работа «Коалиционного комитета» не прерывалась ни на один день. Ежедневно выходил очередной выпуск «Бюллетеня» забастовки с полной и точной хроникой всех событий дня. Каждый день в ней отмечались новые аресты. А вместе с тем каждый день отмечалось и присоединение к забастовке все новых учебных заведений столицы, пока она не охватила здесь, наконец, всю студенческую массу обоего пола. Первое время были еще кое-где попытки сорвать забастовку при содействии мобилизованных

Студенты Петербургского университета в Большой химической аудитории. 1900 г. Публикуется впервые

Академик А. С. Фаминцын. 1900 г.

педелей и шпиков, переодетых в студенческие тужурки. Загоняя самых робких студентов в аудитории наиболее беспринципных лекторов, готовых читать свои лекции, профанируя науку, даже двум-трем заведомо безмозглым дежурным шпикам, начальство пыталось создать хотя бы иллюзию нормально функционирующих храмов науки. Но из таких попыток ничего не получалось, кроме конфуза.

Переодетых шпиков нетрудно было отличить от студентов уже по обличью. Их то и дело окружали и изобличали, подвергая самому элементарному экзамену. Так, например, если он называл себя юристом, его спрашивали:

— А Вы в самом деле юрист? Так Вам, конечно, знакома логика. В таком случае скажите, пожалуйста, в чем ошибка следующего силлогизма: «Все гуси — двуноги. Вы тоже двуногий. Значит, и Вы тоже гусь?»

Малограмотный «гусь», не разбираясь в силлогизмах, понимал, однако, свой неизбежный провал и, обливаясь холодным потом, как

на пытке, сразу же под гомерический хохот веселых экзаменаторов обращался в позорное бегство. А если в какую-либо аудиторию вместе с лектором проникала все же группа вольных или невольных штрейкбрехеров, то всегда среди них оказывалось и несколько активистов-забастовщиков. Без всякого шума и скандала они проливали там под самым носом неразборчивого лектора пару стеклянночек специально заготовленных для этого химиками жидкостей вроде сероуглерода или меркаптана. В аудитории распространялся совершенно невообразимый, смертельный смрад. И лектор со всеми своими слушателями пулей вылетал оттуда. А наблюдающие со стороны этот вылет студенты, невольно зажимая носы, лишь провожали беглецов любезными возгласами:

— Фу! Как скверно пахнет эта штрейкбрехерская наука!

Впрочем, к химической обструкции в эту забастовку приходилось прибегать очень редко. Злостных штрейкбрехеров из рядов дрессированных Пуришкевичем[5] много позже студентов-«академистов» тогда еще и в помине не было. К тому же и повод к забастовке — избиение студентов полицией — был самый «академический». Для полного удовлетворения всех чаяний большинства протестантов достаточно было бы лишь расследовать дикое поведение полиции и наказать виновников избиения, возмутившего весь Петербург. Не возмутились им разве только молчаливые свидетели избиения — египетские сфинксы с университетской набережной. Да и то лишь потому, что их «твердокаменная» невозмутимость определялась уже качеством того материала, из которого они были высечены. Студенты были не каменные. И потому их сочувствие и поддержка возникшей забастовке были исключительно единодушными. <...>

П. Е. Щеголев

ВСТРЕЧИ С ТОЛСТЫМ

Л. Н. Толстой. 1899 г.

В 1899 году мне пришлось навестить Л. Н. по особому поводу. Мне пришлось принять самое близкое участие в историческом университетском движении, когда впервые было применено новое средство протеста — забастовка, в качестве члена комитета, организовавшего студенческое движение. Одной из задач организаторов было привлечь внимание и симпатии «общественных» кругов к делу

студентов и воздействовать на «общественное» мнение. Первые же дни было решено отправить специального посла к Л. Н. Толстому. Посол должен был рассказать Л. Н. причины и историю движения, выяснить мирный характер студенческого протеста и просить его высказаться за студентов. Делегатом, как любили тогда выражаться, был выбран С. Н. Салтыков,[1] позднее член 2-й Государственной Думы, по процессу социал-демократической фракции осужденный на 6 лет каторжных работ. С. Н. Салтыков нашел в семье Л. Н. самый радушный прием, а у Л. Н. встретил самое живое сочувствие движению. Л. Н. был особенно заинтересован той формой, в которую вылилось движение, и студенческая забастовка представлялась ему одной из форм «непротивления злу насилием».[2] Беседа С. Н. Салтыкова с Л. Н. дала материал для следующей заметки, появившейся в гектографированном «Бюллетене 7-го дня по закрытии университета» от 16 февраля 1899 года.

«Л. Н. Толстой, по собственным его словам, присоединяется всей душой к нашему движению. Он шлет нам свое полное одобрение, называет средство, избранное нами, самым целесообразным и обещает в скором времени дать гласный отзыв о нашем движении. По мнению Л. Н., настоящее движение открывает новую эпоху в истории студенческих движений, становящихся на разумную общественную почву».

Так в измененной и сгущенной окраске сообщил студенческий агитационный листок о сочувствии Л. Н.[3]

Когда после назначения комиссии П. С. Ванновского была начата новая забастовка, симпатии «общества» к студентам раскололись. Стали говорить, что движение уже принесло практический результат и что продолжение его означало бы просто беспринципные беспорядки. Те, кто раньше были в числе сочувствующих, стали порицателями. Для того чтобы вновь повернуть «общественное» мнение в сторону студенчества, организационный комитет поручил мне (С. Н. Салтыков был в это время уже арестован) посетить Л. Н. Толстого и вновь выяснить его взгляды.

Я пришел к Л. Н. с одним московским студентом из группы, руководившей движением.[4] Мы изложили Л. Н. все происшедшее в Петербурге и Москве, выяснили причины, которые заставили нас агитировать не за прекращение, а за возобновление и продолжение забастовки. Л. Н. очень поражался организованностью движения и той связью, которая установилась между учебными заведениями различных городов. Ему нравилось чувство товарищества, которое побуждало к протесту, по крайней мере до возвращения в университет высланных и арестованных товарищей. И на этот раз Л. Н. отнесся сочувственно к движению, о котором подробно рассказал ему я и мой московский товарищ. Понятно, сочувствие было выражено в общей форме и вряд ли было понято и верно освещено в следующем сообщении «Бюллетеня 23 дня от 19 марта»:

«Какое впечатление произвело на всех честных людей наше действие, видно из слов Толстого, переданных нам сегодня одним из посетивших его товарищей <...> Л. Н. говорил, что факт солидарности всех наших учебных заведений настолько замечателен, что мы должны им дорожить, и теперь студенты не имели права прекратить движение, не считаясь с провинциальными товарищами. Необходимо было узнать мнение учебных заведений всей России и только тогда принимать то или другое окончательное решение. Затем он возмущен административными высылками и считает нашей обязанностью протестовать против них всеми силами».

Конечно, в этом сообщении надо отделить сообщение о факте сочувствия Л. Н. от толкования, которое было продиктовано агитационными целями.[5]

* * *

Беседа с Л. Н. происходила наверху, в кабинете Льва Николаевича, наедине. Когда я и мой московский товарищ кончили свой доклад Л. Н., вошел слуга и доложил о Борисе Николаевиче Чичерине.[6] Л. Н. сделал досадливое движение плечами, выражавшее как будто нежелание видеть Чичерина. Вошел Чичерин, крепкий старик, убеленный сединами.

— Здравствуй, Лев. Как живешь? — спросил Чичерин. Л. Н. отвечал односложно, не желал втягиваться в разговор. Но Чичерин настойчиво желал разговора.

— Что пишешь теперь? — спрашивал Чичерин, но Л. Н., уклоняясь от беседы, сказал Чичерину:

— Нет, ты послушай, что делается в Петербургском университете. Пожалуйста, расскажите еще раз все, что говорили мне, — обратился ко мне Л. Н.

Я должен был повторить свой рассказ. Чичерин слушал его с видимой неохотой, и лишь только я кончил, как он вновь обратился к Л. Н. с тем же вопросом.

— А что же ты теперь пишешь?

И Л. Н., опять уклоняясь от ответа, перебил вопрос Чичерина:

— А что делается в Московском университете! Это очень интересно. Ты послушай. Расскажите, — сказал Л. Н. моему московскому товарищу.

И московский студент во второй раз рассказал о происшествиях в Московском университете Чичерину, которому это было совершенно неинтересно.

Не знаю, как вышел бы из положения Л. Н., когда рассказ был бы окончен, и Б. Н. Чичерин снова вопросил бы Л. Н. о его работах.[7] Но в это время пригласили всех, бывших наверху, вниз к чаю...

* * *

Внизу мы еще раз послужили Льву Николаевичу тараном против наступления на него Чичерина и рассказали еще раз об университетских событиях в Петербурге и Москве. <...>

Л. А. Соболев

ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТА-СОЛДАТА

I

Беспорядки 1901 г. в Петербургском университете были отголоском киевских беспорядков. В Киевском университете впервые применены были тогда «Временные правила», и около 200 человек сданы были

Группа студентов Петербургского университета, отданных в солдаты за участие в студенческих волнениях. 1901 г. Публикуется впервые

в солдаты на разные сроки (от 1—3 лет).[1] Не беспорядки сами по себе, а именно сдача в солдаты вызвала движение в Петербургском университете. Студенчество глухо волновалось. Началась агитация за выражение протеста в той или другой форме. Форма должна была выработаться на сходках, и сходки состоялись в последних числах января. На первой сходке вопрос не был решен окончательно, потому что на ней было слишком мало студентов.[2] Вторая сходка должна была считаться решительной при всяком числе участников.

Как ни возмутителен был факт сдачи киевлян в солдаты, он не

мог сплотить всего студенчества для дружного протеста. Немного нашлось охотников разделить судьбу киевских товарищей. Было ясно, что правительство не задумается отдать в солдаты и петербургских студентов, если начнутся «беспорядки». Попечитель учебного округа г. Сонин извещал студентов, что правительство намерено карать на основании высочайше утвержденных 29 июля 1899 г. «Временных правил». В длинном коридоре Университета красовались объявления за подписью г. Сонина призывавшие к порядку и обещавшие в то же самое время и бараний рог, и ежовые рукавицы. Чем сильнее было брожение, тем грознее становился тон этих объявлений, и после решительной сходки, на которой присутствовало около 300 студентов, сходки, конечно, нелегальной (дело происходило в 1901 году),[3] г. Сонин уведомил студентов, что по распоряжению министра народного просвещения, Боголепова,[4] составлено уже «особое совещание по применению временных правил», и, так как сходка большинством голосов решила путем обструкции прекратить занятия в Университете, г. попечитель призывал «благоразумную» часть студенчества воздержаться от участия в беспорядках и «дать дружный отпор кучке насильников, которая будет пытаться терроризировать студенчество». Их — этих насильников, говорил Сонин, «можно поистине назвать сверхстудентами» <...>

<...> Первый день обструкции был сравнительно удачен: удалось «сорвать» несколько лекций. На второй день дело шло уже плохо, потому что часть обструкционистов была арестована и препровождена в часть. И, наконец, третий день прошел совершенно неудачно. Нас, обструкционистов, было всего 12 человек, и, сделав бесплодную попытку остановить чтение лекций в 2-х аудиториях, мы прекратили обструкцию. Дело было проиграно.[5]

Я принимал участие в обструкции только в последний день, а назавтра был вытребован в охранное отделение, где у меня отобрали входной билет в Университет и объявили, что я предан суду «особого совещания по применению временных правил» за мое участие в университетских беспорядках, и что о времени и месте суда я буду извещен особо.

В охранном отделении я встретил еще несколько товарищей, которые вытребованы были по тому же самому делу.

II

Прошло 3—4 дня и я получил повестку с приглашением явиться в канцелярию попечителя учебного округа на суд «особого совещания». Взяв извозчика, я отправился вечером в канцелярию попечителя.

Шел, если не ошибаюсь, второй или третий день суда. В первый день судили товарищей, арестованных в самом начале обструкции и сидевших в части. Их привозили из участка, а потом препровождали обратно.

В большой комнате, отведенной специально для подсудимых, набралось около 20 студентов Университета. На некоторых лицах было написано волнение; некоторые оставались совершенно спокойными. Здесь началось наше первое знакомство друг с другом. Разговаривать особенно не хотелось <...>.

Семинарий П. Ф. Лесгафта с отправляемым в солдаты студентом социал-демократом В. Познером (в солдатской шинели стоит второй справа). 1901 г. Публикуется впервые

<...> Наконец, очередь моя настала, и я пошел в комнату заседания суда, вошел и осмотрелся. В середине — председатель суда, попечитель учебного округа г. Сонин, он же и судебный следователь, потом ректор Университета проф. Гольмстен, военный судья генерал Никифоров, нач. отд. деп. полиции Янкулио, чиновник мин. юстиции Максимович, профессора Платонов, Дювернуа, бар. Розен, Шевяков. Участие профессоров в отдаче студентов в солдаты должно быть особенно отмечено. Неизгладимое пятно в истории петербургской профессуры оставлено профессорами Гольмстеном, Платоновым, Дювернуа,[6] бароном Розеном и Шевяковым. За отдельным столиком секретарь Университета записывает показания и составляет протоколы заседания. Удостоверив личность, председатель начинает допрос.

Допрос тянется недолго: 1) был ли на сходке, 2) за что голосовал, 3) ходил ли по аудиториям. Я ограничиваюсь краткими ответами на предложенные вопросы и подписываю протокол своих показаний.

Комитет студенческой кассы взаимопомощи Петербургского университета. Публикуется впервые

Мне хотелось в показаниях рассказать Сонину о том впечатлении, которое производили на меня (да и на других товарищей, должно быть, тоже) его объявления, и я заявляю на суде, что после прочтения возмутительных прокламаций попечителя учебного округа во мне уже не было колебаний, присоединяться ли к товарищам. Господин Сонин резким, раздражительным тоном просит у секретаря университета занести в протокол, что его объявления я нахожу и называю «возмутительными». Один из профессоров-судей (не помню уж теперь,

кто именно) задает мне вопрос: «Ну, а скажите, если бы не было объявлений от попечителя учебного округа, стали бы вы ходить по аудиториям?»

Зачем профессору нужно было задавать этот вопрос — не знаю. Быть может, ему представилось, что я хочу выгородить себя или указать на «смягчающие обстоятельства».

— Конечно, стал бы, — отвечаю я.

— Больше ничего, — говорит профессор.

Военный генерал осведомляется, к какому участку по отбыванию воинской повинности я приписан, и председатель предлагает мне удалиться.

Приблизительно в таком же духе допрашивались на суде и остальные товарищи.

Теперь несколько слов по поводу выражения «ходить по аудиториям». Почти все товарищи (а в том числе и я) говорили на суде не о том, что мы проводили обструкцию, а что мы ходили по аудиториям, чтобы сказать профессорам, как стыдно читать лекции в такое время, и чтобы спросить их, какого на этот счет мнения придерживаются они. Когда я сказал это Сонину, он спросил меня: «Зачем же вам было ходить к проф. Маркову — ведь он же математик». — «Что же из этого?» — ответил я.

Господин Сонин находил, очевидно, что математику не полагается иметь никаких мнений и больше всего приличествует быть председателем позорного суда (Сонин — сам профессор математики). Нужно сказать, что это был поистине «шемякин суд».[7] Г. председатель предлагал некоторым товарищам выразить раскаяние во всем содеянном и рисовал заманчивые перспективы возвращения домой. «В нашей власти», говорил он, «отдать вас в солдаты, в нашей власти отпустить вас домой». Он не стеснялся говорить, что «Здесь судят по впечатлению». Остальные судьи ограничивались молчаливым одобрением. Потом, когда появились уже приговоры, мы поняли, что значит «судить по впечатлению»: достаточно было иметь бороду и угрюмый вид, дерзко отвечать на задаваемые вопросы, чтобы получить крайний срок полагавшегося наказания — 3 года солдатской службы. Двое или трое были «оправданы». Кто знает? Быть может, они «раскаялись» и этой ценой купили себе прощение.

В день суда приговоры объявлены нам не были. Товарищи, арестованные раньше, снова препровождены были в часть, бывшие же на свободе отправились по домам. В числе последних был и я.

Курьезным образом избежал горькой участи быть сданным в солдаты один товарищ-обструкционист. Когда полиция искала и арестовывала обструкционистов, он несколько дней не был у себя на квартире, и повестки с приглашением на суд вручить ему не могли. Суд уже закончился, «особое совещание» было распущено, и приговоры

состоялись, когда он явился к Сонину и предложил судить его одинаково со всеми товарищами; он заявил при этом, что в обструкции участвовал совершенно сознательно.

— Не собирать же снова ради вас одного «особого совещания», — сказал, выслушав его, Сонин. Так и не пришлось ему служить на «почетной» службе.

III

Несколько дней после суда провел я дома в ожидании своей участи. Наконец, 6-го февраля ранним утром я был пробужден околоточным надзирателем, который и предложил мне следовать за ним. В дороге я долго соображал, куда меня везут, пока не остановился перед Нарвской частью.

В канцелярии участка записали мою фамилию, а потом провели наверх в «арестантские» камеры. Я приехал один из первых. В камере на нарах лежал пока только один товарищ-студент. Но вскоре начали подвозить и других товарищей. Часам к 10 все приговоренные к солдатской службе были уже доставлены в участок. Недоставало только одного товарища, которого привезли к вечеру, схватив его на улице при выходе из студенческой столовой. Нас оказалось всего 28 человек. Хотя официально приговор объявлен нам не был, но каждый из нас знал уже, на сколько лет он осужден, потому что накануне в Университете вывешено было объявление с обозначением срока службы.

Шумно, весело... В нашем распоряжении две большие камеры. Публика из «общества» не скупится на приношения — передают яблоки, конфеты, съестные припасы... Начинаются свиданья с родными. Одного за другим вызывают в нижнее помещение участка. Скоро все это надоедает и утомляет, и мы хотим скорее выяснить свое положение. Впереди полная и томительная неизвестность. Одно только можно знать, что ничего хорошего там нет. Проходит день, другой... В участок является начальник охранного отделения Пирамидов и просит сказать, кому нужны полушубки и желтые сапоги. «Какие полушубки, какие сапоги, зачем?», — спрашиваем мы его с удивлением, и Пирамидов поясняет, что желтые сапоги и полушубки полагаются новобранцам при отправлении в дорогу. — «Но ведь нам же еще не объявляли приговора?» — «Это ничего не значит — вы все приговорены к сдаче в солдаты и если не хотите оставаться без сапогов и полушубков — заявляйте об этом сейчас» — и Пирамидов удаляется.

От сапогов мы отказываемся и требуем прокурора судебной палаты. После долгих объяснений с тюремной администрацией нам удается вызвать товарища прокурора. Мы пробуем объяснить ему, что держать в части и не сообщать причины ареста — незаконно, требуем, чтобы нам официально объявили приговор суда. Товарищ проку-

рора обещает заняться нашим делом безотлагательно. Еще два дня ждем мы ответа и подаем уже письменное коллективное заявление, что мы объявляем голодовку до тех пор, пока нам не скажут, что с нами намерены делать, и пока не объявят приговора.

Депутация подает это заявление Пирамидову, и мы начинаем голодать, отказываемся от всех передач, которые приносят нам, отказываемся от роскошных обедов, которые давались нам по распоряжению свыше.

Голодовка оказалась сильно действующим средством, и в ночь на 11 февраля мы узнали все, что хотели, но не так, как хотели... Около полуночи дверь в отделение участка отворилась, и в коридор ввалилась целая ватага разных «чинов» во главе с воинским начальником. Грубо, по-солдатски, воинский начальник крикнул всем нам, «чтобы через 40 минут все мы были готовы в дорогу». Все мы, быстро одевшись, вышли в коридор объясняться с новым начальством, все были возмущены солдатским обращением и повелительным тоном.

— Мы не поедем, — заявляет воинскому начальнику один из товарищей.

— Кто это сказал: не поедем? — кричит воинский начальник.

— Сказал это я, — спокойно отвечает ему товарищ, — но со мной согласны все товарищи.

Ошеломленный неповиновением, воинский начальник предоставляет нам на размышление 10 минут и заявляет, что по истечении их, он будет действовать силой с помощью команды, которую он с собой привел. После некоторого размышления мы решаем подчиниться и начинаем собирать вещи. Через 10 минут снова появляется воинский начальник, прочитывает нам в коридоре «приговор», т. е. сообщает, кто на какой срок сдан в солдаты <...>

IV

Вокзал... В две шеренги стоят солдаты; между ними узкий проход, как дорожка. Она идет к подъезду вокзала, проходит через весь вокзал, идет по платформе к самым дверцам вагона. Вылезши из саней, прямо идешь по дорожке в самый вагон. Для студентов специально приготовлено два вагона 3-го класса. В обоих вагонах отделения у дверей заняты конвоем; в средину проходим мы. Конвоирует нас еще казачий офицер.

Едва мы успеваем занять места, как в наш вагон входит военный министр Куропаткин[8] и обращается к нам с маленькой речью. Он говорит, что не будет касаться вопроса, за что нас сдали в солдаты, что хочет только познакомить нас, хотя бы бегло, с так называемой воинской дисциплиной.

«Если вы ударите офицера, — говорит он, — вас расстреляют, если вы сделаете то-то, с вами сделают то-то», говорит, что наше положе-

ние теперь не из завидных и советует вооружиться, во-первых, терпением, а во-вторых, молиться богу, чтобы он помог нам благополучно закончить службу. Затем г. Куропаткин обращается к нам с довольно характерным вопросом: «Кто у вас старший?»—«У нас нет старших»,— отвечаем мы ему. Он просит нас выбрать кого-нибудь нашим представителем. Выбираем. Куропаткин обращается к выбранному представителю с вопросом: «Скажите — вы не будете дорогой устраивать демонстрацию?» Получив ответ, что демонстраций устраивать мы не будем (хороши демонстрации, когда со всех сторон приставлены штыки), он приказывает оставить по одному солдату у каждой дверцы и удалить остальной конвой. <...>

Н. В. Дорошенко

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Н. В. Дорошенко

До начала 900-х годов студенчество Петербургского университета окончательно еще не отказалось от иллюзий академического движения. Правда еще с ветровской истории[1] время от времени вспыхивали отдельные выступления, носившие политический характер, однако общий колорит, которым было пропитано массовое студенческое движение, определенно был академическим: даже вопросы политические преломлялись в студенческом движении под углом зрения интересов своей «alma mater». Организации студенчества тоже, несмотря на то, что в отдельные периоды они близко примыкали к тем или иным политическим партиям, конструировались с учетом этих чисто студенческих интересов. Землячества, собиравшие в своем составе студентов, удовлетворявших внешнему признаку места окончания среднего учебного заведения, не были конечно политическими организациями. Издавна в стенах Петербургского университета имелась организация, носившая название «Кассы взаимопомощи студентов Петербургского университета». Она поддерживала связи с землячествами, сносилась с революционными группами и в тревожные времена из ее состава и представительного органа землячеств выделялись исполнительные, организационные и иного названия комитеты, которые фактически становились во главе уже вспыхнувшего или подготовляемого массового студенческого движения. Резко и определенно политической организацией, возникшей самостоятельно в недрах студенчества университета, явилась так называемая «Касса радикалов», которая и руководила движением 1901/02 учебного года <...>

Весной 1902 года частью окончили университет, частью получили выпускное свидетельство наиболее заметные и активные в студенческой среде члены «Кассы взаимопомощи»: <...> к началу нового академического года состав кассы настолько уменьшился, что с этого времени она фактически прекратила свое существование, а на ее развалинах одновременно возникли две социал-демократические организации, впитав в свой состав некоторое число молодых студентов, за год успевших сориентироваться в партийных вопросах и примкнувших к социал-демократии.

Печать кассы взаимопомощи студентов Петербургского университета. Публикуется впервые

В первую из них, фактически не принимавшую никакого участия в университетской жизни, вошли оставшиеся в университете старые члены «Кассы взаимопомощи» <...>, значительная часть которых вполне определенно стояла на рабочедельческой точке зрения. Группа эта не имела вполне оформленного состояния, но она по справедливости должна считаться преемницей «Кассы взаимопомощи», она же по-прежнему поддерживала связь с единым в то время петербургским партийным центром. Вторая социал-демократическая группа образовалась из элементов, лишь примыкавших к «Кассе взаимопомощи», члены ее, по крайней мере некоторые, к моменту ее организации не могли почитаться вполне оформившимися социал-демократами, и осень 1902 года была для них периодом оформления под непосредственным влиянием «Искры». Так же, как и первая группа, эта вторая только к концу осени 1902 г. оформилась и в организационном отношении, и, пожалуй, основным достижением ее за осенние месяцы этого года было то, что в постоянных поисках своей программы она в конце концов восприняла искровскую. <...>

В конце 1902 года группа «старых», о которой сообщено выше, фактически потеряла связи со студенчеством, тогда как группа «молодых», наоборот, значительно упрочила таковые, принимая непосредственное участие в университетской жизни. Группа «старых» явно клонилась к упадку как студенческая организация, группа же «молодых» была в стадии своего развития. Если не ошибаюсь, по почину Петербургского университета был поставлен вопрос о слиянии двух групп, как не только родственных, но и вполне однородных организаций. После нескольких совместных заседаний или, вернее сказать, собеседований представителей группы (Познер, Могилянский, Энгель и Дорошенко)[2] вопрос был решен положительно, и организация, «присвоив

себе наименование», выражаясь жандармским языком, «социал-демократической группы студентов С.-Петербургского университета»,[3] объявила о своем существовании листком, отпечатанным типографским способом за границей и доставленным еще до слияния с петербургской группой «старых». Этот листок был первым, с которым от имени партийной студенческой группы организованное студенчество обратилось к своим товарищам. <...>

К 1903 году потеряла в значительной степени свой авторитет среди студенчества и «Касса радикалов». <...>

В марте 1903 г. губернатор Уфимской губернии «достойно» усмирял златоустовских рабочих, а самое это усмирение вошло в историю под названием Златоустовской бойни.[4] Социал-демократическая студенческая группа признала необходимым реагировать на бойню сходкой-протестом, и по ее инициативе таковая была созвана на площадке перед актовым залом университета 18(31) марта 1903 г. Вся подготовка сходки, как печатание листков, объясняющих необходимость протеста, самое проведение собрания, выделение из своей среды ораторов были первым практическим делом социал-демократической университетской группы. Самый факт созыва сходки по такому поводу, абсолютно стоящему вне академической жизни, характер произнесенных партийными товарищами речей — все это было нечто совершенно новое в студенческом движении: оно нашло себе новую базу, и этим выступлением революционной части своей студенческое движение связало себя с наиболее последовательным революционным рабочим движением. Эта связь в дальнейшем крепла, чем и была обеспечена такая славная роль революционного студенчества в общем движении.

Речи А. А. Петрова и С. В. Ососкова[5] были партийно выдержанными. Первый говорил о рабочем движении, второй — о крестьянском. Надо было быть студентами того времени, чтобы оценить всю разницу этих выступлений в сравнении с выступлением любимых ораторов предыдущего года. Составленная и предложенная автором этих строк резолюция, подытоживающая чисто политический характер выступления, была единогласно принята правда немногочисленной (человек 500) сходкой, ибо на эту сходку явились только те элементы студенчества, которые уже доросли до революционного движения и навсегда распрощались с академическим уклоном.[6]

Правительство в лице послушного в его руках профессорского дисциплинарного суда хорошо учло новый тип выступления студенчества; оно знало, что за такую сходку профессорский суд будет достойным судом. Он и оправдал вполне доверие. Привлеченные к суду студенты, по предложению университетской социал-демократической группы, объявили бойкот суду и, несмотря на настойчивые приглашения, на суд не явились, почему знаменитому, европейски известному криминалисту профессору И. Я. Фойницкому[7] с коллегами пришлось выносить свой приговор заочно, в отсутствии подсудимых. Наиболее скомпрометировавшие себя студенты удостоились не от жандармов, а от про-

фессоров получить «волчий» паспорт, т. е. исключение из университета без права поступления в какое-либо высшее учебное заведение. Если не изменяет память, то же получили в то время еще не входившие в социал-демократическую группу Д. Ф. Сверчков[8] и другие. <...>

К этому времени вполне определилось отношение нашей соц.-дем. группы к студенческому движению как таковому. Этот усвоенный группой взгляд, осуществлявшийся ею в дальнейшем в течение 5 лет, сводился к тому, что никакого самостоятельного значения движению студентов она не придавала и стремилась подчинить его целиком интересам, стоявшим перед классовым пролетарским движением. Поддерживая всякое революционное движение, в том числе и чисто студенческое, группа ставила своей целью добиваться ясного сознания у студентов, что победа его движения возможна лишь при победе пролетариата, а отсюда логически вытекала задача опереться на социал-демократию, как признанную выразительницу классовых интересов пролетариата. Группа, конечно, никогда не рассчитывала превратить студенческое движение в социал-демократическое, но вместе с тем ясно отдавала себе отчет о составе студенчества, значительной частью которого были разночинцы. Группа имела в виду привлечь значительные кадры этой части в ряды социал-демократии. Российский интеллигент-разночинец всегда наполнял революционные партии, и расчет группы не являлся теоретической благоглупостью, что значительные кадры студентов-разночинцев могли воспринять пролетарское мировоззрение. Все же студенческое движение в целом, как демократическое движение, могло, по мнению группы, усвоить и принять те политические разногласия, которые выдвигались социал-демократией и которые летом того же года были фиксированы на 2-м съезде РСДРП.

Для самой группы 1902/03 учебный год принес определенное оформление ее как в организационном, так и в теоретическом отношениях; она стала партийной группой, руководимой местным партийным центром и примкнувшей к революционному крылу партии, возглавлявшемуся в то время «Искрой». Только отдельные члены группы в этот период вошли в общую работу социал-демократии, можно даже признать, что исключительной сферой, в которой работала группа, как таковая, был университет и его студенчество, почему было вполне естественно, что с наступлением каникул замерла жизнь в группе: все участники ее на лето разъехались кто на урок, кто на родину, а некоторые (Мухин, Тер-Микиртчьянц, Теплоухов) получили дипломы или выпускные свидетельства и покинули группу.

Осенью 1903 года члены группы вернулись в Петербург и начали работу. К этому моменту состав группы определился такой: Е. А. Энгель, Н. Н. Кузьминский, А. А. Петров, В. А. Горохов, А. Н. Новодворский, М. К. Дорохов, В. Н. Макаров, К. А. Масленников и Н. В. Дорошенко. В университете стали создаваться кружки из молодых студентов, в которых Энгель, Кузьминский и Бессонов, примкнувшие к ним по возвращении из ссылки, начали по установленной программе вести

занятия. Дорохов, Горохов, Макаров, Масленников вели сношения со студенческими группами («Партизаны борьбы» и другими)[9] и принимали активное участие в университетской жизни. А. А. Петров принимал некоторое участие в работе Василеостровского районного комитета РСДРП, а Дорошенко принял на себя сначала заведывание малой техникой этого комитета, а с октября-ноября начал вести пропагандистскую работу на Петербургской стороне. Вскоре к этой же работе примкнул Кузьминский, а Макаров и Масленников, помнится, работали в нашей технической группе, связанной с комитетской. Группа выпустила несколько прокламаций на общеполитические темы (помню особенно удачный листок о Финляндии, принадлежавший перу Е. А. Энгеля) и приняла участие в осенней сходке. Не помню повода этой сходки, но знаю, что в числе исключенных за эту сходку оказался Дорохов. Поддерживая постоянную связь с комитетом, мы на собраниях группы видели иногда его представителя и через комитет получали заграничную литературу, в частности «Искру». Обычно, если не в полном составе, то наиболее связанные между собою личными отношениями члены группы собирались или у Дорошенко, или у Е. А. Энгеля, и совместно прочитывали последний доходивший до нас номер «Искры». Здесь же, на этих импровизированных собраниях, шли обсуждения прочитанного, на них же знакомились мы с результатами 2-го съезда РСДРП, с послесъездовской литературой, иногда просачивавшейся в периферийные группы. Примерно в ноябре в коробке какао Дорошенко по личному своему адресу получил протоколы съезда и какую-то брошюру, освещавшую происшедшее на съезде. Эти книги только что были выпущены за границей, и, помнится, наша группа оказалась обладательницей тех материалов, которых не имел еще и комитет. Понятно вполне, с каким живым интересом ознакомились мы с полученной так неожиданно важнейшей партийной литературой. Воспитанные на идеях старой «Искры», мы не разделяли того уклона, который наметился, судя по протоколам съезда, в группе, составившей меньшинство съезда. С дальнейшим ростом разногласий, с чем мы имели возможность ознакомиться путем чтения «Искры», а также изредка получавшейся через частные связи большевистской заграничной литературой, — с дальнейшим ростом разногласий мы вскоре заметили новый уклон «Искры» с уходом из редакции В. И. Ленина, и все участники наших бесед более или менее разделяли ту позицию, которую заняло большинство делегатов 2-го съезда РСДРП. Сказать, что в то время — зимой 1903 года — мы были большевиками, конечно нельзя, ибо сами разногласия к этому периоду не настолько кристаллизовались, не настолько выявились в принципиальных вопросах, чтобы такая периферийная соц.-дем. группа, как студенческая, могла вполне осознать свое отношение к разногласиям. Однако насколько первые побеги разногласий дошли до группы, последняя в целом своем составе стала на позицию, которую занимал В. И. Ленин, и конечно не случайным совпадением надо объяснить то, что все участники группы

1903 года, фамилии которых были приведены выше, впоследствии, когда полно и отчетливо выявился для них водораздел между фракциями социал-демократии, определенно примкнули к большевистскому крылу и увлекли за собой целый ряд более молодых товарищей, пришедших частично через кружки, организованные в 1903 году группой в университете. Вплоть до 1905 года Петербургский университет был цитаделью большевизма среди высших учебных заведений Петербурга, и только в 1905 году, во второй его половине, среди студентов университета появилось более или менее оформленное меньшевистское течение.

В. М. Толстопятов

В ЛАБОРАТОРИИ ФАВОРСКОГО

Я поступил в Петербургский университет в 1900 году на физико-математический факультет, разряд естественных наук. Окончил университет в 1904 году.

Первое и неизгладимое впечатление, произведенное на меня университетом — при вступлении в его стены — это были многочисленность и разнообразие преподававшихся в нем наук. Это был целый мир, где культивировались все науки, и все они были представлены учеными первой величины. Мы — молодые и счастливые студенты — бегали по большому светлому коридору «здания 12-ти коллегий» и старались попасть на лекции всех знаменитых лекторов как своих, так и не своих специальностей. Слушали профессоров: Д. П. Коновалова, О. Д. Хвольсона, В. И. Сергеевича, Н. Л. Дювернуа и др. Согласно учебному плану мы, хотя и поставили себе целью изучение химии, должны были в то же время изучить и целый ряд биологических наук, минералогию, геологию, метеорологию и др. Основные химические дисциплины были представлены очень крупными учеными: неорганическая химия — Д. П. Коноваловым, органическая химия — А. Е. Фаворским, аналитическая химия — В. Е. Тищенко.[1] Высшая математика на естественном разряде в это время совсем не читалась, точно так же совсем отсутствовала физическая химия. Физика читалась почти в размере курса средней школы. На первых двух курсах и в начале третьего мы усердно слушали лекции и проходили общеобразовательные лаборатории — качественного и количественного анализа. Со второй половины III курса начиналась специализация. Я специализировался по органической химии и поступил в лабораторию А. Е. Фаворского. С этого <момента> слушание лекций фактически прекратилось и все время целиком отдавалось работе в лаборатории.[2]

Сперва надо было проделать практикум по органической химии. Этим практикумом руководил ближайший помощник А. Е. Фаворского — Живоин Ильич Иоцич.[3] Это был серб по рождению, очень горячий, чрезвычайно одаренный и неутомимый в работе. Его работы явились ценным вкладом в науку. Открытие им ацетиленовых магний-органических соединений и получение с их помощью ацетиленовых спиртов сделали его имя известным далеко за пределами России. К сожалению, он не стремился к подробному ознакомлению научных кругов со своими работами точно так же, как не стремился к оформлению своего научно-правового положения. Работы свои он опубликовал в виде кратких протокольных заметок и, несмотря на выдающееся на-

учное значение этих работ, отказывался выполнить формальности по защите диссертации. Незадолго до 1-й империалистической войны он уехал лечиться в Италию, где и умер.

Дипломную работу я сделал под руководством профессора А. Е. Фаворского. А. Е. Фаворский — это одна из самых значительных и замечательных фигур Ленинградского университета. <...>

Академик А. Е. Фаворский с коллегами и учениками (первый справа во втором ряду — С. В. Лебедев, первый слева в третьем ряду — К. И. Дебу)

Он создал целую школу химиков, явившуюся продолжением и расширением школы Бутлерова.[4] Незадолго до описываемого времени химические лаборатории, помещавшиеся до этого в первом этаже главного корпуса, переехали во вновь выстроенное здание, занимаемое в настоящее время Химическим институтом. Фаворский переехал в это помещение уже с большим научным багажом. Ему было всего около 40 лет, но он уже защитил обе диссертации (магистерскую и докторскую), создал новое направление и органической химии, приобрел громкое европейское имя и уже воспитал целый ряд крупных учеников (К. А. Красусский,[5] К. И. Дебу[6] и другие).

<...> Заражаясь научным энтузиазмом нашего руководителя — А. Е. Фаворского, мы работали в лаборатории[7] цельнодневно, делая лишь короткий перерыв для обеда, и оставались в лаборатории поздно в ночь. А. Е. Фаворский живейшим образом интересовался нашими работами и даже с волнением следил за их ходом. В качестве курьеза

расскажу следующий анекдот. Однажды весной я заработался в лаборатории до позднего времени. Мне удалось, наконец, выделить в чистом виде третичный бутиловый спирт как конечный продукт изучения изомерного превращения первичного бромистого бутила в третичный. Это был пробный шар целой серии задуманных работ. Очень счастливый этим я возвращался домой около 1 часа ночи. У сада ботанического института я встретил А. Е. Фаворского, возвращавшегося, по-видимому, с заседания. Он расспросил меня о результатах работы и, узнав, что выделен третичный спирт, попросил меня вернуться в лабораторию и определить удельный вес полученного спирта. Я с удовольствием исполнил эту просьбу и домой возвращался уже на рассвете.

Университетский курс заканчивался государственными экзаменами. Сюда входили экзамены по органической химии, геологии, споровым растениям, физиологии животных, метеорологии и некоторые другие. Все экзамены <необходимо было сдать> на протяжении небольшого времени и требовали <они> большого напряжения памяти.

Свою научно-педагогическую деятельность в университете я начал в августе 1910 года, когда занял должность лаборанта в лаборатории А. Е. Фаворского. Незадолго до этого (кажется, в 1909 году) произошла следующая перемена в жизни лаборатории. Практикум по органической химии был выделен в особую лабораторию, которая, под названием «Новое отделение лаборатории органической химии» была организована в здании старого физического института.[3] Устройство этой лаборатории в заведывание ею было поручено уже упомянутому Ж. И. Иоцичу. Лаборатория Фаворского теперь стала служить только для выполнения научных работ и получила название «Специального отделения лаборатории органической химии». Но неутомимая жажда научных изысканий заставила Иоцича и в этой — чисто учебной лаборатории («Новом отделении...») наладить научно-исследовательскую работу и привлечь к себе учеников. Таким образом, научно-исследовательская работа в области органической химии стала производиться параллельно в двух лабораториях.[9] <...>

А. П. Остроумова-Лебедева

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ

<...> Сергей Васильевич поступил на физико-математический факультет на естественное отделение.

В университете еще сильна была слава Д. И. Менделеева,[1] курс по химии был обязательным для всех слушателей физико-математического факультета, и экзамен по химии у Д. П. Коновалова был основным экзаменом естественника. Книга «Основы химии» Менделеева была настольной книгой для каждого студента физико-математического факультета.

Привожу выдержки из воспоминаний Василия Гавриловича Шапошникова,* который, будучи одновременно с Сергеем Васильевичем в университете, близко сошелся и подружился с ним, да и впоследствии в жизни обстоятельства постоянно сталкивали их вместе, и дружеские отношения они поддерживали всю жизнь.

«<...> В то время на естественном отделении особенно высоко поставлено было преподавание цикла химических дисциплин. Как известно, организация этого отдела была в руках талантливейших и непосредственных учеников славных Бутлерова и Менделеева. На всем лежал отпечаток их гения, и работа велась с величайшим подъемом.

Первокурсники сразу попадали в руки Дмитрия Петровича Коновалова. Крупный ученый, специалист, он вместе с тем являлся человеком широкого образования и кругозора, обладавшим, кроме того, даром исключительного красноречия, остроумного, живого, магнетизировавшего своих слушателей.

Дмитрий Петрович в своих слушателях будил лучшие чувства, закреплял глубокую преданность науке. Давал для многих тот толчок, который дальше определял их жизнь. На его лекциях я и познакомился с Сергеем Васильевичем Лебедевым.

Кажется, мы оба испытывали одинаковые чувства. Довольно сильно поломанные годами гимназической учебы, в которых у обоих было немало тяжелых моментов, мы чувствовали глубокое удовлетворение от пребывания в живительной атмосфере университета. Душевные силы наши восстанавливались.

Лекции посещались нами с особым усердием. Биологические науки также имели своих выдающихся представителей, но стремление к ясности и точности рано определило желание Сергея Васильевича

---

* Шапошников В. Г.[2] Воспоминания о С. В. Лебедеве. Неизданная рукопись (*прим. автора*).

Академик А. Е. Фаворский. 1904 г.

выбрать для себя специальность по химии. На этом пути он шел в университете одним из лучших.

Со второго курса к увлечению лекциями прибавилась работа в лаборатории, занимавшая шесть-семь часов в день. От студентов требовалось решать задачи по качественному анализу (проф. В. Е. Тищенко и ассистент С. И. Сазонов[3]) и по количественному (ассистенты Погоржельский[4] и В. Мокиевский[5]), наиболее точно и тщательно во всех деталях работы.

Для Сергея Васильевича, который еще в детстве насмотрелся и выучился в Варшаве разным мелким ремеслам, было легко точно и тщательно вести работу, выполняя лабораторный практикум.[6]

В пятом семестре перед Сергеем Васильевичем встал вопрос о выборе лаборатории, в которой надо было исполнить дипломную работу. Сергей Васильевич выбрал лабораторию проф. Е. А. Фаворского.

При ограниченном числе мест только немногие из соискателей попадали в нее. Помню то нервное состояние, которое охватило Сергея Васильевича перед этим поступлением. Вступительное испытание здесь

было для Сергея Васильевича испытанием его веры в себя и в свои силы и как бы достижением долгожданной цели.

В лаборатории Алексея Евграфовича Фаворского работающие сливались в одну семью. Целью этой ячейки, где работали наряду со студентами и крупные химики, было непрерывное упражнение и развитие всех возможных способностей каждого в овладении сложными химическими понятиями. Все в этом друг друга поддерживали. Радостное и бодрое настроение, которое здесь господствовало, создавало особенно дружескую атмосферу... Алексей Евграфович Фаворский сам работал рядом со студентами в лаборатории».

Попав в лабораторию к профессору Фаворскому, Сергей Васильевич весь отдался работе; он так долго засиживался в лаборатории, что оставался там и почевать. Он был охвачен страстью к работе, и все, что могло помешать ему вести ее, он встречал с большим неудовольствием. В нем развилось сознание своей силы и внутреннее убеждение в способности преодолеть трудности выбранного им пути.

Сергей Васильевич любил работать за паяльным столом и впоследствии в стеклодувных работах достиг большого совершенства.

Вообще руки и пальцы Сергея Васильевича были в смысле ловкости и точности в работе изумительны. Он отличался большой находчивостью и никогда не терял присутствия духа. Привожу один из немногих случаев: оканчивая под руководством профессора Фаворского дипломную работу, которую он готовил два года, Сергей Васильевич в последний момент нечаянно разбил колбочку с конечным продуктом реакции. Все содержимое колбочки пролилось на стол, покрытый синей бумагой, сплошь закапанной парафином. Что делать? С присущей ему находчивостью Сергей Васильевич мелко настриг мокрую бумагу и экстрагировал ее эфиром. Из эфирного экстракта вновь выделил вещество, потеряв лишь небольшую его часть.

* *
*

Университет в Петербурге был только частью той широкой и блестящей картины, которая развернулась перед Сергеем Васильевичем.

Сам город, который вначале показался ему суровым и официальным, стал постепенно покорять его величием зданий и перспектив, широтой и мощью реки, великолепием набережных, мостов и решеток.. <...>

Надо еще упомянуть об увлечении Сергея Васильевича, как и многих других его товарищей, театром и музыкой. <...>

Был он молчалив и серьезен, с примесью насмешки, легкого сарказма и молодого скептицизма. В нем ярко проявлялась большая одаренность, нравственная чистота и благородство души.

Мой отец не раз говорил: «Сережа? Да это жемчужина среди молодежи».

Был он строен, ловок, любил спорт, хорошо танцевал. Был высокого роста, бледен лицом, с шапкой вьющихся светлых волос и с красивой посадкой головы, сильно закинутой назад.

Он был плохо обеспечен первые годы своего студенчества. Уроков у него еще не было, стипендии тоже. Надежда Васильевна, его сестра, от времени до времени присылала ему небольшие деньги, которых было далеко не достаточно.

В жизни университета были еще и другие стороны, кроме научной, а именно жизнь политических кружков. Сергей Васильевич, несмотря на увлечение работой, был захвачен передовыми течениями и настроениями, гораздо более широкими и глубокими, чем в Варшаве.

В 1899 году Сергей Васильевич был увлечен общественным движением, участвовал в забастовках и сходках.[7] На одной из демонстраций он был арестован и со многими товарищами посажен в пересыльную тюрьму, но через три дня выпущен с подпиской о немедленном выезде из Петербурга. Он уехал (это было весной) к своему дяде, брату матери, Владимиру Климентьевичу Чеховичу, инженеру водных путей сообщения, который жил и служил на обводном канале Ладожского озера, в селе Сясьские Рядки. Там Сергей Васильевич жил в спокойном семейном кругу своего дяди, который к нему хорошо относился. Он развлекался верховой ездой, занимался водным спортом, греблей, ходил под парусами. Однажды, увлеченный попутным ветром, он далеко выехал в Ладожское озеро. Поднялась буря, ветер переменил направление, и его уносило все дальше и дальше. Хорошо, что дядя заметил в бинокль его бедственное положение и послал ему помощь.

Сергей Васильевич много раз вспоминал с удовольствием проведенное в Сясьских Рядках время.

С осени он получил разрешение продолжать занятия в университете, и в 1900 году Сергей Васильевич его окончил. После окончания он был призван на военную службу. Военную подготовку пришлось проходить в Финляндском Гвардейском полку, куда был также определен и Василий Гаврилович Шапошников.

Отношение к студентам, участникам политического движения, было в полку предубежденное, и здесь не останавливались перед крутыми мерами «перевоспитания». Сергей Васильевич в целях самозащиты избрал путь безукоризненного выполнения обязанностей, изучения теории и практики и достиг репутации лучшего солдата и стрелка команды. Этим он преследовал еще одну цель. Ему надо было держать государственный экзамен, и поэтому он хотел получить у ближайшего начальника разрешение ездить из Старого Петергофа, где стоял в лагере Финляндский полк, в Петербург и сдавать государственный экзамен. Его начальник не мог ему этого разрешить, но ввиду того, что Сергей Васильевич был очень аккуратен и точен в исполнении военного учения, решил смотреть на его поездки в Петербург сквозь пальцы.

Нервное напряжение было большое, приходилось заниматься по ночам. Но воля и настойчивость Сергея Васильевича все преодолели. <...>

Сергей Васильевич окончил университет с дипломом первой степени, но он не был оставлен при университете и потому потерял возможность продолжать исследовательскую работу. Надо было зарабатывать. Он начал давать уроки физики в средних учебных заведениях и работать в лаборатории на мыловаренном заводе братьев Жуковых (ныне завод имени Карпова). Пробыв на заводе очень недолго, он перешел на работу в Комиссию по исследованию рельсовой стали при Институте инженеров путей сообщения. Он собрал обширный материал, который был опубликован в сборнике «Труды Рельсовой комиссии при Институте инженеров путей сообщения» (1905—1907 годы). За эту работу жюри Международной выставки железнодорожного дела в Милане 2 марта 1907 года присудило ему золотую медаль.

В 1902 году Сергей Васильевич был приглашен в Петербургский университет лаборантом отделения технической и аналитической химии и, таким образом, смог снова продолжать свою научно-исследовательскую работу. <...>

Научные работы того времени у него проходят в исканиях; один из опытов окончился очень печально.

Однажды у него в лаборатории разорвалась склянка Тищенко с бромом. Осколки полетели ему в лицо, дымящийся бром его облил. Падая и теряя сознание, он догадался сбросить с себя залитый бромом пиджак, чтобы не задохнуться парами брома. Его отвезли в больницу. Лицо было сильно обожжено. В веках торчали мелкие осколки, которые мешали ему открыть глаза и проверить свое зрение. Особенно пострадали руки. Они сильно были порезаны осколками стекла и обожжены.

Года три спустя врачу пришлось разрезать ему руку в двух местах, чтобы вынуть острые осколки. <...>

Осень 1906 года, время нашего возвращения в Россию, надо считать началом интенсивной научной работы Сергея Васильевича, которую он продолжает со всевозрастающим темпераментом и жаром до самой смерти.

Работа, работа, работа.

Вся его жизнь прошла в работе.

По совету профессора Фаворского он занялся исследованием явлений полимеризации непредельных органических соединений. Он отказывается от всяких побочных занятий и заработков, чтобы освободить время для научной работы.

Мы сокращаем наши потребности елико возможно. Сергей Васильевич любил домашний уют и комфорт. Наши вкусы сходились: ничего лишнего, пышного, блестящего, никаких предметов роскоши, только все самое необходимое и по характеру простое и скромное.

Комната в университете, в которой он работал, разделена была

в длину большим столом со сквозными полками. Полки заставлены бутылями, колбами и всякими приборами. Его половина — левая, в правой работали Скосаревский[8] и Толкачев.[9] Часто можно было видеть, как Сергей Васильевич выбегал из лаборатории на двор в сторону сада и навешивал на ветки деревьев и на ограду маленькие ампулки с веществом, исследуя действие света на полимеризацию этих веществ.

Он работал с увлечением, со страстью. Всякое постороннее обстоятельство, мешающее ему двигать работу, вызывало в нем нетерпение.

Имея днем мало времени на работу, Сергей Васильевич работал по вечерам, засиживаясь в лаборатории до 4-5 часов утра и совершенно теряя представление о времени.

В 1908 году 11 сентября Сергей Васильевич сделал свой первый научный доклад на заседании Русского физико-химического общества о скоростях полимеризации эфиров акриловой кислоты.[10]

Большие трудности экспериментального характера помешали продолжать эту работу. Полученные же им тогда результаты представлялись ему настолько важными для понимания механизма полимеризации, что в конце 1933 года он опять вернулся к этой работе, но окончить ее не успел.

С осени у Сергея Васильевича в лаборатории появилась помощница — молодая студентка университета Нина Алексеевна Скавронская,[11] работа которой у Сергея Васильевича имела для нее значение дипломной работы. Он вспоминал ее всегда как очень талантливую первую свою ученицу и помощницу.

Итак, Сергей Васильевич все свое внимание (к сожалению, не все свое время) сосредоточил на научной работе — на исследовании полимеризации двуэтиленовых углеводородов.

Он очень увлекался работой и своим энтузиазмом увлекал Скавронскую, и иногда они работали напролет всю ночь. Впоследствии, когда я с ней познакомилась, она мне рассказывала, как она первое время боялась Сергея Васильевича из-за его молчаливости и серьезности.

В 1909 году, в декабре месяце, в Москве на заседании Химического общества Сергей Васильевич сделал доклад об исследовании полимеризации двуэтиленовых углеводородов. Эти исследования были ценным вкладом в науку, так как они устанавливали основные положения термополимеризации диеновых углеводородов и обогатили в то же время малоисследованную область полимеризации обширным, совершенно оригинальным экспериментальным материалом. На этом же заседании он показал кусочек дивинилового каучука, полученного им в процессе работы.

3 марта 1911 года Сергей Васильевич сделал доклад в Химическом обществе о полимеризации и изомеризации несимметричного диметилаллена. Эта работа положила начало его исследованиям полимеризации алленовых углеводородов.

Весной этого же года Сергей Васильевич сдал магистерский экзамен.

«...Скверно у проф. Фаворского и немного лучше у проф. Чугаева, и у меня остался тяжелый осадок от всего экзамена...»,—так писал мне с обычной своей скромностью Сергей Васильевич в Рим, куда я уехала с матерью на Международную выставку картин. <...>

Зима 1912 года прошла в усиленной работе. Летом мы жили на Карельском перешейке, и Сергей Васильевич часто ездил в город, так как он печатал свою диссертацию «Исследование в области полимеризации двуэтиленовых углеводородов».

Не раз от посторонних я слышала, как хорошо написана эта монография. И меня спрашивали, как долго Сергей Васильевич работал над стилем, пока не дошел до такой четкости, краткости и ясности в своем изложении. Я видела, как он писал. Он писал ее почти без помарок, с налета, по главам и сразу отвозил в типографию.

7 апреля 1913 года Сергей Васильевич защищал диссертацию в Петербургском университете. Я присутствовала на этом диспуте. Мой старичок-отец сидел на первой скамье в аудитории и, приложив руку к уху, внимательно слушал весь диспут. Он был очень доволен. Блестяще оправдалось его высокое мнение о Сергее Васильевиче, возникшее в нем, когда Сергей Васильевич был еще молоденьким студентом.

Защита диссертации прошла при общих похвалах оппонентов.

Качество диссертации настолько высоко, что Сергей Васильевич удостоился получить за нее от Российской Академии наук большую премию и почетную золотую медаль.

Дома Сергея Васильевича ждали подарки от меня, от родных, от друзей. Он был весел и радостно взволнован и говорил мне несколько раз: «Какой счастливый день!».

Диссертация Сергея Васильевича представляет собой оригинальный труд, богатый не только обширным опытным материалом, но и изложением новых фундаментальных теоретических положений в совершенно не исследованной в то время области органической химии— области полимеризации непредельных соединений. Это исследование Сергея Васильевича имеет огромное теоретическое и техническое значение как основа, на которой в дальнейшем развились исследования, приведшие к промышленному осуществлению синтеза каучука. Сергей Васильевич является пионером, проложившим путь к получению синтетического каучука и прочно закрепившим за нашей Родиной приоритет в этой области науки и промышленности.

Острая борьба за приоритет в разработке метода получения дивинилового каучука, которую развернули немецкие химики — Гарриес, Гофман и другие — сразу же после опубликования Сергеем Васильевичем своих первых работ в этой области (1909 г.), служит лишь подтверждением того, что работы эти имеют исключительное значение в решении проблемы технического синтеза каучука, которая была успешно решена в Советском Союзе в годы первой пятилетки.

Монография Сергея Васильевича признана классической. Она написана просто, ясно и сдержанно, но в этой простоте и сдержанности заключены большие богатства — и напряженность мысли, и ценнейший экспериментальный материал.

Несмотря на то, что научные исследования Сергея Васильевича имели огромное значение для практического разрешения проблемы синтетического каучука, они протекали в условиях, которые мало способствовали их благоприятному развитию.

Университетская лаборатория не имела нужного оборудования для этих исследований. Средств на их приобретение было недостаточно, да и распределял их заведующий кафедрой, а не Сергей Васильевич, и поэтому он часто необходимого для работы не имел. Сергею Васильевичу приходилось самому мастерить приборы и иногда на свои скромные средства заказывать их и выписывать из-за границы.

В царской России работы Сергея Васильевича, несмотря на их теоретическую и практическую ценность, не имели поддержки, и только при советском строе они нашли достойную оценку и щедрую материальную поддержку. Были отпущены значительные средства на развитие этих работ. Все дело было окружено большим вниманием со стороны советских, партийных организаций и особенно со стороны Сергея Мироновича Кирова.

* *
*

Сергей Васильевич не обладал крепким здоровьем. Несмотря на свой высокий рост, широкие плечи и хорошо развитую грудную клетку, он был хрупкого здоровья. Хронический катар желудка, частые заболевания гриппом его сильно ослабляли.

Острая впечатлительность и легкая возбудимость, унаследованные от матери, при внешнем спокойствии и сдержанности часто лишали его сна. Он страдал бессоницей, особенно когда усиленно работал. <...>

В 1913 году он был избран приват-доцентом Петербургского университета и с осени начал читать курс «Современное состояние и значение учения о валентности». К сожалению, это не давало ему самостоятельной лаборатории, и он, показавший себя как зрелый ученый блестящими работами, должен был по-прежнему нести обязанности ассистента качественного анализа, чтобы иметь возможность продолжать свою научную работу. И по-прежнему он не имел достаточной материальной независимости в лаборатории.

В 1914 году летом мы уехали в Испанию. Перед отъездом, 8 мая, Сергей Васильевич сделал в Химическом обществе предварительное сообщение о полимеризации ацетиленовых углеводородов и 15 мая — о полимеризации фенилбутадиена-1,3. <...>

Сергей Васильевич чрезвычайно любил животных, особенно собак и лошадей. Любил также и верховую езду. В 1908 и 1909 годах, во время летнего отдыха, Сергей Васильевич каждый день ездил верхом. Также и будучи в Крыму, он много ездил верхом. А зимой в Петербурге ездил в манеже, пока было возможно. Он очень любил бегать на коньках. Помню, как Сергей Васильевич сговаривался с известным художником К. С. Петровым-Водкиным,[12] таким же любителем спорта, о встрече на катке для совместного выполнения каких-то фигур. Зимой ездил на Карельский перешеек, где занимался лыжным спортом.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С В. Л. КОМАРОВЫМ

Приват-доцент Петербургского университета Е. В. Тарле. *Публикуется впервые*

Была на белом свете (точнее в Петербурге) как раз 40 лет тому назад такая ассоциация: «Общество приват-доцентов Петербургского университета».[1] Только что сделавшись приват-доцентом, я пошел на заседание этого таинственного сообщества, которое не было ни разрешено, ни воспрещено, а собирались в какой-то лаборатории, где всегда стояло особое, затейливое сложно-химическое зловоние, трудно переносившееся приват-доцентами, преподававшими гуманитарные науки.

Когда я впервые пришел на заседание, трибуну занимал оратор, горячо говоривший о какой-то очередной пакости, учиненной попечителем учебного округа против прав университета. Но меня заняла не речь, а личность говорившего, больше всего его глаза. Это были такие блестевшие чувством и умом яхонты, которые освещали все его лицо, и, казалось, лучи, исходившие от них, озаряли перед собой все. «Яхонтами», «брильянтами» называли подобные комаровским глаза знаменитого физика Лебедева.[2]

Я спросил сидевшего возле меня теперь покойного уже историка А. Е. Преснякова:[3]

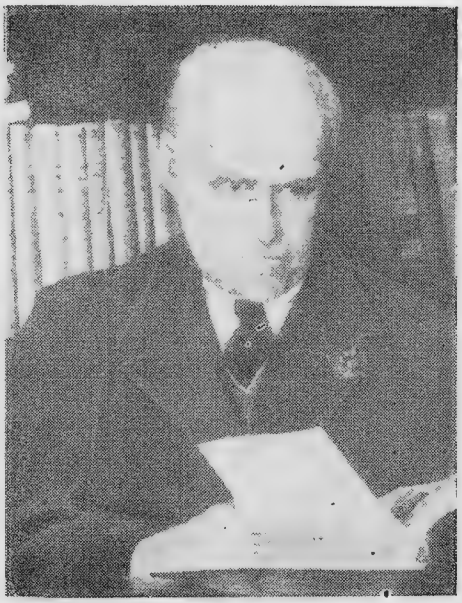
— Кто это такой?

— Это — ботаник Комаров.

— Какие у него глаза поразительные, — заметил я.

— Ну, так вы торопитесь, Евгений Викторович, наглядеться всласть на его глаза и не откладывайте, потому что его скоро из университета выгонят, министерство его терпеть не может, — посоветовал мне Пресняков.

Он как будто предвидел позднейшую секретную полицейскую ин-



Академик В. Л. Комаров

формацию, обнаруженную уже после Великой Октябрьской социалистической революции в бумагах курсов Лесгафта: «...ботаник Комаров, удаленный за антиправительственный образ мыслей из разных учебных заведений, нашел себе пристанище на курсах Лесгафта...».[4]

Да, его на курсах Лесгафта так же любили и почитали и товарищи, и служащий персонал, и учащиеся, как и в университете, как и всюду, где он работал. Шли годы, росла ученая слава ботаника Комарова, превратился ботаник из гонимого приват-доцента в Президента Академии наук, но без малейших изменений осталось его благородное, великодушное, на все откликающееся сердце, и все теми же блестящими мыслью и чувством яхонтами смотрит он по-прежнему на свет, на жизнь, на людей и все такую же любовь к себе вызывает у всех, кто к нему приближается. <...>

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ

Я встретился с ним в первый раз и познакомился на лекциях по сербскому языку профессора Лаврова. Я переходил на третий курс, он, должно быть, был на четвертом.[1]

А. А. Блок

В старинном здании Петербургского университета — Двенадцати коллегий — есть замкнутые, очень солнечные маленькие аудитории, где читают профессора, которых не слушают. Таким и был Лавров,[2] читавший предмет обязательный, но скучный. Толстый, красный, сопный, он учил нас сербскому языку и читал нам былины.

В сербском языке, в прошедшем времени, «л» переходит в «о»: «мойя майко помамио» — получается какой-то голубиный лепет. Блоку это нравилось, мне тоже, и, кажется, на этот именно предмет мы обменялись с ним первой фразой. Он ходил в аккуратном студенческом сюртучке, всегда застегнутом, воротник был светло-синий (мода была на темные), волосы вились, как нимб, вокруг его аполлоновского лба, и весь он был чистый, светлый, я бы сказал, изолированный — от лохмачей, так же как и от модников. Студентов было очень мало. Блок лекций не пропускал, и аккуратно записывал все, что говорил Лавров, в синие гимназические тетрадки. Я ходил редко, и Блок мне передал свои записки — несколько тетрадок должны быть в моем архиве в Петербурге, если он цел.[3] Там, ранним его почерком, записана вся сербская премудрость.

Не помню как, но очень скоро выяснилось, что мы оба пишем стихи. Наметилась близость. Скоро я услышал Блока в литературном кружке пр<ават>-доцента Никольского,[4] где читали еще Семенов и Кондратьев,[5] будущие поэты. Ничего не понял, но был сразу и навсегда, как все, очарован внутренней музыкой блоковского чтения, уже тогда имевшего все свои характерные черты. Этот голос, это чтение, может быть, единственное в литературе, потом наполнилось страстью — в эпоху «Снежной маски», потом мучительностью — в дни «Ночных часов», потом смертельной усталостью — когда пришло «Возмездие».[6] Но ритм всю жизнь оставался тот же, и та же всегда была напряженность горения. Кто слышал Блока, тому нельзя слышать его стихи в другом чтении. Одна из самых больных мыслей при его смерти: «Как же голос неизъяснимый не услышим, записан ли он фонографом?»[7]

Кружок собирался в большой аудитории «Jeu de pomme» — так называлось старое здание во дворе университета.[8] Все сидели за длинным столом, освещаемые несколькими зелеными лампами. Тени скрадывали углы, было уютно и ново. Лысый и юркий Никольский, почитатель и исследователь Фета, сам плохой поэт, умел придать этим вечерам торжественную интимность. Но Блока не умели там оценить в полной мере. Пожалуй, больше всех выделяли Леонида Семенова, поэта талантливого, но не овладевшего тайной слова, онемевшего, как Александр Добролюбов,[9] и сгинувшего где-то в деревнях.

Встречи с Блоком в университете всегда мне были радостны. Правда, болтливой студенческой беседы с ним никогда не выходило, но он умел простым словам придать особую значимость. По типу мышления он с ранних лет был подлинным символистом. Бодлеровские «корреспондантсы»[10] я постиг впервые у него.

Г. А. Энгель

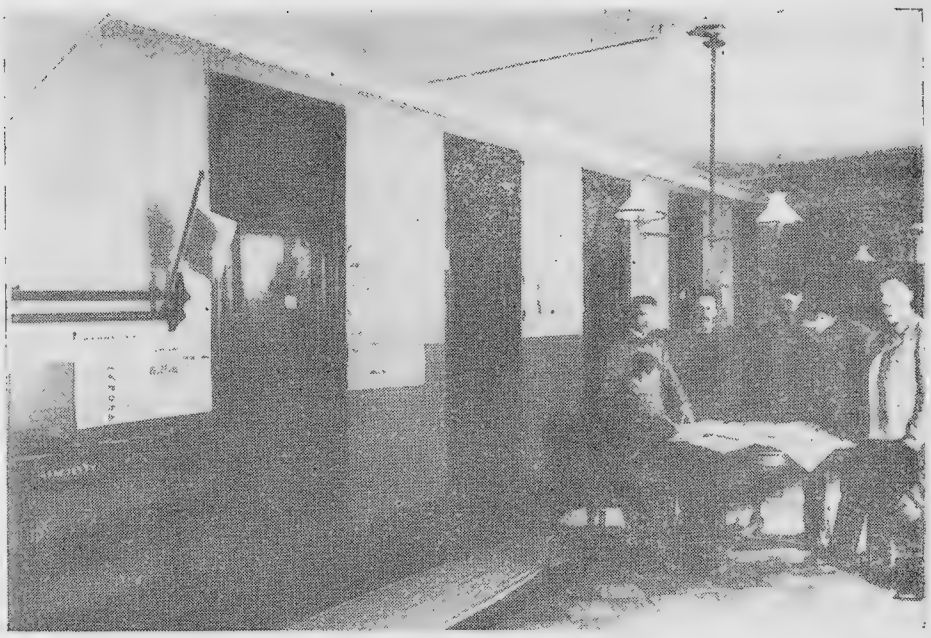
1905 ГОД И СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Возникшее в феврале 1899 года в Петербургском университете студенческое движение явилось движением академическим и по своим целям, и по средствам борьбы. Движение это со стихийной быстротой распространялось сперва по всем высшим учебным заведениям Петербурга, а затем и всей России, всколыхнув около 30 000 студентов и возбудив внимание к себе во всех классах населения.[1] Единственной организацией среди студентов университета, и, разумеется, нелегальной, в то время являлась «Касса взаимопомощи студентов С.-Петербургского университета».[2] Она находилась в связи с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и работала под идейным руководством последнего. «Союз борьбы» черпал из «Кассы взаимопомощи» необходимых для него работников и материальные средства. Никакой политической работы «Союз борьбы» через «Кассу взаимопомощи» среди студентов не вел, да и не мог вести, так как самая деятельность «Союза» протекала тогда под знаком «экономизма».[3]

Деятельность «Кассы взаимопомощи» ограничивалась преимущественно распространением среди ее членов и соприкасающихся с ней элементов студенчества идей марксизма.

Естественно, что при таком положении вещей «Касса взаимопомощи» не могла взять на себя роль активно руководящей организации по отношению к студенческому движению. Руководящая роль оказалась в руках отдельных членов «Кассы взаимопомощи», образовавших для руководства движением «Организационный комитет студентов Петербургского университета».

По мере того как студенческое движение развивалось, превращалось в силу объективных условий из движения академического в движение политическое и в то время как наряду с академической забастовкой и обструкцией все большее и большее значение стали приобретать открытые массовые выступления студенчества на демонстрациях, «Касса взаимопомощи» все более и более замыкалась в чистый экономизм, явно отворачивалась от студенческого движения и отмежевывалась от тех своих членов, которые активно в нем участвовали. Показательным для позиции, занятой «Кассой взаимопомощи» в этот период движения, является листок, выпущенный «Кассой» 19 февраля 1901 года, в день, когда боевые студенческие организации энергично призывали студентов на демонстрацию у Казанского собора, приуроченную к 40-летию так называемого «освобождения крестьян».



В студенческой читальне университета. 1904 г.

«Тяжелые, полные глубокого драматизма дни, какие переживает русское студенчество в последнее время, дают еще один лишний повод указать на печальное и унизительное положение общества в нашем отечестве.

Молодая, лишь недавно пробудившаяся, страна спешит жить с той лихорадочной энергией, какой характеризуется переход от мертвого застоя к сознательной жизни. С ломкой старого патриархального экономического строя нарождается новый; развивается промышленность, растут производительные силы страны; медленные, но неизбежные перемены в экономическом быту влекут за собой перемены в социальном — рушатся сословные перегородки, происходит группировка по классам; кипит умственная деятельность, растет и крепнет народное самосознание.

Не росли лишь политические формы России; они остались прежними и, являясь для настоящего времени архаическим пережитком прошлого, препятствуют дальнейшему развитию, не вмещают в себя всех проявлений народной жизни. Выгодные для небольшого числа лиц, для остальных они играют роль тормоза, надрывают здоровые поступательные силы страны, причиняют ей сильную боль. И чем резче выступает наружу несоответствие политических форм и экономического и умственного состояния страны, чем жизненнее интересы, сталкивающиеся в этом противоречии, тем тяжелее положение общества, тем мучительнее и невыносимее положение сознательной его части.

Тем временем жизнь делает свое дело, и для поддержания грозящей развалиться надстройки правительству приходится ставить такие ненадежные подпорки, как систематическое и последовательное подавление всякой живой массы, всякого честного слова, указывающего на противоречия в существующем строе России.

Одним из частичных проявлений этой системы является отношение правительственной власти к студенческим беспорядкам, и оно может служить достаточно

яркой иллюстрацией для характеристики всей системы. Что студенческие беспорядки являются помехой для правильного и плодотворного течения университетской жизни, этого никто отрицать, разумеется, не станет, но беспорядки повторяются так часто, что лишь слепой да тенденциозно настроенный человек объяснит их «преступной агитацией», происками «кучки беспокойных личностей». Причина их коренится, очевидно, глубже, лежит в нравственном неудовлетворении студенчества, являющемся следствием несоответствия условий, в которые поставлены высшие учебные заведения, настоятельным требованиям, предъявленным самой жизнью науке, ее жрецам и храмам. Правительство в данном случае поступает вполне последовательно: ровно ничего не предпринимая для удаления коренных причин волнений, оно прилагает все усилия удержать студенчество от беспорядков с помощью одного из главных орудий деспотического абсолютизма — путем терроризации массы и суровой беспощадной расправы с отдельными личностями. Но никакие репрессии, никакие паллиативы не в состоянии устранить глубоко лежащие причины, и решение университетского вопроса надо искать в решении более широкого и неотложного вопроса — вопроса о расширении политических рамок для русской общественной жизни. Настоятельнейшая необходимость ниспровержения деспотического абсолютизма абсолютно сознана всеми, кто хоть раз задумывался над тяжелым положением общества в России; но «насильникам» надо противопоставить силу; возведший в принцип насилие уступит силе или, по крайней мере, страху перед новой силой.

А та сила уже растет, ее выдвигает жизнь, в ней лежит залог лучшего будущего. Быстро расползается она по стране, охватывая ее все цепче и крепче, грозная, пока бессознательная. Но пробудите в ней сознание, — конец абсолютизму, конец замаскированному рабству. И те, кто в одиночном героическом, но бесполезном протесте падает самоотверженной жертвой неравной борьбы, могли бы найти себе нравственное удовлетворение в подготовительной работе к общему освобождению, в развитии классового самосознания, в организации рабочего класса в политическую партию. И чем глубже будет проникать в народные массы самосознание, тем ближе и ближе станет роковой для русского самодержавия день политической революции».

Касса взаимопомощи студентов С.-Петербургского университета. (Принято на общем собрании большинством против 5-ти голосов). С.-Петербург, февраль 1901 г. Типография «Союза Борьбы».

Итак, «Касса взаимопомощи» призывала студентов к воздержанию от участия в политических демонстрациях и предлагала искать «нравственное удовлетворение» в подготовительной работе — в развитии классового самосознания рабочих. Она не понимала того, что организация массовых политических выступлений, в которых, вопреки желанию «Союза борьбы», принимали участие и рабочие, являлась лучшим методом развития классового самосознания рабочих. Листок «Кассы взаимопомощи» был ушатом холодной воды, которым она думала ослабить крайнее напряжение борьбы, охватившее студенчество. Каково было напряжение активной части студентов, об этом говорит тон листка, выпущенного «Организационным Комитетом» 28 февраля того же года:

«Молчать больше нет сил. Теперь не могут и не должны оставаться равнодушными и те, которые до сих пор были в стороне от движения. Форма, в которую несомненно выльется дружный протест, подсказывается последними событиями. В ряды протестующих становятся все большие и большие массы людей из общества, готовых, по-видимому, вступить в активную борьбу с нашим общим врагом. Сознавая все это, Организационный комитет студентов Петербургского университета смело берет на себя инициативу и призывает ровно в 12 часов дня 4 марта на демонстрацию у Казанского собора, как публичное заявление протеста против «Временных правил».

Мы обращаемся со своим призывом не только к вам, товарищи, но и ко всем возмущенным последними событиями, ко всем негодующим. . .»[4]

О том же крайнем напряжении неоформленной революционной энергии студенчества говорит и выпущенное 1 марта воззвание «Совета союза объединенных землячеств и студенческих организаций», вышедшее с эпиграфом:

— !! КО ВСЕМ!! —

Душно без счастья и воли.
Ночь бесконечно темна,
Буря бы грянула, что ли, —
Чаша с краями полна![5]

«Мы, вновь образовавшие „Союз объединенных землячеств и других студенческих организаций", выступая на защиту попранных прав человека и на борьбу за них на общественно-политическом поприще, обращаемся ко всем слоям общества. Идите с нами, вы, „не проевшие душу живу". Почувствуйте свободу хоть на один час, обновитесь в грозе великих манифестаций. . .»

Участие в студенческих демонстрациях рабочих, вопреки намерениям и теории «экономистов», дало большой козырь в руки сторонников «Искры», которая уже в своем первом номере заявила себя сторонницей революционной политической борьбы рабочего класса. «Тот рабочий недостоин названия социалиста, — говорилось во втором номере «Искры», — который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войска против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту».[6] По поводу отношения «Союза борьбы» к упомянутой выше демонстрации 19 февраля «Искра» (№ 3) писала: «Нельзя не выразить сожаления по поводу бездействия социал-демократического „Союза борьбы" в Петербурге, Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Позволительно ли было социал-демократам не откликнуться на студенческое движение, не обратиться к рабочим с разъяснением его, не призывать рабочих на демонстрацию против правительства Клейгельсов[7] и Боголеповых? Очевидно, здесь сказались печальные плоды той пропаганды, которая так усердно велась в С.-Петербурге последние два-три года: с одной стороны, „экономисты" усердно приглашали „не забегать вперед" против неразвитых масс и ничего не делали для развития революционной организации и политического воспитания рабочих. С другой стороны, столичные „критики" и „бернштейнианцы" играли на руку „экономистам" своим разносом ортодоксального марксизма». В № 13 «Искра» говорила, обращаясь к рабочим: «Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа». <. . .>

«Экономизм» погубил «Кассу взаимопомощи студентов СПб. университета». Когда осенью 1901 года студенчество готовилось к борьбе с «реформой» университетской жизни генерала Ванновского, рассчи-

танной на то, чтобы подачкой успокоить малосознательную часть студентов, «Касса взаимопомощи» обратилась к студентам с воззванием, в котором заявила о своем нежелании выставлять кандидатов в старосты и о своем отказе вообще участвовать в студенческом движении, мотивируя свое решение тем, что студенческое движение не классовое, а академическое. Тогда часть членов «Кассы взаимопомощи», именно та, которая за академической оболочкой студенческого движения не просмотрела резко обозначившейся политической тенденции, вышла из состава «Кассы взаимопомощи» и образовала «группу радикалов» (впоследствии «Кассу радикалов»), присоединив к себе нескольких студентов из числа активных участников движения. Группа эта, заявившая о своем возникновении программным листком 22 января 1902 года, сразу же выступила как организация политическая. В своем программном листке она так характеризовала себя: «оставаясь на почве социал-демократических убеждений, мы пойдем новым активным путем». Никакой организационной связи ни с одной рабочей партийной организацией «Касса радикалов» не держала. Вся политическая программа ее исчерпывалась лозунгом «долой самодержавие!» Ее политическая тактика в своем максимуме сводилась к политическим демонстрациям. По существу своему она представляла коалицию радикально настроенных буржуазно-интеллигентских групп. Если период студенческого движения с 1899 по 1902 год можно определить как движение академическое, то период его за время с 1902 г. по 1903 год можно определить как неопределенно политическое.[8] Последний период совпадает с временем существования «Кассы радикалов», руководившей в этот период студенческим движением.

За студенческим движением в подготовленной им атмосфере возникло и стало расти политическое движение рабочих и политическое движение либеральной буржуазии. 30-тысячные ростовские митинги были первым массовым политическим выступлением пролетариата. Деятельность сельскохозяйственных комитетов явилась недвусмысленной политической демонстрацией буржуазии. События эти говорили о том, что общественное движение, вылившееся из студенческого движения, переросло последнее. Это не могла не учесть передовая часть студенчества. В ней стало расти сознание того, что, только опираясь на эти возникшие вне университетских стен широкие определенно-классовые политические движения, можно достигнуть и радикального разрешения академических вопросов. Это сознание явилось причиною упадка студенческого движения как такового. Студенчество начало дифференцироваться в соответствии с политическими группировками, возникавшими в стране.[9] Эпоха «радикализма» окончилась. В декабре 1902 года университетская группа «Кассы радикалов» выпустила свой последний листок и прекратила свое существование. Часть бывших членов этой группы, стоявшая на социал-демократической точке зрения, организовалась в январе 1903 года в «Социал-демократическую группу студентов С.-Петербургского университета». Эта группа нахо-

дилась в организационной связи с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Одновременно с ней среди студентов университета образовалась другая социал-демократическая группа, не выступавшая в университете открыто ни под каким флагом, занимавшая вполне самостоятельное положение среди других университетских организаций и посвящавшая бо́льшую часть своих средств и своей деятельности непосредственной систематической работе в пролетарской среде. Эта группа находилась в организованной связи не с «Союзом борьбы», а с существовавшим параллельно с последним «С.-Петербургским Комитетом Р. С.-Д. Рабочей Партии». В состав этой группы, кроме пишущего эти строки, входили: Л. Плюснин, Н. Дорошенко, Н. Кузминский, Тер-Мкртычьян, Славянов, А. Каплан и др.[10] Помимо двух социал-демократических групп образовалась и буржуазно-демократическая группа, платформой которой была программная статья № 17 «Освобождения», издававшегося в Штуттгарте вождем либеральной бу́ржуазии Петром Струве.[11]

По инициативе второй из указанных социал-демократических групп была организована 18 марта 1903 года первая в стенах университета открытая политическая социал-демократическая сходка. Последний пункт резолюции, принятой на этой сходке, гласил: «...уполномачиваем организации, собравшие настоящую сходку, созвать в недалеком будущем, по соглашению с организациями других высших учебных заведений, общенародный митинг, на котором выработаем формы и план предстоящей борьбы».[12] Со времени ликвидации «Кассы радикалов» это была чуть ли не единственная сходка. Собрала она около 700 студентов. Это, конечно, не была общестуденческая сходка, но сходка студентов, сочувствовавших социал-демократам. Остальная масса студенчества безмолвствовала. Все это производило впечатление разброда и пассивности студенческой массы в целом. Эта картина внутреннего состояния студенчества нашла свое отражение в открытом письме к студенчеству Петербургского Комитета Российской социал-демократической Рабочей Партии от февраля 1903 г., с которым к этому времени слился «Союз борьбы», освободившийся под влиянием событий от экономизма и ставший на точку зрения «Искры». <...>

И вот теперь мы стоим перед странным, на первый взгляд, явлением: волнуется крестьянство, волнуется городской рабочий, поднимают голос забитые либералы, а русское студенчество, этот «барометр русской жизни»,[13] безмолвствует... Затихла революционная мысль... Маркс и Энгельс и вся библиотека научного социализма отодвинуты в сторону и покрылись пылью, а на первом месте красуются «Проблемы идеализма».[14] Чуткий к общественной неправде, страстный в осуществлении идеалов материализм смешался с равнодушным ко всему на свете, дряблым резонирующим идеализмом.

8 февраля мы пришли сказать вам от имени рабочего класса: «Проснитесь, готовьтесь к жизни, — вас ждут на работу».

В ответ на это обращение, собрание, происходившее 8 февраля в студенческой столовой в количестве 600 человек,[15] единогласно приняло следующую резолюцию:

«Приветствуя призыв Социал-Демократического комитета к совместной работе и сознавая свой долг оправдать надежды, возлагаемые на интеллигенцию, как активную революционную силу, собрание 8 февраля выражает готовность всеми средствами содействовать росту революционного движения, а в ближайшем будущем надеется принять активное участие в открытых заявлениях протеста в той форме, в какой к этому призовут авторитетные организации, и приглашает учащихся в высших учебных заведениях собраться на следующей неделе на сходке для обсуждения мер протеста против арестов товарищей, расправы с донцами и рабочими Штиглицкой фабрики».[16]

8-го же февраля социал-демократическая университетская группа выпустила прокламацию, в которой следующим образом формулировала свою точку зрения на студенческое движение:

«Исходя из убеждения, что студенческие движения, начавшиеся в России еще с 50-х годов и принимавшие за последние 4 года ярко выразившийся политический характер, играют роль фермента разложения самодержавного режима, — мы будем способствовать возникновению и мощному развитию политических движений петербургского студенчества. Значение студенческих движений для нас не исчерпывается тем, что они разлагают существующий строй и обостряют настроение оппозиционных групп и, что для нас наиболее важно, революционное настроение рабочего класса, но еще проявляется в том, что в этих движениях вырабатываются сознательные революционеры, которые, будучи выброшены за борт университетской жизни, а часто оставаясь и в университете, становятся деятельными участниками общей революционной борьбы. Отсюда наша вторая цель: способствуя росту революционного сознания и пользуясь им, — направлять это сознание в сторону идей социал-демократии, вырабатывать идеологов пролетариата, деятелей классовой борьбы. Для достижения этой цели мы будем вести широкую пропаганду социал-демократических идей, устраивая студенческие кружки, распространяя социал-демократическую литературу и издавая листки, целью которых будет знакомить студентов с борьбой пролетариата и делать для них эту борьбу близкой, понятной и дорогой. Тех студентов, которые поймут, что только рабочий класс может совершить великую историческую миссию освобождения человечества от векового рабства и эксплуатации, и которые возвысятся до чисто пролетарской точки зрения, мы будем призывать к дружеской работе рука об руку с пролетариатом — к совместным действиям боевым в виде массовых демонстраций. Этим путем мы надеемся содействовать образованию тесного союза между наукой и пролетарским трудом — союза, о котором Фердинанд Лассаль говорил, что в его тисках лопнет существующий строй».[17]

Движение студентов петербургского университета шло в авангарде общероссийского студенческого движения. Общероссийское студенческое движение в своем развитии проходило в общем те же стадии, через которые проходило движение студентов Петербургского университета. Поэтому очерк развития университетского движения в Петербурге может рассматриваться как схема развития общероссийского студенческого движения. Отсюда понятна важность изучения прежде всего движения студентов Петербургского университета.

Политическая дифференциация студенчества, о которой упомянуто было выше, была обусловлена ростом и развитием политического движения страны. Политические партии втягивали в свои ряды сознательное студенчество согласно его классовой группировке. Студенчест-

во в целом проникло сознанием, что его движение не самоценно и не самоцельно, но составляет часть общеполитического движения страны, определяемого в своем основании политическим развитием и борьбой рабочего класса. Выразителем этого сознания передового студенчества явился второй Всероссийский студенческий съезд, состоявшийся в конце октября 1903 года в Одессе, по инициативе редакции журнала «Студент»[18] и Одесского союзного совета студенческих организаций. Если первый студенческий съезд, происходивший в марте месяце 1902 года, в период господства в студенческом движении радикализма, имел своею предпосылкою академическую зрелость студенчества, то второй съезд, совпавший с окончанием периода радикализма, имел своей предпосылкой политическую зрелость студенчества.

Петербург был представлен на одесском съезде двумя студентами: пишущим эти строки, который имел мандат от социал-демократической группы Петербургского университета и от 9-ти социал-демократических групп других высших учебных заведений Петербурга, и представителем (фамилии не помню) от социал-революционных петербургских студенческих групп. Съезд продолжался три дня и не мог закончить своих работ полностью, так как вынужден был спешно разъехаться из опасения провала. Тем не менее работа, проделанная съездом, оказала огромное влияние на последующий период развития студенческого движения. Руководящая роль петербургского революционного студенчества на общероссийское студенческое движение сказалась на съезде в том, что председателем съезда был избран представитель петербургских студенческих социал-демократических организаций, а затем в том, что точка зрения петербургского студенчества легла в основание резолюций, принятых съездом. По вопросу об оценке значения происходящей среди студентов политической дифференциации, съезд отверг точку зрения сторонников радикализма, смотревших на процесс политической дифференциации как на симптом разложения, разброда и гибели движения, и признал ее фактом прогрессивным, свидетельствующим о росте политического сознания студенчества. По вопросу о тактике съезд признал, что в интересах наибольшей ударности студенческих выступлений революционные студенческие организации должны выступать не разрозненно, но совместно, и рекомендовал образование коалиционных советов из представителей революционных студенческих организаций. В частности съезд выдвинул следующие тактические формы борьбы: 1) —а) систематические агитационные сходки в стенах учебных заведений, б) устройство агитационных митингов на публичных лекциях, собраниях, концертах и т. д., в) демонстративные забастовки в дни важнейших общественных и политических событий, причем обязательно в следующие дни: 8 и 19 февраля; 1 и 4 марта; 1 и 3 мая и 3 ноября (как день, к которому приурочивается чествование всех товарищей, павших в неравной борьбе с самодержавием) 2) — уличные демонстрации как чисто студенческие, так и совместно с другими общественными группами. За возможность устройства воору-

женных демонстраций съезд высказался при условии предварительного соглашения с комитетами партий.

С началом русско-японской войны, когда патриотическое опьянение, усиленно подогревавшееся правительством и правыми организациями, охватило «общество» и несознательные слои населения, студенческие организации вступили в борьбу против этого опьянения, проникавшего в студенческие массы. Реакционно-консервативная часть университетского студенчества собралась 30 января на сходку, воспользовавшись тем, что все прогрессивное студенчество участвовало в этот день на похоронах публициста Н. К. Михайловского, и после сходки в количестве до 400 человек с национальными флагами и пением «боже, царя храни», отправилось ко дворцу, перед которым устроила манифестацию. Социал-демократическая группа выпустила по этому поводу листок следующего содержания:

«Товарищи! Мы спрашиваем вас, что общего между любовью к народу и проявлением низменных, рабских чувств перед деспотом. Мы, социал-демократы, переросшие буржуазное мировоззрение, признаем идею национальности и покоящийся на ней патриотизм буржуазными по существу. Но, отвергая идею национальности, мы сознаем, какая огромная бездна отделяет буржуазный патриотизм, совместимый и даже органически связанный со стремлением к политической свободе, и холопский патриотизм, раболепно склоняющийся перед угнетателями народа... Товарищи! Война — совершившийся факт, и в настоящий момент мы считаем необходимым только дать ей истинную оценку как правительственной, а не народной войны, как войны бедственной для русского народа и ненужной ему. Но мы всем своим существом протестуем против холопских чувств, которые на дворцовой площади слили их в общую массу с полицейскими сыщиками и дворниками; мы протестуем против жалких рабов, дерзнувших петь полицейский гимн на Казанской площади, на которой пролетариат с революционной интеллигенцией столько раз выступали на борьбу за политическую свободу».

Листки против войны и патриотических манифестаций распространялись в большом количестве. Но они не удовлетворяли организации и возбужденно настроенную массу. Была необходима сходка. Однако ни одна из групп не решалась взять инициативу созыва сходки. Одни — потому, что были ослаблены арестами, другие — потому, что вообще не обладали достаточными силами. Тогда социал-демократическая группа решила воспользоваться идеей коалиционного совета, выдвинутой Вторым Всероссийским студенческим съездом, как форму тактического объединения. Организация коалиционного совета была поручена мне. В его состав вошли 4 организованных студенческих группы: социал-демократическая, социалистов-революционеров (образовалась в марте 1902 года), «партизанов борьбы» и «студентов-демократов». Работал коалиционный совет под председательством представителя социал-демократической группы. В «Манифесте» совета, появившемся 10—11 февраля, указывалось, что коалиционный совет является организацией, рассчитанной на текущий боевой период и что своей ближайшей задачей он ставит устройство в стенах университета ряда политических митингов с целью обсуждения отношения студентов к переживавшимся событиям. Первое собрание было назначено на 18 февраля, но оно не состоялось вследствие закрытия университета.

По той же причине не могли состояться и последующие назначавшиеся коалиционным советом собрания.

Летом 1904 года коалиционный совет, превратившийся из временного объединения в постоянное, взял на себя инициативу созыва в Киеве третьего Всероссийского студенческого съезда и приступил к выработке его программы. Назначенный в первых числах ноября, съезд не состоялся ввиду недостаточного количества съехавшихся делегатов. После Земского съезда (полулегального) в Петербурге, при Святополк-Мирском,[19] начался ряд либеральных политических митингов и банкетов. За земцами последовали адвокаты, затем литераторы и профессора, затем врачи, промышленники и т. д. Соответственно поднялось революционное настроение среди рабочих и студентов. 28 октября на Казанской площади состоялась очередная демонстрация, крайне жестоко подавленная *правительством Святополк-Мирского*. Насколько последний относился снисходительно к либерально-буржуазным банкетам, настолько зверски жестоко относился он к выступлениям студентов и рабочих. В декабре в связи с забастовкой на Путиловском заводе, вызванной арестом 4 рабочих, начался подъем рабочего движения.[20] Все одиннадцать отделов гапоновской организации бурлили.[21] Дабы овладеть движением и направить его в надлежащее русло, социал-демократическая партия бросила в отделы все агитаторские силы. Движение получило определенно политический характер.[22] Наступило кровавое 9 января 1905 года. Громовым эхом прокатился отзвук событий этого дня по всей стране. Повсюду начались открытые массовые выступления против царизма. Революция оставила подполье и лавиной разлилась по стране. Из опасения взрыва студенческого протеста правительство непосредственно после 9 января закрыло все высшие учебные заведения.[23] Только 7 февраля студентам университета удалось собраться на сходку. Присутствовало более 5 000 человек.

Д. З. Манульский

Впервые на студенческую сходку явились иностранные корреспонденты. Сходка была организована коалиционным советом. Почти единогласно была принята резолюция, предложенная коалиционным советом. В резолюции подчеркивалась роль пролетариата в развитии революционного движения, давалась оценка переживаемого момента и выставлялось требование созыва учредительного собрания. Далее в резолюции указывалось на необходимость закрытия университета до осени для того, чтобы дать возможность студентам рассыпаться по стране с целью революционной работы на местах. К концу сходки, при общем одобрении, был разорван на мелкие куски портрет царя Николая II.[24] Подобные же сходки состоялись и в других высших учебных заведениях.

В сентябре месяце по инициативе коалиционного совета в Выборге состоялся Четвертый Всероссийский студенческий съезд,[25] на котором было постановлено учебные заведения открыть, но не для занятий, а для общенародных митингов, превратив кафедры в агитационные трибуны; не устраивать никаких самостоятельных выступлений, но готовиться энергично к тому, чтобы в нужный момент поддержать своей забастовкой общеполитическую забастовку пролетариата и своей вооруженной рукой поддержать вооруженное восстание пролетариата. Для последней цели решено было приступить немедленно к созданию боевых академических дружин.[26]

После выборгского съезда студенчество направило все усилия к превращению университета в один из главнейших революционных очагов столицы. Все аудитории были превращены в места митингов и собраний для самых разнообразных организаций. Ежедневно десятки тысяч граждан заполняли здание университета. Заседания и митинги тянулись непрерывно. За отсутствием свободных помещений, митинги устраивались и в университетском дворе. Со всех сторон города толпы тянулись к университету и расходились только глубокой ночью.[27] Открыто производился сбор денег на вооруженное восстание. Всю заботу по организации митингов и по обеспечению всем необходимым организаций и союзов, обращавшихся за содействием в университет, вел коалиционный совет, опиравшийся на ставшие мощными студенческие организации. Наибольшей мощностью отличалась социал-демократическая группа, насчитывавшая в это время свыше 500 членов. Ее влияние на студенческую массу было преобладающим.

После издания манифеста 17 октября все организованные студенческие силы были брошены на площади и улицы в целях организации массовых действий. Однако, несмотря на быстрый рост всех организаций, движение явно переросло их силы и аппараты. Чувствовалась неподготовленность к овладению стихийным движением масс и к руководству ими. Укажу на один особенно яркий пример. 18 октября — следовательно на другой день после «дарования» конституции—я находился в студенческой столовой, где в группе товарищей обсуждались текущие события и шел спор об отношении к ним. В это время в сто-

ловую вошли два моряка из 2-го флотского экипажа и заявили, что матросы заперты начальством в казармах и что они готовы передать оружие, если к казармам явится толпа и потребует его. При этом они заявили не только о намерении передать оружие, но также изъявили готовность присоединиться. И что же? Мы бессильны были использовать момент. Столовая университета в это время пустовала, ибо студенты участвовали в мирной демонстрации на Шпалерной улице[28] перед домом предварительного заключения, требуя безуспешно освобождения заключенных. Представлялось ясным, что первой задачей организаций вслед за изданием манифеста должно быть немедленное вооружение масс для закрепления добытых свобод и завоеванных позиций. Но осуществить это не удалось за отсутствием соответствующих организационных аппаратов и необходимого руководства. Была какая-то растерянность перед неожиданностью и грандиозностью стихийного подъема. Впоследствии я узнал, что в тот же день, 18 октября, с аналогичным предложением в университет явились с Охты делегаты одного из полков. Они также ушли ни с чем. И не сумевшая вооружиться революция в тот же день была наказана: вечером казаки уже пустили в ход оружие против безоружной толпы.[29] Так тяжелым опытом оплачивались уроки революционной борьбы.

После октябрьских дней, когда революционный угар первых дней прошел и работа пошла не столь лихорадочным темпом, коалиционный совет приступил к организации совета старост, как выборного органа, долженствовавшего охватить всю студенческую массу и руководить в дальнейшем ее академической и политической жизнью. Когда совет старост был избран, коалиционный совет передал ему власть и прекратил свое существование. Большинство в совете старост составляли социал-демократы, а в их среде преобладали представители фракции большевиков.[30] Таким образом под знаком большевизма вступило студенчество в новую полосу своего развития.

И. И. Корель

ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОГО СТАРОСТЫ

Ежегодные рождественские каникулы в старом университете продолжались с 15 декабря до 15 января, и таким образом Кровавое воскресенье 9 января пришлось на каникулярный период, когда университет был закрыт и значительной части студентов еще не было в Петербурге.

Однако правительство не решилось открыть университет 15 января и оттягивало его открытие на неопределенное время. Наконец, начало занятий в университете назначено на 7 февраля.

Однако переполнившие с утра университет студенты и не думают о лекциях и ждут начала сходки в Актовом зале. В 12 часов открывается сходка. Никогда еще Актовый зал не видел такого количества студентов — он был буквально набит битком, и как показал подсчет в конце сходки, на ней присутствовало более 5000 студентов. На сходку явились корреспонденты всех петербургских газет и даже несколько иностранных.

Председателем сходки был избран студент-большевик т. Замятин.[1] До 6 часов вечера продолжалась сходка. Выступавшие ораторы говорили о политическом положении в стране, о близости грядущей революции и о невозможности в этих условиях вести занятия в университете. Вопрос о забастовке до осени решается положительно огромным большинством голосов: подсчет голосов производится выходом в разные двери, и в результате оказывается, что 5000 голосовало за забастовку и только около 70 человек против.[2] Эти 70 человек, называющие себя «академистами», в большинстве члены существовавшей уже тогда черносотенной организации «Денница», через год «самоопределившиеся» в члены «Союза русского народа».[3]

На следующий день в черносотенной газете «Новое время» печатается «письмо в редакцию» еще десятка студентов, присоединяющих свои голоса к 70 голосовавшим против забастовки. В течение еще двух-трех дней «Новое время» гостеприимно предоставляет свои страницы для писем «истинно русских по убеждениям студентов», но после того, как на третий-четвертый день оно напечатало патриотическое письмо двух студентов с явно «инородческими» фамилиями Каруд и Нойпш, газета, только на следующий день догадавшись прочитать эти фамилии с другого конца, сконфуженно прекратила печатание писем «благоразумных» студентов.[4]

Сходка 7 февраля 1905 года закончилась «инцидентом», по тому времени большого политического значения: публичным, в присутствии

5000 человек, разодранием царского портрета. В Актовом зале висел большой портрет Николая II. В конце сходки по инициативе, кажется, Д. З. Манульского (тогда студента нашего университета), портрет был разорван на мелкие куски, и студенты со смехом разбирали кусочки портрета «на память».

Забавно вспомнить, что корреспондент какой-то не то английской, не то американской газеты, явившийся в университет уже после сходки, с полной серьезностью упрашивал найти для него студента, который бы согласился уступить ему, хотя бы за деньги, кусочек портрета, который ему необходимо послать в редакцию.

О значении, которое придавалось тогда этому «инциденту», можно судить и по тому, что ректору университета профессору Жданову и попечителю учебного округа официально с опубликованием в печати был объявлен «высочайший», т. е. от имени царя, выговор, что являлось тогда для чиновников из ряда вон выходящим взысканием.[5]

С 1899 года студенческая забастовка была обычной формой студенческого протеста. Несколько необычной была на этот раз лишь принятая сходкой мотивировка закрытия университета — «чтобы дать возможность студентам направить всю свою энергию на революционную борьбу».[6]

Между тем для тогдашнего правительства, еще не предвидевшего в августе и сентябре 1905 года размаха грядущих октябрьских событий и надеявшегося, что манифест 6 августа о «Булыгинской думе» может внести успокоение в стране,[7] вопрос об открытии университета представлял значительную важность как одно из доказательств «мирного течения жизни» в стране. И вот 26 августа был издан «высочайший указ», предоставлявший профессорам некоторую «автономию» в управлении университетом,[8] что давало основание руководящим студенческим организациям рассчитывать на возможность более легкого использования университета в интересах революции.

Образовавшийся в первых числах сентября студенческий Коалиционный совет[9] заявил вновь избранному ректору, профессору И. И. Боргману, что вопрос об открытии университета может быть разрешен лишь общеуниверситетской сходкой. А между тем сразу же после сходки 7 февраля тогдашний ректор Жданов в целях недопущения в Актовом зале сходок, одну из выходящих из зала на площадку дверей заложил кирпичами, а вторую, а также двери и окна, выходящие в коридор, «забронировал» кованными железными дверями и такими же шторами. Новому ректору, в доказательство «нового курса» и в знак признания за студентами права на устройство сходки, в первые же дни после своего вступления в должность пришлось дать распоряжение об уничтожении этих укреплений.

12, 13 и 15 сентября в университете происходили сходки, после которых была принята резолюция, что «открытый университет явится для самодержавного правительства более опасным, чем университет закрытый», а поэтому его надлежит «открыть для развития в стенах

Митинг перед зданием Петербургского университета. Октябрь 1905 г.

его политической пропаганды и организации митингов, служащих подготовкой для революции». Против открытия университета говорили и голосовали только социалисты-революционеры, и после 9 января продолжавшие жевать жвачку о том, что «судьбы революции будет решать не пролетариат города, а крестьянство, а потому открытие университета помешает студенчеству разъехаться по деревням, чтобы вести агитацию „на земле"».[10]

Следующие за этими сходками 10—15 дней студенты посвятили обсуждению своих университетских дел — вопросов ликвидации остатков полицейских порядков в университете: уничтожению института «педелей», надзиравших за поведением студентов, отмене обязательности ношения формы, отмене запрещения приема в университет женщин, отмене ограничений и процентной нормы для евреев и т. п.[11]

Отдельно надлежит упомянуть о происходивших в первых числах октября выборах студенческого совета старост, института, просуще-

Демонстрация студентов Петербургского университета. Октябрь 1905 г.

ствовавшего до 1908 года и сыгравшего значительную роль в истории университета тех лет. Всего по всем четырем факультетам было выбрано 22 старосты, из них — 16 социал-демократов.[12]

Интересно отметить, что социал-демократические кандидатуры выставлялись по открытым спискам от имени социал-демократической партии. Это был, пожалуй, первый в Петербурге случай открытого выставления социал-демократических кандидатур.

Первые числа октября принесли известия о больших стачках в Москве — сначала типографов, затем булочников. Еще до начала железнодорожной забастовки и в Петербурге почувствовалось приближение большого революционного подъема. В первую очередь это сказалось в устройстве митингов в стенах высших учебных заведений, пользовавшихся благодаря «автономии» до некоторой степени чем-то вроде права экстерриториальности.

В университете первый митинг состоялся 1 сентября. На нем, пожалуй, преобладала интеллигенция. Однако уже на втором митинге, 5 октября (уже после начала забастовки на Брестской железной дороге), было явное преобладание рабочих. С 10 октября митинги в университете происходили ежедневно. 11-го начались забастовки на петербургских фабриках и заводах, и количество присутствующих в университете на митингах рабочих значительно увеличилось.[13]

13 октября петербургский генерал-губернатор Трепов[14] издает и расклеивает по городу свое знаменитое объявление о том, что войскам приказано «патронов не жалеть». Профессора, «жалея студентов», пытаются закрыть университет.[15] Совет старост протестует и решает продолжать устройство митингов. 14-го занятия в университете уже не происходят, и митинги идут с самого утра. С кафедры одно за другим следуют сообщения о присоединении к забастовке все новых и новых фабрик и заводов. Председатель союза конторщиков рассказывает, как он с группой конторщиков только что «снял с работы» канцелярию государственного совета.

Вечерние митинги 14 и 15 октября собирают такое количество участников, что университетские помещения уже не могут вместить всех явившихся — набит битком и весь университетский двор, где также происходит ряд параллельных митингов. В одной из аудиторий проводится особенно конспиративно обставленный митинг военных, куда, завернув носовыми платками погоны (чтобы нельзя было узнать чина и воинской части), пробираются несколько десятков солдат и несколько офицеров.[16]

В ночь на 16 октября университет окружается войсками, и 16 и 17 в него никто не пропускается.

* *
*

Едва утром 18-го студенты узнали об изданном накануне манифесте, они со всех сторон города устремляются к университету. Туда

Почтовая открытка: «Профессор истории СПБ университета Е. Тарле, пострадавший 17 октября 1905»

Полиция у входа в университет. 1905 г.

Мемориальная доска в память митингов рабочих и революционного студенчества в Петербургском университете

же стекаются и тысячи рабочих и интеллигентов. Университет не может вместить и четверти собравшихся, и митинг устраивается на улице, на Университетской линии. Ораторы говорят с университетского балкона. Кто-то забирается на крышу, на кресте университетской церкви появляется красный флаг — первый красный флаг вместо креста за все время существования Петербурга.[17]

После короткого митинга все присутствующие с красными знаменами и флагами отправляются к площади Казанского собора, откуда снова возвращаются в университет. Такого количества красных знамен Петербург не только никогда не видел, но и впредь ему не суждено было видеть их до самого 17 года. Ошалевшие городовые вытягиваются во фронт и отдают честь красным знаменам.

До позднего вечера 18-го в университете происходят митинги. Но вот приходят вести о стрельбе в толпу около Технологического института, о том, что ударом сабли конногвардейского офицера тяжело ранен в голову говоривший на улице речь профессор Е. В. Тарле.[18] Митинг расходится в тревожном, подавленном настроении.

А наутро университет снова закрыт, и снова у входов в него стоят военные караулы с винтовками и штыками...

Недели через две, когда правительство снова почувствовало почву под ногами, оно довело через профессоров до сведения студентов, что

университет может быть открыт, если студенты дадут обязательство не устраивать собраний с «посторонними лицами», а ограничатся чисто студенческими собраниями. Однако совет старост отказался принять такое условие, и университет закрытым оказался почти на целый год, до осени 1906 года.[19]

Подводя итоги сентябрьского — октябрьского митинга 1905 года в университете, можно сказать, что объективно предоставление университетам, пользовавшимся в тот период до некоторой степени правом экстерриториальности, своих зал и аудиторий под митинги несомненно (особенно в первые дни октября) облегчило и ускорило нарастание и выявление того революционного настроения рабочих масс, которое так ярко вылилось в дни октября 1905 года.[20]

И знаком признания этой роли Петербургского университета в 1905 году является мемориальная доска, прикрепленная к зданию университета по постановлению районной партийной организации.[21]

* *
*

Роль Петербургского университета в истории революционного движения 1906—1907 годов представляется, пожалуй, еще более интересной, чем его роль в 1905 году. А между тем роль эта выполнялась уже не на виду у всех, не в Актовом зале, не на десятитысячном митинге на университетском дворе, а в укромных аудиториях третьего этажа, а потому она гораздо менее известна в истории революционного движения.

Поскольку на мою долю в качестве секретаря студенческого совета старост выпало быть близким свидетелем и скромным участником университетской жизни этих лет,[22] я считаю своей обязанностью поделиться своими воспоминаниями об этом.

Закрытый правительством с 19 октября 1905 года Петербургский университет, ввиду отказа совета старост дать обязательство не устраивать в университете собраний «с участием посторонних лиц», оставался закрытым в течение всего 1905/06 учебного года.[23]

24 августа 1906 года совет старост, учтя изменившееся за год политическое положение в стране, принял резолюцию, говорившую, что «ввиду того, что в данный революционный момент академические занятия не противоречат интересам революции, признать, что до тех пор, пока изменившаяся политическая ситуация не потребует прекращения занятий, к началу их препятствий не имеется».[24]

Вопрос об открытии университета и о временном отказе от устройства митингов подлежал утверждению общеуниверситетской студенческой сходки, которая и состоялась 1 сентября.

Несмотря на противодействие социалистов-революционеров, возглавлявшихся видным эсером Стембо, стремившихся сорвать открытие университета, огромным большинством были приняты резолюции, предложенные социал-демократической группой. По вопросу о митингах резолюция гласила: «Считая преждевременным определение момента

организации народных митингов в университете, сходка выражает уверенность, что революционные традиции студенчества заставят его предоставить университетские здания для народных митингов, когда этого потребует интерес революционной борьбы».

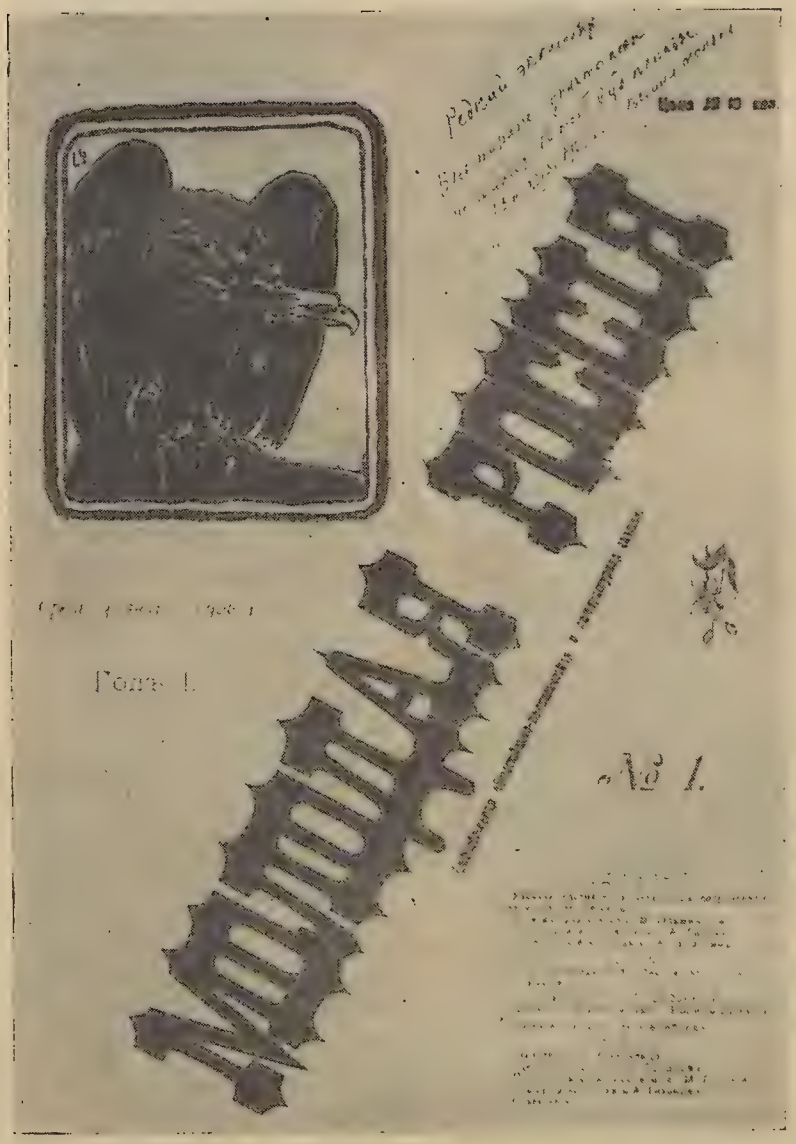
Отказавшись от устройства митингов, студенчество категорически заявило, что оно оставляет за собой провозглашенное год назад право свободного устройства студенческих собраний (землячеств, студенческих кружков и т. п.). Вот это право устройства студенческих собраний социал-демократическая организация и решила использовать для устройства под видом их рабочих собраний: было решено не подвергать университет риску закрытия из-за устройства в нем шумных, но малоценных для данного момента собраний, а использовать его для сравнительно небольших, но гораздо более важных собраний революционных организаций. Это решение было одобрено большевистским Петербургским комитетом РСДРП.

* *
*

Между 25 и 29 сентября по всем факультетам состоялись перевыборы студенческих старост. В новом совете старост из 35 членов было 20 социал-демократов, благодаря чему в президиуме совета из 5 мест четыре оказались в руках социал-демократов.[25] Одному из членов президиума Исполнительной комиссии Петербургского комитета (ИКПК РСДРП) и было доверено осуществление использования университета для устройства нелегальных собраний.

Техника использования университета для нелегальных собраний была такова. В 4 часа дня, по окончании лекций (вечерних лекций в то время в университете не было), все аудитории закрывались служителями на ключ, а вечером открывались по запискам ректора для собраний студенческих землячеств и студенческих научных кружков, число которых с осени 1906 года достигало многих десятков, т. ч., обычно, каждый вечер под студенческие собрания были заняты все аудитории. Вскоре удалось убедить ректора в преимущественном удобстве несколько иной системы: ежедневно секретарь совета старост представляет ректору список назначенных на данный вечер собраний, записки же на право занятия аудитории устроители собрания получают не от ректора, а от секретаря совета старост. Благодаря этому и получилась возможность устраивать в университете под видом студенческих и рабочие собрания. Обычно за несколько дней до собрания секретари районных партийных организаций «на явке» в университетской столовой получали от ведавшего устройством собраний секретаря совета старост записку на определенную аудиторию, на определенный день и час якобы под собрание какого-нибудь несуществующего землячества — если собрание было многолюдным или бюро землячества — если собрание предполагалось немноголюдным.

Обычно для таких собраний предназначались аудитории, наиболее



Первая страница газеты «Молодая Россия»

Студент Л. М. Карахан

Студент П. А. Красиков

Студент Д. И. Лещенко

Студент К. А. Мехоношин

для того удобные по своему положению. Такими аудиториями являлись прежде всего все аудитории, расположенные по лестнице, называвшейся тогда «лестницей восточного факультета» (ныне лестница № 1, ведущая в помещения физиологического института). По этой лестнице были расположены две большие аудитории и 8 маленьких. Кроме того, использовалась для наиболее многолюдных и наиболее конспиративных собраний аудитория во втором этаже старого здания физического института[26] («Же-де-пом» — зал для игры в мяч), носившая название «воейковской». Между прочим в этой аудитории в тече-

Студент Я. Я. Анвельт

Студент А. М. Игнатьев

Студент К. С. Жарновецкий

Бестужевка К. Н. Самойлова

ние 1906/07 года еженедельно, по вторникам, происходили многолюдные собрания нелегального тогда центрального бюро профессиональных союзов.

Таким образом, ежедневно в среднем в университете устраивалось по 10—12 нелегальных собраний революционных организаций.

Для руководящей части профессуры университета — ректора И. И. Боргмана и его ближайших помощников — профессоров М. Я. Пергамента, И. А. Покровского, Э. Д. Гримма[27] и некоторых других не могло долго оставаться тайной, что старосты устраивают в университете собрания с какими-то «посторонними лицами», и вскоре по этому поводу старостам пришлось рассказать все начистоту. Разговор произошел приблизительно в таком духе: «Вы, профессора, сейчас больше всего дорожите тем, чтобы университет был открыт и чтобы в нем не было забастовок, так как это для вас является доказательством налаженного якобы вами „нормального течения университетской жизни", мы, социал-демократы, тоже хотим, чтобы университет был открыт, но по другим мотивам — для использования его для рабочих собраний, и нам приходится нередко удерживать студенчество от таких уже несвоевременных форм чисто студенческого протеста, которые могут привести к закрытию университета; но как только мы будем лишены возможности пользоваться университетом в интересах революции, этот мотив „бережения университета" для нас уже не будет иметь прежнего значения». Однако для большинства остальных профессоров (значительная часть которых была правые, а среди них даже члены «Союза русского народа») факты эти оставались неизвестными.[28] <...>

На почве устройства рабочих собраний иногда происходили анекдотические случаи. Так, декану восточного факультета профессору барону Розену по какой-то причине однажды вечером понадобилось зайти в одну из аудиторий этого факультета. У дверей комнаты он был остановлен рабочим, обратившимся к нему со словами: «Товарищ, без пароля пропустить не могу». Достаточно вспомнить, что одно уже слово «товарищ» далеко не было таким обычным обращением, каким стало уже после 17 года, чтобы представить тот ужас, с каким этот профессор докладывал на совете об этом происшествии.

Бывали случаи, которые могли бы окончиться и более печально. Однажды под собрание рабочих газетных типографий, по вечерам занятых на работе, аудитория в «Же-де-поме» была предоставлена в виде исключения днем. Секретарь союза печатников имела наивность напечатать типографским путем повестки на это собрание и раздала их по газетным типографиям. Экземпляр такой повестки попал к градоначальнику и был переслан местному приставу, который за час до собрания явился к ректору и показал ему повестку. Ректор вызвал секретаря совета старост. Последнему пришлось отвергнуть самую возможность такого нелепого факта, как устройство нелегального собрания по печатным повесткам, и предложить ректору с приставом в указанный в повестке час явиться в аудиторию. Тем временем около здания «Же-де-пома» были расставлены студенческие патрули, которые останавливали и возвращали домой направлявшихся туда рабочих. Вахтеру же, ведавшему распределением аудиторий под лекции профессоров, было дано распоряжение предложить читать в большой

Столовая комиссия Петербургского университета. 1905 г. Публикуется впервые

аудитории профессору К. Ф. Жакову,[29] который имея всего двух слушателей, по расписанию как раз в эти часы должен был читать свою лекцию по зырянскому языку в одной из крошечных комнат в том же здании. Когда в назначенный час ректор вместе с приставом пришли в аудиторию, они нашли там идиллическую картину изучения зырянского языка двумя слушателями. Кажется, в тот же день ректор сделал по этому поводу сообщение совету, и совет принял и направил министру народного просвещения протест по поводу появления полиции в университете, а профессор Жаков так до самой смерти и не узнал, почему он однажды в жизни для своей лекции с двумя слушателями удостоился получить аудиторию, рассчитанную на 250 человек.

Массовые митинги за весь 1906/07 учебный год в университете созывались только два раза: 16 октября, в канун первой годовщины манифеста 17 октября, и 20 февраля, в день открытия второй Государственной думы. Митинги эти, в особенности второй, на котором выступали члены думы — большевики, по внешней картине сильно напоминали университет в октябрьские дни 1905 года. Но они вызывали слишком много шуму и привлекали к университету внимание всяких

Н. К. Крупская

властей, вследствие чего по несколько дней приходилось вовсе отказываться от устройства в университете рабочих собраний, поэтому районные подпольные работники к устройству таких митингов относились весьма отрицательно.

Использование университета для устройства собраний революционных организаций проводилось в весьма широких размерах в течение почти всего 1906/07 учебного года. Однако, 4 марта 1907 года произошло событие, значительно затруднившее дальнейшее использование университета и заставившее сократить его: в этот день в университете благодаря провокации была арестована губернская конференция социалистов-революционеров, провокация <..> была настолько широка, что, как выяснилось через год, во время суда над арестованными, даже в патруле для охраны конференции стоял провокатор, который и указал полиции путь к аудитории.

Событие 4 марта хотя и сильно затруднило, но не совсем исключило возможность использования университета для рабочих собраний. Окончательно уничтожила эту возможность устроенная 3 апреля в университете группою анархистов «экспроприация». Унесено при этой «экспроприации» было всего около тысячи рублей, но с этого дня пришлось совершенно отказаться от устройства в университете рабочих собраний.

Вынужденные отказаться от устройства собраний, большевики продолжали еще в течение нескольких месяцев пользоваться университетом, точнее, университетской столовой[30] для партийных явок. Первая «явка» приезжавших тогда в Петербург большевиков в конце сентября 1906 года в течение двух дней происходила в одной из комнат совета старост и проводилась Н. К. Крупской. Но следующие «явки» были перенесены в университетскую столовую, в маленькую комнатку «дежурных по столовой» (комнатка эта сохранилась и теперь и расположена в первом этаже направо от входных дверей в столовую). Ежедневно здесь можно было видеть технического секретаря Петербургского комитета «тов. Таню», «тов. Вячеслава» (Н. Рожкова),[31] секретарей районов и многих активных большевиков, приходивших на явку Петербургского комитета. В этой же комнате происходили и заседания Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП.

Чтобы сохранить возможность использования столовой для партии, социал-демократам большевикам нужно было держать исключительно в своих руках все заведывание столовой и, следовательно, не в шутку заниматься ее хозяйственными делами. И столовая комиссия

в лице видных большевиков того времени ежедневно с раннего утра до позднего вечера самоотверженно занималась выдачей мяса, распределением порций и т. д. и т. п.

Не будет преувеличением сказать, что в течение 1906/1907 года на территории Петербургского университета перебывали на нелегальных собраниях или на явках буквально все большевики, работавшие тогда в петербургской организации. Бывала здесь и Н. К. Крупская, бывала и М. И. Ульянова, бывал и М. И. Калинин, и Емельян Ярославский,[32] и П. А. Красиков,[33] и Землячка,[34] и Дубровинский,[35] и Самойлова,[36] и многие, многие другие.

Кроме использования университета для партийных собраний и явок в жизни университета в 1906/07 году был еще один участок деятельности, на котором также университет служил делу революции. Это — созданная с осени 1906 года при совете старост «комиссия об арестованных». Комиссия эта являлась как бы филиалом существовавшего тогда политического «Красного Креста»,[37] нелегальной общественной организации, имевшей задачей оказание материальной помощи политическим ссыльным и заключенным. Кроме материальной комиссия эта оказывала арестованным студентам помощь и юридическую, а в отдельных случаях помогала в организации побегов из тюрем и добывании паспортов для нелегальных партийных работников.

Остается упомянуть еще об одной работе совета старост, которой также до некоторой степени была оказана польза революции: о приеме осенью 1906 года в число студентов университета ряда подпольных революционных работников.

Еще осенью 1905 года сходка потребовала отменить все существовавшие до того времени ограничения приема в университет — для окончивших реальные училища и военные корпуса, для женщин, для евреев и т. д. Явочным порядком отменено было и требование представления «свидетельства о благонадежности». Но осуществить прием на этих условиях из-за закрытия университета в 1905 году удалось лишь осенью 1906 года.

Приемом этого года фактически руководил совет старост, который составлял списки подлежащих приему и давал их в канцелярию университета для оформления. Руководя приемом, совет старост зачислил в студенты целый ряд революционных работников. <...> Среди зачисленных в этот период в студенты университета были, например, такие старые и видные большевики как П. А. Красиков, Г. В. Цыперович,[38] <...> и ряд других, некоторым из которых (например, т. т. Красикову и Цыперовичу), не отрываясь от революционной работы, удалось благополучно окончить Петербургский университет и сдать государственные экзамены. <...>

ВОСПОМИНАНИЯ БЕСТУЖЕВКИ

События 9 января (расстрел на площади Зимнего дворца и в Александровском саду рабочих, женщин и детей, пришедших к царю с крестами и иконами, как к отцу, чтобы рассказать о своей горькой доле и просить, чтобы царь помог им) всколыхнули и потрясли все русское общество.

После 9 января в Петербурге начались всеобщие забастовки. Бастовали все заводы, фабрики, а также высшие учебные заведения.[1] Конечно, и у нас на Высших женских (бестужевских) курсах[2] тоже была забастовка. Я занималась тогда на третьем курсе.

11 января был день моего рождения. Ко мне пришли мои подруги по курсам, подруга моей сестры Лида Щитинская, два брата Уствольских[3] и другие знакомые. Все мои гости были крайне взволнованы. На этот раз мы не танцевали и не играли, все говорили лишь о происшедшем трагическом событии и о том, что надо делать и чем можно помочь.

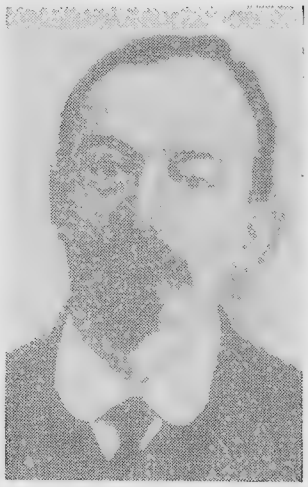
На курсах все эти дни были бурные сходки и началась организация разных видов помощи пострадавшим и бастующим рабочим. Одновременно шел сбор средств. Я тоже включилась в этот сбор и ходила с подписным листом по квартирам. Несколько позднее на общественные средства стали организовывать столовые для нуждающихся рабочих. К этой работе также привлекались студенты и курсистки.

Мне предложили работать в столовой за Невской заставой. Кроме меня в эту столовую была направлена еще одна курсистка, бестужевка Мария Александровна Покровская (в замужестве Усова) с историко-филологического факультета и лесгафтичка[4] Соня Зест. Столовая, в которой мы стали работать, помещалась на Шлиссельбургском проспекте в конце села Смоленского, недалеко от знаменитой вечерней школы,[5] где когда-то, раньше, работала Н. К. Крупская.

Первоначально наша работа заключалась в следующем: мы ходили по месту жительства рабочих, подавших в столовую заявления, чтобы выявить наиболее нуждающихся. Вот когда я своими глазами увидела ужасающую нужду, в которой жили наши рабочие, особенно работницы текстильных фабрик, где заработная плата для женщин была особенно низкой. В моей памяти всплывают две цифры: 20 коп. и 1 руб. 20 коп. в день. Последняя цифра — это заработная плата очень квалифицированных рабочих; оплата чернорабочего была 20 коп. в день. При этом, в некоторые месяцы, кроме воскресений, было очень много церковных и других праздников и заработки падали. Были за

Невской заставой рабочие, жившие семьями в своих небольших домиках, но те семьи, которые мы обследовали, обычно занимали даже не комнату, а угол, так что в комнате было три отдельных «угла», отгороженных ситцевыми занавесками. В каждом углу стояла одна большая кровать, на которой и помещалась вся семья, были еще стол и скамейки. И мужчины, и женщины одеты были плохо, в какое-то рванье, сношенные башмаки <...>

Нашей базой, куда мы, курсистки, являлись, приезжая из города, и где мы встречались, была «Народная читальня», которая помещалась в 2-этажном деревянном домике на Шлиссельбургском проспекте, немного не доезжая до фабрики Паля.[6] Читальней заведовала Мария Васильевна Довалькова, она же была учительницей в детской начальной школе села Смоленского.



Г. В. Чичерин

Мария Васильевна казалась мне немолодой. Она всегда была скромно и строго одета, держалась дружески и спокойно. Жила она на казенной квартире при читальне, у нее было двое сыновей 10 и 11 лет. Теперь, вспоминая прошлое, я думаю, что она была партийной. Когда в столовой кончался обед, мы с Марией Покровской приходили в «Народную читальню» и помогали Марии Васильевне в раздаче книг.

Однажды, когда я была в читальне, в комнату Марии Васильевны прошел какой-то мужчина. Мне сказали, что был это Чичерин.[7] Я видела этого посетителя лишь мельком, но имя Чичерина я уже знала.

Среди наших читателей наибольшим спросом пользовались романы Дюма «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо», «Королева Марго» и др. Мы с Марусей старались развивать своих читателей и знакомить их также с произведениями русских писателей. Среди наших постоянных посетителей мне запомнились молодые рабочие — Сережа Долинин, «поэт» Миша и «художник» Павел, фамилии которых я не помню. <...>

Этой же зимой я стала преподавать в вечерней Смоленской школе. Я была очень стеснительной и ни с кем из преподавателей этой школы не познакомилась. Мне дали группу неграмотных рабочих, было очень трудно учить их чтению и письму, так как методики преподавания я не знала. Вспоминаю одного немолодого рабочего с большими заскорузлыми руками, которому очень хотелось выучиться читать и писать и который очень старался. И мне ужасно хотелось его этому всему выучить и я подолгу с ним засиживалась. Особенно трудно ему было

держать ручку. Общими усилиями мы с ним начальную грамоту все-таки преодолели.

<...> Однажды в вечернюю школу приехала Коллонтай.[8] <...> Мне показалось неуместным приезжать в рабочую школу такой нарядной, ведь мы, учительницы, одевались очень скромно; я не подумала тогда, что <...> это необходимо для конспирации <...>

1 сентября снова должны были возобновиться занятия во всех учебных заведениях Петербурга. Однако нормальная учебная жизнь продолжалась только до 17 октября, когда вышел известный «царский манифест», снова вызвавший волнения и горячие возмущения передовой части общества и, конечно, среди студенчества. Почти все учебные заведения, включая и наши курсы, прекратили занятия. Студенты снова бастовали. Занятий не было, и я снова вернулась за Невскую заставу <...>

В конце 1905 года открылся единственный первый класс нашей маленькой школы. Ребятишки приходили к нам разные. Были и чистенькие и тепло одетые, но таких было мало. Большинство из них были оборванные, в рваных башмаках (не со своей ноги), шаловливые, и мне с ними было очень трудно. Некоторых из своих учеников я хорошо помню. Помню чистенького и вежливого Егора, его отец был, вероятно, квалифицированным рабочим, и жили они в своем домике, где во всем чувствовался большой порядок. Помню еще некоторых ребят, например, Хенина, Леню Косенкова, Мишу Епифанцева, тоже чистеньких и аккуратно одетых. Помню я и отчаянных шалунов Колю Сорокина и Сеню Кожевникова, оборванных, грязных и непослушных. Они особенно донимали меня своими проказами, дергали за юбку и часто доводили до слез. Особенно запомнился мне Коля Сорокин, оборванный, в рваных отцовских башмаках, с красивым личиком и большими черными глазами.[9] <...>

Моя младшая сестра, Надежда Константиновна Дылева, со своей однокурсницей по ВЖК — Надей Никифоровской, также работала в те годы в вечерней школе за Невской заставой, но ближе к городу, в районе Семянниковского[10] и Стеклянного[11] заводов. Семья Никифоровских жила в этом районе, отец их был настоятелем находившейся там церкви «Всех скорбящих»; очевидно Н. Никифоровская привлекла мою сестру к работе в тех местах. Надежда Митрофановна Никифоровская вспоминает:[12] «Мы с Надей Дылевой взялись читать по вечерам лекции в школе для молодых рабочих за Невской заставой. Я имела смелость начать курс „Истории культуры". Школу месяца через три закрыли». И еще: «Нам было в те годы 18—19 лет. Я с Вашей сестрой и несколькими бестужевками увлекалась революционными событиями того времени, стремилась войти в партию, а пока мы были, как называлось тогда, на испытании. Например, мы находили квартиры, где бы имелись большие комнаты (залы), чтобы предоставить их для собрания желающих послушать кого-либо из революционеров. Часто приезжали не те, кто был позван, а порой и никто; тогда нас выручал „това-

рищ Абрам".[13] Давали нам и другие поручения через „явочные" квартиры, что звучало для нас очень таинственно и очень значительно <...>

Между тем осенью 1906 года занятия на курсах возобновились, все мои однокурсницы вернулись к учебе. Моя сестра Надя также вернулась на курсы. За время пребывания за Невской заставой у нее появились знакомства среди членов партии большевиков, и она сохранила с ними связи.

Вечерами я по-прежнему ходила работать в «Народную читальню», где встречалась с Марусей Покровской. Мы с ней очень дружили. Здесь я могу рассказать об одном эпизоде моей жизни, связанном с Марусей Покровской и очень характерном для того времени.

У Маруси был жених, звали его Василий Усов. Он был арестован и содержался в тюрьме на Выборгской стороне, кажется в «Крестах». В то время в тюрьмах были такие правила: на свидания к заключенным допускались ближайшие родственники и невесты. Маруся, очевидно, из конспиративных соображений не считала возможным сама посещать своего жениха, а попросила меня ходить в тюрьму на свидания в качестве его невесты. К назначенному дню Маруся <...> приготавливала мне небольшие передачи и, кроме того, наказывала, что и какие сообщения я должна передать ему на словах, что рассказать и о чем спросить. В дни свиданий я приходила в тюрьму, предъявляла свои документы, вся передача тщательно там просматривалась, а затем меня отводили в помещение, в котором происходили свидания, и «мой жених» Вася Усов выходил ко мне; между нами оставалось такое расстояние, что мы не смогли бы подать друг другу руки. Здесь же присутствовал охранник. Свидание разрешалось короткое, продолжалось минут пять. Я отдавала передачу, говорила ему все то, что мне было поручено Марусей, стараясь хорошо запомнить его ответы и новые вопросы. Свидание кончалось и я вскоре встречалась с Марусей. В ту весну я ходила на свидания несколько раз. <...>

В те два с половиной года, когда я занималась за Невской заставой, в весенние дни я два раза участвовала в маевках. Первый раз маевка была недалеко от села Смоленского на Преображенском еврейском кладбище. Были расставлены сторожевые посты, чтобы собравшиеся, в случае нападения полиции, могли легко разойтись по обширной территории кладбища. <...>

Во второй раз я была на маевке дальше, на одной из станций Московской железной дороги, где-то около станции Поповка. <...>

В эту зиму моя сестра Надя предложила мне заниматься с группой рабочих, человек в пять-шесть. Как обычно, Надя занималась с ними русским языком и историей, а я математикой (арифметикой) и географией. Занятия проходили где-то на Белозерской улице на частной квартире. Рабочие, с которыми мы занимались, были очень развитыми, и мне было легко и интересно с ними заниматься, но иногда они задавали мне вопросы совсем не учебные, на которые я тогда

не умела ответить. Кажется, одного из них звали Лука Герасимов. Теперь я думаю, что эти рабочие были партийными, может быть состояли в той же организации, в которой работала Надя.

Моя сестра Надя была членом партии большевиков. Она работала в организации Петроградской стороны. <...> Партийная кличка Нади была «товарищ Надежда».

Весной 1908 года я сдала экзамены и окончила ВЖК, а осенью вышла замуж. Надя еще училась на последнем курсе ВЖК и в то же время вела партийную работу. Вскоре после того, как мы с мужем переехали на новую квартиру, Надя дала мне на хранение пакет, завернутый в толстую синюю бумагу, вроде синей упаковки для сахарных голов. Кроме того, Надя предупредила меня, что ко мне будет приходить товарищ из их организации. Наша квартира была на третьем этаже дома на углу Вознесенского проспекта [14] и Екатерининского канала,[15] напротив церкви Вознесения; вход был с Екатерининского канала. «Синий» пакет я положила в нижний ящик большого платяного шкафа, стоявшего в передней.

Вскоре ко мне от Нади пришла женщина. Она была средних лет, невысокая, в черном пальто с барашковым воротником и в барашковой шапочке, она была похожа на учительницу. Назвалась она Анной Михайловной <...> Мы с ней договорились, что она иногда будет заходить ко мне, брать нужные ей материалы. В этом пакете находился архив РСДРП(б), может быть часть архива. Анна Михайловна время от времени приходила, разбирала бумаги, что-то приносила и укладывала, что-то брала с собой. Кроме того, мы с ней договорились и о том, что на мое имя будут приходить письма из Швейцарии и дала мне свой адрес. Иногда она сама приходила за письмами, иногда и я относила письма по ее адресу на Английском проспекте,[16] между Офицерской улицей [17] и Мойкой (с правой стороны проспекта, если идти от Невы). И еще мы с ней договорились о возможности устраивать в моей квартире небольшие собрания. В такие дни я отпускала свою прислугу. Анна Михайловна приходила ко мне раньше часа, назначенного для собрания, и я передавала ей ключи от квартиры. Мы с мужем уходили на весь вечер в гости или в театр. Мой муж знал обо всем этом, но никогда не возражал. Так продолжалось до весны 1909 года. Теперь я думаю, что конспирация была не на высоте, ведь на моей квартире хранился важный пакет, на мой адрес приходили письма и у меня же иногда устраивали собрания <...>

ВОЗВРАЩЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТ

Профессор Н. И Кареев с группой членов Комитета Литературного фонда. 1909 г.

Осенью 1906 года я вернулся на университетскую кафедру и на Высшие женские курсы, с которыми был разлучен целые семь лет.[1] Университетам было возвращено отнятое у них уставом 1884 года право выбора профессоров и должностных лиц: ректора, деканов и секретарей фак<ультетов>. Если бы это мое возвращение произошло годом ранее, я, вероятно, не стал бы подвергать себя избранию в Государственную думу,[2] так как ее членам по закону нельзя было быть, состоя на государственной службе. В университетском совете я был избран значительным большинством при не то семи, не то девяти неизбирательных шарах, положенных, вероятно, наиболее правыми членами.

После августовского указа 1905 года университет пользовался некоторою внутреннею свободою и в устройстве факультетского препода-

вания,[3] пока назначенный в министры народного просвещения в 1907 году А. Н. Шварц,[4] бывший раньше московским профессором, а после него Л. А. Кассо,[5] также бывший профессором в Москве, не начали отнимать у университетов одну за другою из сделанных в 1905 году уступок, что вызвало снова целую цепь студенческих волнений, нарушавших правильное течение академической жизни и расстраивавших добрые отношения между профессорами и студентами. В это время Академический союз[6] постепенно разложился, но в совете петербургского университета от него осталась группа человек в двадцать с небольшим, которая продолжала быть центром оппозиции против реакционной политики министерств, возбуждавшей против себя на сей раз и „правых" профессоров. Мне тем легче было примкнуть к этой группе, что я уже был одним из наиболее деятельных членов академического союза, правда, не от университета, а как один из «младших преподавателей» Политехникума,[7] где состоял не на службе, а читал лекции по возобновлявшимся каждый год приглашениям. Наша левая группа собиралась довольно часто по вопросам о выборах ректора, выборщиков в Государственный совет и т. п., а также по поводу вопросов, возникавших в связи с политикой министерства или со студенческим движением. В Совете вообще и в частности в нашей группе было много лиц, которых еще не было в 1899 году. В вопросах, касавшихся политики министерства, наиболее видную роль играли юристы Д. Д. Гримм,[8] М. Я. Пергамент и И. А. Покровский, на которых потом Кассо и обратил свое милостивое внимание, чтобы их выжить из университета. К числу вновь вступивших профессоров был и старый мой приятель Максим Ковалевский[9] <...>

В деле организации преподавания за время моего изгнания из университета произошли многие перемены к лучшему. Уже перед 1899 годом, когда я вышел из состава профессоров, установленные в 1884 году невозможные порядки более не существовали, а в 1905 году организация преподавания была предоставлена самим факультетам, что дало возможность особенно развить практические занятия студентов (семинарии и просеминарии). Я тотчас же ревностно занялся этим последним делом, сделав темою руководимого мною семинария как в университете, так и на высших женских курсах, экономические требования французских наказов 1789 года, целые громадные тома которых стали в это время появляться в «Annales».[10]

Другим удобным для меня обстоятельством было то, что труд преподавания новой истории был систематически разделен между несколькими ответственными преподавателями (главным образом Г. В. Форстеном,[11] Э. Д. Гриммом и мною, не считая нескольких приват-доцентов), и я мог специализировать свои курсы преимущественно на истории XVIII и XIX веков. В общем мой семинарий по наказам 1789 года, продолжавшийся до 1919 года, пошел очень успешно: на него стали выходить молодые люди, специализировавшиеся в новейшей истории. Первым из них был Евг. Ник. Петров,[12] автор нескольких пе-

чатных работ, занявший вместе с В. А. Бутенко[13] кафедру в Саратове. За этот же период времени я приобрел новых товарищей по преподаванию новой истории в Петербургском университете в лице трех приват-доцентов: старого своего приятеля И. В. Лучицкого,[14] его ученика Е. В. Тарле и моего ученика А. М. Ону,[15] с которыми у меня были наилучшие отношения <...>

В 1913 году исполнилось сорок лет со дня окончания мною университетского курса, что дало повод моим благожелателям устроить юбилей, к таковому сроку был издан сборник статей моих «учеников и товарищей по науке».[16] Это, как и другое, раньше бывшее, но более скромное чествование, дало мне повод самому оглянуться назад и подвести некоторые общие итоги своей научной и преподавательской деятельности за все время со дня окончания курса. Общий взгляд я высказал в ответной речи на адресы и приветствия, которые пришлось мне выслушать на многолюдном банкете в ноябре указанного года. Я сравнил историческую науку с могучим деревом, корни которого глубоко уходят в землю, где в тишине и тьме извлекают из нее питательные соки, а ветви и листва высоко поднимаются над землей, купаясь в воздухе и свете, видные для всех: корни — это непосредственная работа над сырым материалом, крона дерева — идейные обобщения. Из двух видов исторической работы меня всегда более привлекала <...> работа синтетическая, обобщающая и объединяющая, нежели аналитическая, детальная и изолирующая. Вопрос не в том, что нужнее и ценнее, ибо обе работы одинаково нужны и каждая имеет свою ценность, а в том, какая работа более соответствовала складу моего ума и моим влечениям, среди которых не последнее место занимает с детства еще мне присущее стремление передавать другим накопляемые знания. Избранная мною преподавательская деятельность сверх того возлагает на занимающегося ею обязанность не замыкаться в узкой специализации. Так приблизительно я формулировал свой взгляд много лет тому назад, так понимаю и теперь. Мне часто казалось, что среди профессоров нашего факультета были, как я их называл, фактопоклонники, или как их обозначал Орест Миллер,[17] крохоборы, олицетворением которых был в петербургском университете профессор греческой истории Ф. Ф. Соколов,[18] человек большой учености и хороший руководитель будущих специалистов, но читавший нестерпимо скучный и совершенно безыдейный курс, где, кроме сырого фактического материала, ничего не было.[19] Я знаю, что мои насмешки над фактопоклонниками многих против меня вооружали, а в глазах некоторых студентов даже прямо меня дискредитировали, как человека малоосновательного, что было только лишним у меня для них минусом рядом с моим «западническим либерализмом». В самом деле, когда я начал преподавать в Петербургском университете, на нашем факультете царил консервативно-патриотический дух (беря, конечно, патриотизм в особом специфическом смысле). Быть может, с некоторыми преувеличениями, которые не были по существу справед-

ливыми, но глубоко убежденный в своей правоте, я всячески защищал свою точку зрения, между прочим, развив ее в одной статье (в «Истор. обозр.» за 1891 год),[20] а потому весьма естественно, что коснулся той же темы в своей речи на юбилейном банкете.

И теперь, когда я пишу эти свои воспоминания, я думаю так же, как и прежде, какие бы частичные ошибки ни находил в некоторых прежних выражениях своей основной мысли. Далее, просто в силу своего характера и темперамента, я не мог замыкаться от влияний со стороны окружающей жизни в своих научных интересах. Историей крестьянского вопроса во Франции я занялся в виду того важного значения, какое имел тот же вопрос для России и после освобождения крестьян, а вообще интерес к французской революции не может не быть вполне понятным в виду того, что, как не я один думал, рано или поздно и у нас должна была произойти революция. Мною был даже задуман и отчасти осуществлен в специальных курсах большой труд по критике исторических взглядов на французскую революцию.[21] Самое занятие почти оставшейся не разработанной историей парижских секций стояло в связи с памятившимся у нас в 1905 году вопросом о значении организации населения в политическом движении. Не мудрено, что моя довольно-таки специальная брошюра о революционных комитетах парижских секций необычайно скоро вышла из продажи.[22] Будучи противником экономического материализма, как полной и цельной историологической теории,[23] я как раз особенно много занимался и занимал своих учеников экономической стороной французской революции. В течение целого десятилетия это была тема моего семинария в университете и на женских курсах, причем работа шла в направлении тщательного и детального изучения источников. Углубление в новейшую историю, результатом которого были IV—VII томы «Истории Западной Европы», стоит тоже в связи с интересом к современности. Наконец, если я некоторое время занимался польской историей и вопросом о русско-польских отношениях, то не нужно забывать, что около пяти лет мне пришлось жить в Польше.[24] Я вовсе не думаю хвастаться этою связью моих научных занятий с вопросами современной жизни, как отнюдь не намерен осуждать тех, которые работают в областях, далеких от жизни, а только объективно подвожу себя под некоторую общую категорию, отмежевываясь, однако, от чисто публицистического направления, заставляющего историю подчиняться целям, ей посторонним: для меня история была всегда самодовлеющей наукой, ни в коем случае не прислужницей политики. При всяком удобном случае в своих историко-философских книгах и статьях я высказывался против всякого «незаконного» субъективизма, каков бы ни был его источник вероисповеданный, национальный, партийный, классовый, высказывался во имя требований научного объективизма и единственного признаваемого мною субъективизма этического, не обрекая этим, однако, историю на морализирование.[25]

За сорок лет перед тем, как мои благожелатели устроили мое юби-

лейное чествование, я еще несколько колебался, как уже <...> говорил об этом, быть ли мне в будущем историком или философом. В течение всего последующего времени философские интересы не покидали меня, приняв историко-теоретическую и социологическую окраску. Докторская моя диссертация была об основных вопросах философии истории, и занятия в этой области не прекращались до самого последнего времени. И опять я здесь невольно откликался на явления современной жизни, к числу которых относится пропаганда и распространение в последних годах прошлого столетия теории экономического материализма. В IV—VII томах «Истории Западной Европы» я, притом, дал довольно много места рассмотрению главных течений философской мысли в XIX и XX веках, знакомство с которыми, скажу кстати, не поколебало во мне моего позитивизма, хотя внесло в него некоторые поправки и приучило более исторически понимать культурное значение осуждаемых позитивизмом стремлений. Наконец, и в своих книжках для молодежи о значении самообразования, о способах выработки миросозерцания, об основах нравственности, о сущности общественной деятельности я подчинился тем же философским устремлениям своей психики.

Такое подведение итогов под своею научною деятельностью, конечно, приходило мне в голову неоднократно и не по поводу только каких-либо годовщин. Если не одно, так другое, ставило передо мною время от времени вопросы, то ли я делал, что нужно было делать, и так ли, как было нужно, делал и столько-ли сделал, сколько мог бы сделать. И мне то казалось, что я слишком разбрасывался, хватаясь за многое, когда нужно было более сосредоточиться на одном, то думалось, что я работал с меньшею основательностью, чем надлежало бы, но представлялось, что и количественно я мог бы дать больше, если бы не отвлекался от работы своею общительностью и своим тяготением к общественности. Все, однако, объяснялось моим характером и темпераментом, с которыми ничего не поделаешь. Как я завидовал иногда людям, скупее, чем я, умеющим распоряжаться своим временем, не быть слишком торопливым в своей работе, держаться в ней более ограниченной области, и в то же время я ставил себе вопрос, не являлось бы иное поведение искусственным отторжением себя от жизни, которую как-никак проживаешь только один раз. Ну, хорошо, сделаешь, пожалуй, немного больше и немного лучше, по мере сил и способностей и, пожалуй, что-нибудь, что скажется несколько более кому-либо нужным, но жизнь проплывет мимо тебя, а жизнь для меня — это были природа и люди, природа, заставлявшая меня искать отдыха в путешествиях, люди, которые влекли меня в более или менее интересные для меня собрания, хотя бы то были однообразные подчас журфиксы, «ежемесячные обеды» и столь же однообразные заседания. Затворничество не было никогда в моем характере, а если в более молодых годах я и искал полного одиночества не ради усиленной работы, то лишь тогда, когда меня посещало мрачное настроение с сом-

нением в себе самом и вообще в людях, но на такие периоды я всегда смотрел как на болезнь.

С другой стороны, у меня было и известное тяготение к общественной работе, заставлявшее меня отдавать немало времени таким учреждениям, как Историческое Общество,[26] Литературный фонд,[27] Отдел для содействия самообразованию,[28] Комитет пособия нуждающимся студентам,[29] Союз взаимопомощи писателей[30] и Академический союз. Если мне пришлось признать себя мало пригодным для политической деятельности, требующей особых качеств, необходимых во всякой борьбе, то способность к совместной с другими мирной работе меня не оставляла, и я никогда не отказывался от участия в деле, которое было для меня симпатично и в котором я мог быть сколько-нибудь полезным. А это, действительно, брало у меня немало времени, какое могло бы идти на научную работу. Особенно охотно я отзывался на приглашения читать лекции без всякой мысли делать из этого добавочный заработок, в котором я не нуждался.

Перед своим возвращением в университет, когда вследствие общей студенческой забастовки и в Политехникуме лекции прекратились, я с удовольствием читал общеобразовательные исторические курсы в двух пригласивших меня учреждениях. Одним из них было то, которое было основано уже упоминавшимся мною П. Ф. Лесгафтом и представляло собою так называемый народный университет. Аудитория здесь была наполовину из учащейся молодежи и вообще из образованной публики, другая — из рабочих. В такой аудитории лектору приходилось не удовлетворять одну половину слушателей в случае более элементарного изложения и другую, когда лектор предполагал в своих слушателях очень многое уже известным. Рабочие правильно рассуждали, что у интеллигенции есть другие места, где она может учиться, а потому здесь, на курсах Лесгафта, читая лекции, и я имел в виду главным образом слушателей из рабочей среды. Это был мой первый опыт чтения лекций перед такой аудиторией, и я им остался доволен.

И. В. Егоров

В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Осенью 1906 года я стал студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. В первые же дни нового учебного года декан, профессор Федор Александрович Браун,[1] объяснил нам новый порядок, только что введенный в университете вместо старой курсовой системы. Студент совершенно самостоятельно и добровольно выбирал теперь научные дисциплины, по которым должен был слушать лекции и сдавать экзамены.[2] Браун произвел на меня большое впечатление своим каким-то поэтическим лицом, обрамленным бородкой, мягким бархатным голосом и изящными манерами.

Запомнился мне первый в моей жизни студенческий митинг в Актовом зале университета. Торжественно и волнующе прозвучал голос студента, открывшего собрание:

— От имени коалиционного комитета и от имени совета старост объявляю сходку студентов Санкт-Петербургского университета открытой![3]

Тут же был избран президиум, председатель и секретарь сходки. До этого митинга мне приходилось слышать в Гельсингфорсе речи многих ораторов, профессоров тамошнего университета: Корфа, Мандельштама, Дементьева. Они говорили вяло, монотонно. Содержание их речей совпадало с программой конституционно-демократической партии, или кадетов, как называли членов этой буржуазной партии по начальным буквам «ка-дэ». Здесь же, в Актовом зале Петербургского университета, речи студентов показались мне исключительно блестящими. Вот председатель, Энгель, предоставил слово члену социал-демократической фракции коалиционного комитета товарищу Абраму (это был псевдоним известного впоследствии большевика Николая Васильевича Крыленко).

Ростом почти мальчик, круглая стриженая голова, энергичный подбородок, складка крайнего упорства у рта — таким запомнился мне Крыленко. Он быстро скинул куртку и остался в одной косоворотке. Звонким металлическим тенором Крыленко говорил слова осуждения в адрес профессора-черносотенца Никольского, призывавшего в Смоленске к еврейскому погрому. Он говорил, что такой профессор не нужен студентам, его надо бойкотировать и беспощадно гнать из университета. Речь была произнесена с таким подъемом и ее отличала такая блестящая форма, что я сразу же стал поклонником Крыленко.

Такое же вдохновение звучало и в речах других студентов. Я был в восторге. По тогдашней юношеской впечатлительности мне казалось,

что наступила новая эра расцвета ораторского искусства, что вернулись времена Цицерона и ораторов Великой французской революции. Свобода слова хоть и притеснялась царскими властями, но еще не была тогда задушена окончательно. Революция, как мы знаем теперь, осенью 1906 года шла на убыль, но она все еще продолжалась. Лозунг всенародного восстания не был снят с повестки дня. Отзвуки орудийных залпов революционных свеаборжцев [4] еще слышались в накаленном воздухе тех дней. Пользуясь начавшейся кампанией по выборам во II Государственную думу, большевики проникали на все митинги, громили там кадетских ораторов и осторожных меньшевиков.

На одном таком митинге, где выступал Крыленко, довелось присутствовать и мне. Случилось это так. Приват-доцент Валериан Валерианович Шипчинский, мой старший товарищ по Александровской гимназии, а в то время — преподаватель Лесного института, попросил меня перевести на финский язык предвыборное воззвание РСДРП. Я просмотрел предложенный мне Шипчинским текст, составленный очень «по-научному» и пестревший всяческими «измами», и сказал, что такой сложный документ перевести не смогу. Тем не менее на предвыборное собрание Выборгского района в дом Нобеля [5] меня взяли.

Там собрался «цвет» кадетской партии: сам ее лидер, историк П. Н. Милюков;[6] всем известный оратор, адвокат Ф. И. Родичев;[7] сын министра юстиции правительства Александра II, сам адвокат В. Д. Набоков;[8] помощник присяжного поверенного (адвоката) М. М. Винавер,[9] профессор-правовед Н. А. Гредескул.[10] От меньшевиков присутствовал Ф. И. Гурвич, который позднее, особенно в 1917 году, стал более известен под псевдонимом Дан. Первыми выступали кадеты — Винавер и Милюков. Последний, говоря свободно, уверенно и четко, сумел завоевать слушателей. И вдруг в задних рядах, где я сидел, кто-то в полголоса воскликнул:

— Вот я ему сейчас!

Я оглянулся и узнал уже известного мне товарища Абрама — Николая Васильевича Крыленко. Сделав энергический жест рукой, он потребовал слова. Появившись на трибуне в расстегнутом пиджаке и простой рубахе, он являл собой резкий контраст пожилым профессорам в безукоризненных сюртуках и манишках. Аудитория сразу прониклась к нему расположением. Крыленко произнес свою очередную громовую речь против кадетов.[11] <...> Газета «Копейка»[12] сообщила однажды в полушутливой форме, что большевик Крыленко произнес двадцать пять тысяч речей против лидера кадетской партии П. Н. Милюкова. С антикадетскими речами Крыленко часто выступал и в университете. Помню его специальную лекцию, в которой он разоблачал претензии кадетов на то, чтобы считаться партией «народной свободы», показывал буржуазную ограниченность и контрреволюционную сущность кадетской программы. Оппонентом Крыленко выступал лидер небольшой студенческой организации кадетской партии А. А. Виленкин. Он пытался воздействовать не на разум слушателей, а на их чувства,

чему немало способствовали его красивый голос и меткое остроумие. Спор грозил затянуться до глубокой ночи, но вдруг Крыленко прервал его возгласом:

— Товарищ Виленкин, да пойдемте чай пить!

Сценка эта запомнилась мне и как своеобразный символ своего времени. Кадеты, несмотря на свою антидемократичность и вечную склонность к сделкам с царизмом (на которые, впрочем, царь не больно-то шел), все же входили в оппозиционный, антиправительственный лагерь. Царское самодержавие было врагом не только для рабочего класса и крестьянства, но в силу особенностей исторического момента и для либеральной буржуазии. Интересы разных лагерей освободительного и революционного движения в чем-то совпадали, о чем В. И. Ленин впоследствии говорил, анализируя быстрый успех Февральской буржуазно-демократической революции.

Но после свержения царизма уже не могло быть такого факта, как совместное чаепитие Крыленко и Виленкина. Большевик Крыленко преследовался Временным правительством, сидел несколько месяцев в тюрьме после июльских событий 1917 года. Затем он стал первым советским Верховным главнокомандующим, наркомом юстиции, Генеральным прокурором СССР.

А Виленкин после Февральской революции был произведен в корнеты, стал военным комиссаром Временного правительства, одним из деятелей Союза Георгиевских кавалеров.[13] В ноябре 1917 года по предложению В. И. Ленина партия кадетов была объявлена «партией врагов народа». Виленкин, вообще склонный к авантюризму, стал одним из активных противников Советской власти. Он был расстрелян за контрреволюционную деятельность в Москве осенью 1918 года.

Заметной фигурой в мои университетские годы был студент В. С. Войтинский, уже тогда известный своей книгой «Рынок и цены». В оловянных очках, с рыженькой бородкой, он имел нарочито «партийное» обличье. В те дни он принадлежал к большевистской партии и вместе с Крыленко был популярным оратором на университетских митингах. Помню, он подал прогремевшую реплику во время выступления Виленкина:

— У кадетов знамя есть, но зелененькое!

В конце марта 1917 года В. С. Войтинский, как известно, прилагал тщетные усилия, чтобы объединить большевиков и меньшевиков в одну партию, а когда эта затея провалилась, открыто перешел к меньшевикам и сделался ярым оборонцем. В июне 1917 года он стал помощником комиссара Временного правительства по Северному фронту, а после июльских событий санкционировал посылку карательного отряда Пятой армии в Петербург. Этого, конечно, никто еще не мог предугадать осенью 1906 года, когда кадеты боялись Войтинского, метавшего громы и молнии на их головы.

В 1930 году, отдыхая в Ялте, я прочитал воспоминания Войтинского, изданные в эмиграции, в Берлине. Там он писал, что во фрак-

цию большевиков попал случайно, будучи введен в нее студенческим другом, Капланом, а вот в 1917 году уже, дескать, действовал по убеждению. Каплана я тоже помню: человечек, похожий на гнома, — маленького роста, но с длинной бородой. Речи Каплана казались мне второразрядными по сравнению, скажем, с выступлениями Крыленко. В годы гражданской войны Каплан тоже отошел от большевиков и оказался в стане врагов Советской власти.

Из тогдашних наших «деятелей» упомяну еще Владимира Канторовича, меньшевика, после Стокгольмского съезда 1906 года вошедшего в одну объединенную фракцию с большевиками.[14] В ту осень он часто выступал с речами, проводя в основном линию меньшевиков, которые численно преобладали в ЦК РСДРП, избранном на IV съезде. Помню, как на одном из митингов после могучего пения «Марсельезы» Канторович вышел на трибуну и проникновенно произнес:

— А теперь, товарищи, почтим память тех, кто отдал жизнь за рабочий класс...

В ответ раздалось мощное «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Эти слова и пение в то время, когда список жертв царского режима пополнялся каждый день новыми именами казненных и умерших от побоев, прозвучали так скорбно, что у меня, помню, как холодным ветром обдало волосы...

В университетские годы мои левые и демократические убеждения, зародившиеся еще с начала русско-японской войны и получившие развитие в 1905—1906 годах, укрепились, хотя я и не был формально связан с какой-либо партийной организацией. Симпатизировал я социал-демократам-большевикам, но непосредственно партийной работой не занимался, сосредоточившись на общественной деятельности как выборный староста курса, а потом ответственный секретарь гельсингфорсского землячества.

Захватила меня и учеба. Я чувствовал, как буквально с каждым днем расширяется мой кругозор. Очень многое давали нам лекции виднейших профессоров того времени <...>

Одной из самых колоритных личностей был профессор русской филологии Илья Александрович Шляпкин.[15] Величайший знаток древнерусской письменности и литературы — русских повестей, сказаний, летописей, народных песен, — он сумел увлечь своим предметом не одно поколение студентов, пленяя своими огромными познаниями, редким красноречием и подлинным научным энтузиазмом. Шляпкин рассказывал о давно минувших эпохах, но таким языком, как будто это была жгучая современность. Он воспроизводил на память целые страницы из древнейших и самых редких письменных источников. Некоторые из этих рукописей тогда еще не публиковались и были обнаружены самим Шляпкиным где-нибудь в недрах Юрьевского монастыря. Широкими мазками Шляпкин рисовал перед нами исторические картины. Он знал все особенности костюмов и обуви разных эпох, а потому любил иной раз подтрунить над авторами исторических романов,

находя у них множество ошибок и неточностей. В красноречии Шляпкин не знал себе равных. Оно опиралось на обстоятельный и глубокий анализ первоисточников, изумительное знание палеографии, малейших особенностей почерков древних писцов, на исключительную общую осведомленность в вопросах филологической науки.

Шляпкин сразу захватывал огромную аудиторию и держал ее в руках все два часа лекции. А слушателей у него бывало не менее двухсот — трехсот человек. Для лекций о рукописях XV—XVI веков — явление совершенно исключительное. Он поистине напоминал мага и кудесника. Его чудотворное прикосновение снимало пыльный покров с далекого прошлого. Ко всему этому он любил шутку и сам умел шутить.

Недаром Шляпкина ценил Александр Блок, приславший ему большое и прочувствованное телеграфное поздравление по случаю тридцатилетия научной деятельности. Андрей Белый [16] в своих воспоминаниях рассказывал, что Александр Блок был учеником Шляпкина.[17] Блок, как никто другой, умевший чувствовать и понимать далекое прошлое нашей родины, русский дух, русскую старину, как мне думается, во многом был обязан И. А. Шляпкину.

На кафедре Илья Александрович выглядел монументально: огромный живот, затянутый в синий форменный вицмундир с золотыми пуговицами. На груди эмалевый в золоте значок магистра. Большая голова в кудерках и колечках, золотые очки, за которыми светились умнейшие глаза. Прекрасная русская речь, которой Шляпкин владел мастерски. Идет Илья Александрович по коридору, как богатырь Илья Муромец, а за ним семенят, едва поспевают цыплята-студенты. Спина Шляпкина равна плечам пяти студентов, рост огромный, вес — пудов семь-восемь.

Происходил Илья Александрович из крестьян графа Сергея Дмитриевича Шереметьева,[18] его отец был еще крепостным. Вероятно, поэтому Шляпкин бесконечно ценил реформу 1861 года, которая освободила крестьян от крепостной зависимости. Илья Александрович очень гордился тем, что он, простой крестьянин, сын крепостного, возвысился до чина действительного статского советника и ординарного профессора одного из лучших университетов России — Петербургского.

Философию нам преподавал профессор Александр Иванович Введенский.[19] Понятно, что это была идеалистическая философия. Я слушал у Введенского курсы древней и новой философии, логики, теории познания. И — все по Канту, все о Канте.

Лекции по философским предметам меня вообще интересовали. Еще в гимназии я читал много философской литературы. А в Петербургском университете был тогда собран весь цвет русской философской мысли идеалистического направления. Весьма славился крупный ученый, профессор и доктор философии Николай Онуфриевич Лосский.[20] Но его философия интуитивизма воспринималась с большим

М. М. Ковалевский. 1914 г.

трудом ввиду крайне запутанной и нарочито туманной манеры изложения.

<...> Я слушал лекции по сравнительной грамматике у профессора Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ,[21] курс введения в языкознание у профессора Сергея Константиновича Булича.[22] Усерднейшим образом я занимался в семинарах по греческому и латинскому языкам у профессора Федора Федоровича Соколова и у приват-доцента Сергея Александровича Жебелева (в советское время — академик).[23]

Большое впечатление производили на меня превосходные юридические труды профессора Льва Иосифовича Петражицкого.[24] Хотя по национальности он был поляк, но думал, видимо, по-немецки, поэтому и манера читать лекции у него была своеобразная: он как бы переводил с немецкого на русский. Слушать его было трудно, но полезно, так как лекции Петражицкого были очень содержательны. Избранный депутатом I Государственной думы, Л. И. Петражицкий вместе с другими членами Думы подписал так называемое «Выборгское воззвание», которое призывало население не платить налогов и податей и не давать рекрутов в армию.[25] За это Л. И. Петражицкий, как и остальные 176 человек, подписавших «Выборгское воззвание», был арестован, судим и отбыл наказание в Выборгской одиночной тюрьме. Когда он вышел на свободу и появился в университете, студенты устроили ему в Актовом зале бурную и восторженную овацию. В ней принял участие и я, хотя и не поддерживал партию кадетов, к которой принадлежал Петражицкий, а разделял политическую платформу социал-демократов большевиков.

Большой популярностью пользовался знаменитый профессор политической экономии и общественный деятель Максим Максимович Ковалевский. Свои в высшей степени содержательные и интересные лекции он читал превосходно. Вокруг его имени парил ореол легенды. Нам, студентам, импонировало, что М. М. Ковалевский был лично знаком со многими выдающимися европейскими учеными. Он был знаком и с Карлом Марксом,[26] неоднократно беседовал с ним и спорил.

Свои лекции Ковалевский нередко начинал с воспоминаний, например, такого рода:

— Когда я в последний раз беседовал с Вандервельде...[27]

Так как царское правительство в свое время запретило Максиму Максимовичу заниматься преподавательской деятельностью в России,

то он несколько лет преподавал в Париже, в Высшей вольной русской школе. Он имел самые разносторонние связи с политическом мире Западной Европы и России. М. М. Ковалевский обладал колоссальной эрудицией и даром превосходного изложения предмета. Мне нравилась сама внешность Ковалевского: высокого роста, представительный, с очень красивым и породистым лицом. Ко всему этому надо прибавить громкий, четкий голос и прекрасную дикцию.

На юридическом факультете я посещал и лекции профессора Владимира Матвеевича Гессена[28] по полицейскому праву (теперь оно называется административным). Он умел подавать свой материал в очень занимательной и легкой форме.

На нашем историко-филологическом факультете я слушал также профессора и доктора всеобщей истории Николая Ивановича Кареева. Мне он казался особенно знаменитым благодаря знакомым с детства пяти огромным томам «Истории Западной Европы». Будучи либерально-буржуазным профессором, членом кадетской партии, Н. И. Кареев вовсю критиковал экономическое учение Карла Маркса и вообще марксизм. Я не знал еще тогда, что Кареву дал достойный ответ Г. В. Плеханов[29] в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

В тех условиях нельзя было ожидать, что кто-либо из профессоров истории или философии был бы марксистом. Таких людей в России еще просто не было, а если бы они и появились, то царские власти изгнали бы их из высших учебных заведений. Уже в 1906/07 учебном году были заметны намерения уволить под предлогом политической неблагонадежности даже либеральных профессоров, заменить их реакционерами. И хотя мы, студенты, в массе своей придерживались более радикальных и левых взглядов, чем наши преподаватели, мы вставали на их защиту. Я уже говорил о той поддержке, которую мы оказали Л. И. Петражицкому. В организованном порядке студенческая общественность Петербургского университета выступила и на защиту талантливого историка, в то время приват-доцента, а впоследствии профессора и академика Евгения Викторовича Тарле. Он открыто выражал свое сочувствие рабочему движению, не раз ставил свою подпись под коллективными политическими петициями. Когда университетское начальство задумало избавиться от опасного преподавателя, мы вместе с Н. В. Крыленко решили организовать забастовку студентов, заявив, что откажемся посещать лекции, если Е. В. Тарле вынужден будет уйти из университета. Так как лекции Тарле пользовались огромной популярностью, то на его защиту выступили студенты не только нашего факультета, но и многих других. Начальству пришлось оставить Тарле в университете. Правда, звание профессора он получил в России уже после Февральской революции, став вначале, еще в 1913 году, профессором более либерального Юрьевского (ныне Тартуского) университета.

Своеобразной формой общественной жизни в университете были

студенческие сходки, на которых мы устраивали «чистки» или «суды» над реакционными профессорами. Помню, что в числе забаллотированных нами консервативных и политически отсталых профессоров оказались ректор Э. Д. Гримм[30] и наш декан Ф. А. Браун.

Таким образом, даже в обстановке все усиливавшегося политического террора и репрессий общественно-политическая жизнь студентов в Петербургском университете не прекращалась. Стоит добавить, что наши митинги и забастовки носили не только «местный» характер: на них по-прежнему поднимались жгучие вопросы политической борьбы. Мы гневно возмущались действиями военно-полевых судов, реакционным курсом правительства П. А. Столыпина.[31] Устраивались митинги по поводу открытия и работы II Государственной думы, где активно выступали с критикой царского правительства социал-демократы большевики.

Исключительно велика была в студенческой общественной жизни роль землячеств.[32] Через них Петербургский университет поддерживал самые тесные связи со всеми другими университетами страны. Наиболее активные иногородние студенты информировали своих коллег в родных городах решительно обо всех явлениях политической и местной университетской жизни. Благодаря этому любая наша забастовка, любой протест приобретали, можно сказать, всероссийскую огласку. Так формировалось студенческое общественное мнение всей страны по многим важным политическим и научным вопросам и достигалась координация публичных студенческих выступлений и действий. <...>

Хорошо запомнилось мне ощущение, что 1908 год был каким-то переломным и в нашей студенческой жизни. Сказывались усталость от двух лет бурной общественной жизни, известное разочарование тем, что революция потерпела поражение. Взоры молодых людей постепенно обратились в сторону наук. Многие ударились в религию, в мистику. Братья Игельстром, среди предков которых были настоящие революционеры,[33] вдруг вспомнили, что они дворяне и в их «династии» были даже графы. Если раньше Белый коридор университета был полон грязи, окурков и по нему расхаживали лохматые и длинноволосые студенты в мятых фуражках и расстегнутых куртках, то теперь полы вновь были натерты, волосы стали короче, да и все мы приняли более благообразный вид. Подавляющее большинство студентов, чье участие в революционном движении не было сознательным, отошло от дела революции.[34]

«Мы приехали сюда учиться, а не устраивать революции», — вот мотив, который я все чаще слышал с осени 1907 года.

Должен признаться, что и меня захватила общая тяга к учебе и науке, хотя я отнюдь не бросил своей общественной работы и с осуждением относился к ренегатствующим личностям. Весной 1908 года я с удовольствием стал посещать Пушкинский семинар приват-доцента Семена Афанасьевича Венгерова.[35] Личность Венгерова мне импонировала во многих отношениях. Видный историк литературы и биб-

лиограф, один из лучших знатоков книги, он поражал своей огромной трудоспособностью. Венгеров был редактором сочинений Шиллера, Байрона, Шекспира, много писал о творчестве русских писателей. Позднее, в 1911—1912 годах, Семен Афанасьевич выступил с двумя капитальными работами — «Героический характер русской литературы» и «В чем очарование русской литературы XIX века?», в которых систематизировал свои взгляды на историко-литературный процесс в России. В этих работах Венгеров стремился подчеркнуть глубокую идейность русской литературы, ее прогрессивную социальную направленность и гражданский пафос.

Венгеров был влюблен в литературу, превосходно знал ее, умел увлечь молодежь предметом своих многолетних научных исследований. Слабым местом его полезных по содержанию работ была методология. В литературоведении Семен Афанасьевич не пошел дальше культурно-исторического метода, защищал теорию единого потока, оставался чуждым марксистскому пониманию развития общественных, в том числе и литературных, явлений. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Венгеров учился на юридическом и историко-филологическом факультетах Петербургского университета в 70-е годы XIX века, когда о марксизме знали в России еще только понаслышке и в истории литературы господствовали метод и теория академика А. Н. Веселовского.[36]

Вообще по своему мировоззрению, как я убедился позже, С. А. Венгеров оставался человеком другой эпохи, чистейшим идеалистом, отрицавшим законы классовой борьбы и подходившим к изучению истории литературы с общеэстетических надклассовых позиций. В юности он сочувствовал «Народной воле» и потом долго оставался близок к народнической идеологии, но в годы первой русской революции Венгеров перешел на позиции буржуазного конституционализма. И в этом была его большая трагедия, которую я мог лично наблюдать. В 1917 году С. А. Венгеров поначалу не понял смысла и значения Великой Октябрьской социалистической революции, стал противником нового строя и, будучи директором Российской книжной палаты в Петрограде, оказался в числе саботажников.

Но это произошло девять лет спустя, а в 1908 году Семен Афанасьевич пользовался вполне заслуженным авторитетом как видный ученый и человек умеренно либеральных, но несомненно прогрессивных взглядов. Все помнили, что в 1899 году он был отстранен от преподавания и смог вернуться в Петербургский университет только после 1905 года. Это окружало имя С. А. Венгерова неким ореолом «борца с самодержавием», и, пожалуй, прежде всего поэтому я попросился в его семинар.

Помню первое наше занятие. На Разъезжей улице, в квартире Семена Афанасьевича, собралось несколько десятков человек, желавших заниматься в его семинаре. Место за столом занял дородный мужчина в черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы. Черная, с про-

седью борода, что называется лопатой, начиналась, казалось, у самых глаз. Над густым буйством бороды и усов — золотые очки, за ними — небольшие умные и проницательные глаза. Густая шевелюра с зачесами к затылку. Неспешная речь. Голос тонкий, прямо писклявый, идущий откуда-то снизу, словно из живота. Таким мне запомнился Семен Афанасьевич в эту первую встречу.

Только Венгеров начал вступительную беседу — явилась полиция. Пристав, держа фуражку и белые перчатки в руках, заявил, что пришел узнать, по какому поводу собрание. Несколько смущенно хозяин объяснил, что собрались его ученики, студенты историко-филологического факультета университета, для занятий по объявленному им курсу о творчестве Пушкина.

Пристав извинился и ушел, а Венгеров стал зачитывать список записавшихся:

— Господин Ауслендер, Сергей Абрамович.[37]

Я невольно спросил соседа: «Известный писатель?» — «Он самый», — был ответ. Как раз перед этим я прочитал сборник рассказов Ауслендера «Золотые яблоки» и пришел от них в восхищение. А теперь оказывается, что полюбившийся мне писатель занимается с нами, студентами, в одном семинаре. Я исподтишка разглядывал Ауслендера: красивый, стройный, с безукоризненным, как бы фарфоровым лицом, голова слегка откинута назад...

В семинаре Венгерова занимались тогда многие из тех, кто позднее, уже в 20-е и 30-е годы, стали известными литературоведами. Среди них привлекал внимание Борис Михайлович Эйхенбаум,[38] белокурый юноша, несколько рассеянный и застенчивый, в форменной черной тужурке с золотыми пуговицами. Не помню в точности, выступал ли Борис Михайлович уже в то время в печати. Я запомнил, однако, его выступления на семинарах и занятиях, всегда очень интересные и аргументированные. Было ясно, что это человек с широким кругозором, с большими и разносторонними научными интересами. Впоследствии Б. М. Эйхенбаум занял видное место в советском литературоведении, ему принадлежит, в частности, капитальное исследование о жизни и творчестве Л. Н. Толстого.[39] Членами кружка состояли библиограф и филолог Александр Григорьевич Фомин, один из видных исследователей творчества Ф. М. Достоевского Аркадий Семенович Долинин. Тут были и литературовед Владимир Владимирович Буш, и пушкинисты Альфред Людвигович Бем и Александр Сергеевич Поляков, и талантливый поэт и теоретик искусства Модест Людвигович Гофман. Занимались у Венгерова будущий выдающийся переводчик Данте и Шекспира — Михаил Леонидович Лозинский, известный затем театральный деятель и режиссер Владимир Николаевич Соловьев и многие другие.

Почти все, кого я назвал, независимо от своих дореволюционных воззрений внесли весьма значительный вклад в развитие советской культуры. Б. М. Эйхенбаум, который в 20-е годы с жаром защищал

формальный метод в литературоведении, в дальнейшем отказался от него и в капитальных работах 40-х и 50-х годов рассматривал литературные проблемы уже с марксистских позиций. В. В. Буш, А. С. Поляков, А. Г. Фомин, которых в 1917 году я агитировал в Российской книжной палате в пользу Советской власти, затем сделали много полезного для советской литературоведческой науки. В. В. Буш, например, был ученым секретарем Пушкинского дома и умер в 1934 году членом большевистской партии. Столь же заметную эволюцию взглядов пережили и другие участники Пушкинского семинара С. А. Венгерова, кроме Альфреда Бема и Модеста Гофмана, уехавших после Октябрьской революции за границу и там продолжавших свою литературную деятельность. Уехал на время за границу и бывший князь Д. П. Святополк-Мирский. Но, находясь в Англии, он вступил в Коммунистическую партию, а потом вернулся в Советский Союз, где проявил себя как талантливый литературный критик.[40]

Имена М. Л. Лозинского и В. Н. Соловьева пользовались большим уважением в нашей стране. Во многих театрах пьесы Шекспира ставились в переводах Лозинского, которые считались лучшими по точности и близости к оригиналу, а Соловьев — один из лучших знатоков истории французского театра и творчества Мольера. Он долгие годы был профессором Ленинградского театрального института. Его учениками были В. В. Меркурьев, Ю. В. Толубеев, А. И. Райкин и многие другие. В. Н. Соловьев осуществил ряд замечательных постановок на сценах Академического театра имени А. С. Пушкина и театра имени Ленинского комсомола. Среди них «Сирано де Бержерак» Ростана, «Тартюф» Мольера.

В том, что так много талантливой молодежи собралось в одном семинаре, была большая заслуга самого С. А. Венгерова. Вспомним и о том, что темой занятий было творчество Пушкина. На фоне общего увлечения символизмом и декадентством обращение к Пушкину — «солнцу русской поэзии» — говорило о здоровом направлении венгеровского семинара. Правда, с годами мне стало ясно, что Венгеров не открыл нам каких-то новых горизонтов в изучении творчества Пушкина. Он придерживался в основном уже известных тогда достижений пушкиноведения. К тому же свои сообщения Семен Афанасьевич делал по заранее заготовленной бумажке, и занятия проходили скучновато. Недостатком семинара было отсутствие методологического единства. В нем занимались и представители социологического направления, и отъявленные эстеты. Но и сам Семен Афанасьевич не мог установить нужного единства, ибо его собственные взгляды были эклектичны и строились на устаревших эстетических и социологических предпосылках. И все же я не ошибусь, если скажу, что именно благодаря венгеровскому семинару столько талантливых людей получили мощный творческий импульс, а затем закономерно обратились к изучению русской литературы.

С. Н. Валк

ВОСПОМИНАНИЕ УЧЕНИКА

Академик А. С. Лаппо-Данилевский. 1914 г.

Тот семинарий по дипломатике,[1] участником которого мне пришлось быть в течение нескольких лет, был окутан в университетской среде дымкой таинственной неизвестности. Что было предметом наших занятий, неясно представляли себе не только наши сотоварищи, но подчас также себя чувствовали почтенные сотоварищи покойного Александра Сергеевича. В разговоре с одним из участников семинария

Семинарий А. С. Лаппо-Данилевского. Сидит третий слева Б. А. Романов, стоит третий слева — С. Н. Валк

профессор-юрист удивленно спрашивал его (тоже юриста по университетскому образованию), каким же образом он дошел до занятий дипломатией, занятий внешней политикой. Студенческая молодежь боялась идти на семинарий, судя о работе в нем по общему малодоступному для нее лекционному чтению А. С. Другие, наши сверстники, войдя было в семинарий, но почему-либо отошедшие несколько от напряженного в нем труда, потом быстро оказывались в положении отставших и тоже лишь заинтересованных нашей работою чужаков.

И подлинно, то, что так случилось, что наш семинарий даже в первые годы своего существования стал пользоваться славой чего-то малодоступного, хотя доступ туда был всем открыт, это было не случайно, как не случайно было и то, что уже попавший туда новичок попадал здесь в искус и первый год пребывал в нашей среде одним прислушивающимся к суровому делу молчальником. Не случайно было это потому, что наша семинарская работа неизбежно должна была явиться творческою, созидательною. Дипломатика частных актов — область знания, почти неизвестная русской научно-исторической литературе, мало разработанная и в передовой западноевропейской. Беглые общие замечания, вроде тех, что у Giry или Meister'a, едва могли удовлетворить даже только приступавших к делу.

Первоначально казалось, что семинарий имел задачу узкую до крайности, казалось, <...> задачу чисто библиографическую. Соста-

вить каталог частных актов — что может быть яснее этого? Но вы прекрасно знаете, что для А. С. всякое суждение было связано с проблемою его оснований. И мы скоро перешли от нашей практико-библиографической работы к глубоким и сложным вопросам. Само понятие частного акта явилось одним — логически первым — из этих вопросов. И судите, как сложно и разносторонне стал перед нами этот вопрос, если А. С. перенес его на обсуждение особого совещания из своих коллег-юристов. Вслед за первым вопросом последовали другие. И это понятно, ибо каждый запрос текущей работы не мыслился иначе, как в своем принципиальном обосновании. Проблема элементов акта — того, что дипломатика знает под названием клаузулы — вот, что стало далее перед нами. От анализа мы переходили к синтезу, от проблемы актовой клаузулы к проблеме актового формуляра. В ходе практической работы постепенно вырисовывались перед нами общие предпосылки изучения актов вообще, за которыми должно было последовать и последовало изучение разновидностей частного акта. Так, естественно, с сознанием методологической принудительности, шаг за шагом, мы переходили от работы библиографической к работе дипломатико-юридической, как к ее предрешительнице.

Эти пройденные нами этапы, в полном смысле этого слова пережитые нами, любовно отразились в нашей семинарской среде. Наш состав был малоизменчив. Почти в одном и том же числе, в одних и тех же лицах, в течение нескольких лет мы регулярно по четвергам собирались в приемном кабинете А. С., и когда замечали, что за общей беседой проскользнули академические четверть часа, переходили в столовую. Здесь, за большим столовым столом, у каждого было свое, годами закрепленное место; оно сохранялось за ним и в отлучке, и, явившись снова, он находил около себя своих старых традиционных соседей. Так вот, в этой сроднившейся среде получил свое гражданство своеобразный парламентский жаргон. У нас была своя правая, свой центр, своя левая. Правая хотела библиографически и практически решать наши колебания и сомнения, левая неизменно стремилась к теоретическому их рассмотрению. Колеблющийся двуликий центр обращал свое лицо то вправо, то влево.

Однако, в этой индивидуально расчлененной дружной среде оказались не только тернистые пути наших дипломатических исканий. Здесь легко уловить и те методы работы А. С., которые одним знакомы по лекциям, другим — по печатным трудам А. С. Но вот несколько деталей для понимания того многообразного влияния, которое на нас оказывал А. С. и из которого каждый черпал то, что более соответствовало его личному духовному укладу. В течение любого семинарского вечера нам приходилось прочитывать не один акт. И случалось, что когда один из нас читал, А. С. обращался к его соседу с предложением следить по книге за правильностью чтения. Вот другой пример. Результат нашей библиографической работы заносился на листки, и непрестанно настаивал А. С. на том, чтобы формат листков оставался

тождественным, чтобы сокращения были однообразны, чтобы, одним словом, внешняя чистота работы определенно блюлась. То же и с распорядком работ. На обязанности секретаря семинария было вести протоколы наших собраний. Всякое принятое после обсуждения практическое решение заносилось, кроме того, еще в особую тетрадку, с которою часто, почти в каждый очередной четверг, приходилось справляться. И это внешнее дело явно у нас прогрессировало. Взглянув на всю совокупность наших каталожных листков, что была создана последовательно развивающейся работой, всякий даже малоопытный взгляд уловил бы здесь и ту пору работы, которую мы с радостным чувством превзошедших называли доисторическою эпохою, и время прогресса ее. Путь пройден был не малый, от наивного библиографического сознания к принципиально обоснованному. На место случайного состава записи становился другой, целеобусловленный. Теперь думается, вы поймете, быть может, что стало с работником того психического уклада, что более склонен к библиографическому типу работы. Он чувствовал себя приподнятым и окрепшим, лишь только эти элементы наших занятий стали приобретать твердые очертания, он увидел здесь факты подлинно научной работы и, увидев это, перестал тяготеть к другим проблемам, вновь и вновь волновавшим семинарий. Вот научно-психологический момент, создававший в процессе непрерывного и систематического труда нашу правую и питавший ее.

Другие вслед за А. С. шли, конечно, дальше. Но и здесь опять на путях семинарских исканий часть отстала, создав в нашей среде новую дифференциацию. Именно частный акт давно уже вошел в научно-литературный оборот. Не только в трудах по истории гражданских отношений русского общества, но и при изучении социальных отношений в древней Руси нельзя уже было пройти мимо актового материала с частно-правовым содержанием. И в любом подобном исследовании, хотя бы по истории крестьянства, вы найдете пользование этим родом источников. Пожалуй, что это в последние годы стало привычным. Но А. С. ведь и не остановился на этом. Ибо сам акт был подвергнут критическому изучению, тому, что и принято называть дипломатическим изучением акта. Чем дальше углублялась наша общая работа, тем понятнее нам становились цели А. С. — это упорное привлечение нас к занятиям дипломатикой. Постепенно изучение акта перестало для нас быть единственно средством для более умелого прикладного его использования, он начинал жить в нашем сознании особою своею индивидуальной жизнью. Состав акта, его формуляр, оказывался то устойчивым, то колеблющимся; то статическим, то эволюционирующим; с технической точки зрения — то богато представленным, то поразительно скудным. Установить факторы создания именно такого, а не другого характера данной группы актов, дать живую историю акта — это была цель, новая для русской науки, и не сразу усвоенная всеми нами. Но если для части из нас дипломатика

приобретала такое независимое значение области самостоятельных проблем, то из остальных одни продолжали тяготеть к исходным точкам — к собственно историческому исследованию со стремлением лишь служебно понять роль акта (они и стали нашим центром), другие же поняли дипломатику своеобразно, независимо от истории собственно, желая прежде всего и едва ли не только всего клаузуального анализа[2] акта (наша же правая).

Не случайно здесь так детально охарактеризована наша внутрисеминарская жизнь. Ряд таких крупных расхождений, будь он в другой среде, обозначал бы раскол группы, обозначал бы, что при такой разнородности индивидуальных характеров сотрудников и их рабочих наклонностей нет той почвы, что могла бы их объединить. А между тем мы все время чувствовали себя крепко сплоченными, и сказанные раз А. С. слова духовной Симеона,[3] князя московского, о непрерывности труда: «свеча бы не угасла», они глубоко врезались в коллективном нашем сознании. В нашей среде не раз поднимался этот вопрос, и над тем, что именно так тесно сплачивало нас, мы одно время — оно совпало приблизительно с научным юбилеем А. С. — много задумывались и толковали. Были моменты, когда казалось, что в будущем нам суждено распасться, но все яснее становилось, что научно мы несомненно представляем что-то единое. И было тогда произнесено то слово, что внешне, слишком внешне характеризует единство учеников вокруг творческой идеи подлинного учителя, мы заговорили о «школе», стали осознавать ее начала...

Когда мы собирались у А. С. в обычный четверговый час, мы не так собирались, как приходят студенты в привычный университетский семинарий. Да, за последние пять-шесть лет почти весь семинарий, по крайней мере, его подавляющее большинство уже распрощалось с своею alma mater. На четверге можно было увидеть и того, кто, кончив университет, по тем или иным причинам, бывало, временно отходил и при первой возможности, жизненно возмужав, вновь возвращался; можно было увидеть и того, под чьим руководством начинало уже учиться следующее университетское поколение. И на четвергах у А. С. традиционно царила атмосфера какой-то тишины, какой-то духовной приподнятости. В сознании отзывалось, что здесь мы не просто разбираем спорность одного или правильность другого утверждения, но что в нашем деле есть что-то высшее, что-то сверх повседневной привычной работы. Словно мы переступали из мира эмпирической действительности и переходили в пределы абсолюта. Характерен поэтому был сам тон наших занятий в тот момент, когда мнения расходились, обострялись, когда должен был вспыхнуть, казалось бы, от волнения бросаемых искр крупный пожар — и этого не происходило и тогда произойти не могло. Было то, что нас сдерживало, какое-то отчетливое целомудренное чувство. Иногда весь душевный задор разрешался дружески обращенною к противнику улыбкою. Думается, что эта исключительная атмосфера, где знание

и наука поднимались на надлежащие свои абсолютные места, она была первым из сплачивавших нас элементов.

Но если попытаться глубже и проникновеннее осознать этот дух нашего единства, отражавший самое личность А. С., в нем почувствуются явно нравственные чувства, этический императив. То, что мы делали, не было для нас «отвлеченным началом», оно проникало в душу, как из живого родника целостного мироощущения. Чувство долга владело нами в занятиях, не только в их научной сущности, но и в их житейском существе. Тот редкий, кто манкировал ими, либо не выполнял принятого на себя труда, возбуждал в отношении к себе отрицательные чувства, о нем не могли говорить иначе, как с раздражением, и понятно: он нарушал то высшее, что для нас было. И в то же время возвращение всякого временно отошедшего воспринималось, как внутреннее торжество. Весь семинарский труд для нас был постепенным осуществлением требуемой нашим самосознанием цели.

Быть может, многим дается это чувство в минуты исключительного подъема, — нас в нем воспитывал четверг, тем клал на всех неизгладимую печать личности А. С. и тем же самым создавал ту подоснову нашей психики, что залегши в нас, более, чем что-либо, нас объединила. В связи с осознанием этого чувства можно понять одну сразу обращающую на себя внимание особенность нашей работы. Тот сборник,[4] который был поднесен А. С., как посильная дань благодарных учеников в ознаменование его научного юбилея,[5] заключал в себе статьи почти что студенческие. А вместе с тем, взглянув на научный аппарат работ, на их подстрочные ссылки, нельзя не сказать, что ряд примечаний оказался неожиданным не только для среднего современного ученого, но даже для знатока печатного актового материала. Это — ведь черта, ставшая достоянием молвы, когда речь заходила о трудах самого А. С. Они затягивались. Капитальнейший труд А. С. по истории идей, о котором, как пришлось слышать от покойного В. И. Семевского, говорили уже в конце 90-х годов, так и остался посмертным трудом. Издание грамот Коллегии экономии[6] — другой общеизвестный пример этой длительной, быть может тягостной, но требуемой внутренним чувством затяжки. Прежде чем появиться в печати, лист мог выдержать и 10 и 12 корректур, да и последняя корректура могла залежаться, потому что А. С. понадобилась московская справка. Да, эта черта научной практики нас заражала. Нам бывало стыдно, если кто-либо позволял себе строить свои заключения, не привлекая всего возможного материала, удовлетворяясь тем, пусть даже многим, что без труда доступно. И сам докладчик в тех случаях чувствовал себя виноватым, и А. С. не мог сдержать своего неудовольствия. Так вспоминается один доклад незабвенного А. В. Тищенки,[7] которого А. С. не допустил к обсуждению, так как не был использован надлежащий материал. Это блюдение материала, кирпичей нашего рабочего здания, просветляло нашу душу. Проработ-

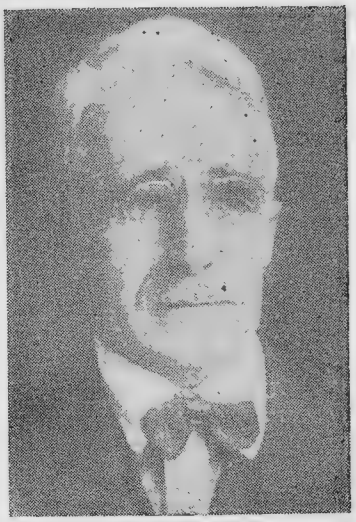
тав тему, представив ее на суд А. С., мы творили в себе психологию научной уверенности, твердой научной устойчивости.

Сама наука представала в новом для нас свете. Те, кто слушал лекции А. С., помнят характерное для А. С. выражение, которым часто А. С. начинал новое предложение: «с такой именно точки зрения». И вот эти-то «точки зрения», это выяснение, прежде всего, того, почему я так могу думать и говорить, и только потом переход к конкретному думанию и говорению о данном предмете, оно клало на нас особый отпечаток, общий всем нам. Для всех нас этот новый подход к науке должен был сопровождаться кризисом мысли. Мы переживали чувство духовного перелома, не только одного лишь интеллектуального, в сфере исключительно лишь мышления. Концы становились для нас началами, начала — концами. Думается, что пережить это пришлось всем нам, кроме тех разве, что были на четвергах случайными гастролерами. Вновь постепенно приобретаемый навык становился уже непроизвольным, инстинктивным движением мысли. И не только в узкой сфере научной методологии: вся психика перерождалась. Нами уже не владели конкретные факты, почему-либо сами по себе притягивавшие нас. Позади мира фактической множественности настоятельно всякий раз вставали проблемы его предпосылок, тех непоколебимых предпосылок, что наше сознание несет в эмпирический мир, и которые одни только и дают возможность его опознать. Наука вырастала в нашей душе. Все, что мы ни делали, пусть этим была элементарная запись на библиографической карточке, и та должна была предварительно быть пережита нами, как нечто научно-творческое. Характерным с этой точки зрения был в семинарии порядок обсуждения докладов. Тотчас после прочтения доклада, А. С. обычно брал слово себе, и всегда для одной и той же темы — не для того, чтобы делать замечания по существу доклада, что делалось А. С. лишь после обсуждения, в его заключительном резюме. Его первые замечания были исключительно методологическими: способы использования материала, архитектоника доклада и т. д. Кто слышал А. С. на университетских диспутах, тот мог уловить в его возражениях те же самые, что только упомянуты, черты.

Быть может, из всех этих беглых, еще слишком волнующих воспоминаний, вы сумеете уловить психологию нашего научно-нравственного подъема.

Если до сих пор я все говорил о нашем единстве, то теперь хочу указать на одну характернейшую для учительских приемов А. С. черту. В обычном семинарском собрании, после вступительных к прениям замечаний А. С., о которых только что упоминалось, наступал обмен мнений. И пока говорил один, другой, третий, А. С. чаще всего не произносил ни слова по существу. Даже более: когда возгорался спор, был предел, до которого А. С. не тушил его, оставаясь все время единственно в положении постороннего зрителя. И лишь когда стороны заходили в тупик, когда становилось ясно, что ни у одной

нет решающих аргументов, лишь тогда вмешивался А. С., то указывая на слабость обеих защищаемых позиций, то критически оценивая сравнительную крепость одной из них. Но именно в этих замечаниях, от которых так и веяло методическою осторожностью, подчас граничащею со скепсисом, понятным становилось молчание А. С. Это было глубокое уважение к молодой нашей мысли, стремление дать ей развернуть свою затаенную сущность, не раз неясную в неполноте своей лишь мужающему уму ее обладателя. Быть может, многие замечали тот пристальный взгляд, с которым А. С. следил за говорившими. А. С. переживал, это ясно было, пути и муки нашей мысли. Вероятно, это свойство давало А. С. такую удивительную чуткость в отношении к нашей индивидуальности, такое исключительное стремление А. С. подойти к нашим личным запросам и никогда — поставить нас в услужение своих собственных. Кто приходил к А. С. за выбором темы, будь то для студенческого зачетного сочинения, будь то для монографической работы, всегда находил одно и то же: А. С. обсуждал прежде всего интересы своего собеседника и, из них исходя, предлагал ту или другую тему. Так и могло создаваться то, что среди предлагаемых А. С. тем оказывалась и тема по истории хозяйственного быта, и тема по истории идей, и по истории Новгорода, и по Московскому государству, и по эпохе Империи, и по XVI в., и по XIX в. Чуткость к нашей индивидуальности, признание ее ценности, ее права самостоятельно и по своему решать мучащие ее вопросы ярко сказывались и тогда, когда дело шло о вопросах практики, жизни. Когда в 1911 году вспыхнула памятная, последняя крупная студенческая забастовка,[8] от имени семинария часть членов его отправилась к А. С. с просьбою не являться на обычные, теперь пустующие семинарские занятия, мотивируя тем, что мы считаем себя не вправе их посещать, с просьбою и о том, чтобы А. С. вел с нами на дому занятия, но на другую тему, которые нельзя было бы считать продолжением начатого семестра. А. С. только заявил нам, что раз мы для себя морально полагаем невозможными эти занятия, то он, конечно, их вести не будет. Именно это решение было шагом к преобразованию семинария в тот «дипломатический» кружок, с которым связаны все сегодняшние воспоминания.



Профессор Б. А. Романов

На лице А. С. не часто видали улыбку, когда он или председательствовал или руководил занятиями; но она именно в такие моменты бывала значащею. Это случалось, когда А. С. приостанавливал

увлекшегося в своих суждениях семинариста или вмешивался в возникший спор. Улыбкою А. С. ловил ошибку и оплошность своего ученика, но именно она делала мягкими и нежными замечания А. С. В такие минуты у участников работ непроизвольно рождались и радостное чувство, и вчувствование с ошибавшимся, и товарищеская к нему любовность. Думается, что и для самого А. С. эта улыбка имела большое значение. Она позволяла А. С. еще с большею, чем обычно осторожностью подойти к настроению чужой мысли и души, подойти чутко, по возможности чутко.

И еще. Вспоминается тот семинарий 1909/10 года по дипломатике актов, касающихся прикрепления крестьян, в котором некоторые из нас и начали свою научную подготовку. Он, как первый, особенно четко запечатлелся в памяти. Согласно с общим распорядком, по окончании обсуждения доклада силами участников семинария, заключительное слово брал А. С. Это не была ни простая заключительная сводка сказанного, ни ряд общих замечаний о теме. То и было особенностью этого семинария, такого единственного в университете, что А. С. всегда приносил с собою все свои листки, относящиеся к теме данного доклада, и раскрывал перед нами все средства собственной своей работы. В том же году начал читать в университете лекции один пожилой ученый, и когда молодая группа его слушателей обратилась к нему с просьбою вести семинарий — у него вырвалось много горьких истин относительно семинарского руководительства. Нас взволновали его слова, мы долго судили о них, и один из тех, кто не считает себя учеником А. С., со всею свойственною ему исключительною искренностью заявил, что только у А. С. занятия таковы, что им нельзя бросить подобных упреков. И действительно, кто слышал эти семинарские резюме, тот знает, каким духом ученого равенства в отношении к нам они были проникнуты: ни в них, ни в отдельных замечаниях А. С. не слышно было даже малейших нот авторитета, словно не юношами и учениками мы там сидели, а столь же, как и А. С., сумевшими приобщиться к знанию. И незрелая наша мысль, научно лишь дебютировавшая, тем самым быстро шла к осознанию своих индивидуальных прав.

Нам приходилось вступать в общение с А. С. не только в четверги, но и в пятницы — в обычный приемный вечер А. С. Общее мнение говорит о личной малодоступности А. С. Действительно, можно было бы подыскать немало иллюстраций к этому положению. Бывая у А. С. по пятницам, легко было подметить в беседе, что в значительной мере она носила пассивный для А. С. характер. Темы беседы возбуждал не А. С., а большею частью это было задачею его собеседника, да и беседой эти разговоры можно назвать лишь в очень условном смысле. Посетители не очень засиживались: типичным для пятницы был не общий, а индивидуальный разговор с А. С. Была предпоследня пятница декабря 1918 г., когда А. С. еще принимал у себя. К нему зашел приехавший в Петербург на несколько

дней один из его учеников. Можно было удивляться: разговор шел об общеполитической конъюнктуре прежде всего; чувствовался холодок отношений хороших, но далеких знакомых. Кабинет, казалось гармонично с этим сочетался; большой, со строгим порядком сплошь переплетенных книг на невысоких полках, обычно мало освещенный, он был мало уютен. К тому же А. С. сидел почти всегда в кресле в полутьме глубины кабинета, а собеседник довольно далеко от него на диване.

Могло показаться, что эта малодоступность А. С. была и в отношении к тем, которые долгие годы провели в его семинарии. Когда надо было переговорить с А. С. без слушателей, не сразу решались просить позволения придти в пятницу четвертью часа ранее и тоже не засиживались. Когда А. С. писал рекомендательное письмо, здесь веяло большою осторожностью. Но многое изменилось в последние годы. Счастливое сознание удачной семьи царило в небольшом семинарском кружке. Тот, что был моложе всех — его в семинарии звали «Мишей», был старейший «Нестор», третий — обладатель неизменной трубки — так и был для нас «трубкою». Раз невольно у самого А. С. вырвалась эта, постоянно нас смешившая, на сей раз отсутствовавшая «трубка», и, пусть А. С. сам смутился несколько за свои слова, но их сопровождала улыбка той сдержанной любви к нам, которой не воспринять было постороннему человеку. И связывавшие нас узы все росли. Один, ставший едва ли не самым близким из учеников А. С., любил в товарищеской беседе называть А. С. «нашим Сергеевичем». Если в давние времена нам было трудновато оставаться наедине с А. С., то теперь нам хотелось только так видеться. Последние отъезды, все более разрежавшие нашу семью и лишавшие каждого из нас нужной в такие дни дружеской поддержки, вызывали и жалобы, и одну реплику: ходите чаще к А. С. Темы пятничных бесед, если им только не мешал нежданный и нежеланный для нас чужак, становились интимными, близкими. А. С. говорил о своих работах, строил свои предположения, мелькали замечания о личной судьбе А. С. Мы вместе сговаривались, бывало, приходить к А. С. пораньше, но беседе такой суждено было прерваться благодаря новому посетителю. И опять внешность становилась господствующей. Лишь при прощании, когда А. С. несколько удерживал нас, когда он провожал нас к дверям, опять оживала нить взаимной близости, вспыхивала радость общения.

Да, А. С. казался сдержаннее, холоднее отчасти и оттого, что не легко отыскивались и у него нужные иногда слова. Вспоминается наш праздничный четверг, юбилейный майский четверг 1915 года, когда все слова были заменены рукопожатиями и поцелуями.

НАШ УНИВЕРСИТЕТ

Мои детские и юношеские годы прошли в старинном польском городе Люблине. Это был промышленный, политический и культурный центр тогдашней Польши, входившей в состав России. Жили мы более чем скромно, имели свой небольшой домик, любили книги и цветы. Отец мой, Иван Семенович Петриковский — учитель гимназии, человеком был высокообразованным, культурным, по характеру мягким, добрым и очень честным. Пользовался большим доверием и авторитетом местного трудового населения и особенно интеллигенции. У отца были свои твердые демократические, антицаристские, республиканские настроения. В этих правилах он воспитывал и нас, своих сыновей — Евгения (старший брат) и меня, Сергея.

В 1903 году, когда мне было девять лет, меня отдали учиться в Люблинскую мужскую гимназию. Учился легко и успешно, много внимания моему образованию уделяли отец, мать, старший брат Евгений,[1] учившийся тогда на юридическом факультете Петербургского университета, приобщил меня — гимназиста-старшеклассника[2] к чтению трудов Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, позднее — к знакомству с марксистской литературой. Особенно запомнились мне приезды брата в Люблин на рождественские праздники и летние каникулы. Он привозил с собой нелегальную литературу, сборники запрещенных стихов, студенческие песни. И массу новостей из жизни Петербургского университета, его бурлящего студенчества, революционного подполья. Уже тогда, беря пример со старшего брата и его друзей, я заразился «духом» вольномыслия и свободы.

Огромное влияние на меня в революционном, политическом, культурном и психологическом плане оказал Николай Васильевич Крыленко,[3] за что я ему всегда был безмерно благодарен. Блестящий выпускник Петербургского университета, закончивший в нем историко-филологический и юридический факультеты, он был уже тогда стойким, марксистски высокообразованным большевиком-ленинцем. В нашей мужской гимназии Крыленко преподавал русскую литературу, отечественную и всеобщую историю.

Разбирая творчество того или иного российского писателя или поэта, а ему особенно удавались уроки по произведениям А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, он заставлял нас вдумываться в свободолюбивые мотивы тех или иных строк прозы или стихов. Или разбирая исторические события той или иной эпохи и, особенно, революций,

Николай Васильевич неизменно подводил нас к мысли, что движущей силой человеческой цивилизации являются народные массы. И если ты — гимназист — будущий интеллигент хочешь стать гражданином, а не чиновником-бюрократом и лихоимцем, то всегда должен помнить о беспросветной нужде, забитости и неграмотности своего трудового народа, о его огромной жажде свободы и знаний.

Однажды Крыленко давал нам урок по истории великой французской революции конца XVIII века. На уроке чинно и важно сидел сам попечитель учебного округа. Мы были свидетелями, когда уроки Николая Васильевича частенько посещались всякого рода местным начальством. Урок был захватывающим, особо когда давались яркие характеристики Дантону, Марату, Робеспьеру, якобинцам. Но когда учитель во всеуслышание заявил, что французский народ на законном основании «своего верховного права» потребовал обезглавить короля Людовика XVI и его супругу, Марию Антуанетту, чтобы тем самым окончательно покончить с ненавистной тиранией, тут неожиданно взвился попечитель. Он закричал на весь класс:

— Господин Крыленко, чему Вы учите гимназистов? Вы — сами якобинец! Ведь это, что вы говорите, преступная крамола, Я... я отстраняю Вас от уроков...

И он побежал к дверям, смешно размахивая руками, то поправляя пенсне на своем носу, то вытирая платком пот со лба. Мы все замерли. Крыленко слегка побледнел, но с достоинством ответил вслед господину попечителю.

— Вы можете меня отстранить от уроков и даже сообщить в жандармерию. Это Ваше право. Но Вы, я и все мы бессильны изменить правду истории, правду фактов французской революции. Это было великое право народа Франции казнить своего тирана-короля. Это не мои выдумки. Так меня, в частности, учили в императорском Петербургском университете. Спросите, кто?! Мой учитель, приват-доцент истории Евгений Викторович Тарле...

Попечитель с огромным удивлением на лице на мгновение замер в дверях, что-то буркнул: «Я сообщу обо всем по инстанции», — и скрылся за углом.

Мы в восторге зааплодировали своему любимому учителю. Помню, что после этого случая Крыленко был лишен права на некоторое время вести у нас занятия по истории.

Николай Васильевич Крыленко пользовался непререкаемым авторитетом среди передовой молодежи Люблина. К его мнению мы — гимназисты внимательно прислушивались, старались чем-то быть похожими на нашего старшего товарища. Он создал в городе несколько марксистских кружков, направлял их деятельность через своих помощников, наиболее проверенных и революционно настроенных гимназистов. Два года и мне пришлось проводить занятия поочередно в двух кружках: в одном объединялась передовая учащаяся молодежь, во втором — люблинские рабочие, ремесленники, несколько сол-

Студент С. И. Петриковский

дат. Эти занятия заставили меня серьезно и глубоко изучать теорию и практику марксизма. Много мне в этом помогал Николай Васильевич, особенно в изучении трудов Владимира Ильича Ленина. Их-то он знал прекрасно. Тогда же он наладил пересылку из Петербурга в Люблин нелегальной литературы, в которой испытывали изрядную нехватку.

В октябре 1911 года я вступил в социал-демократическую организацию — в ряды партии большевиков. Сделал это по зову своей совести и по рекомендации Крыленко. Для меня это была великая честь: свою жизнь навсегда связал с делом рабочего класса, революции, с делом Ленина.

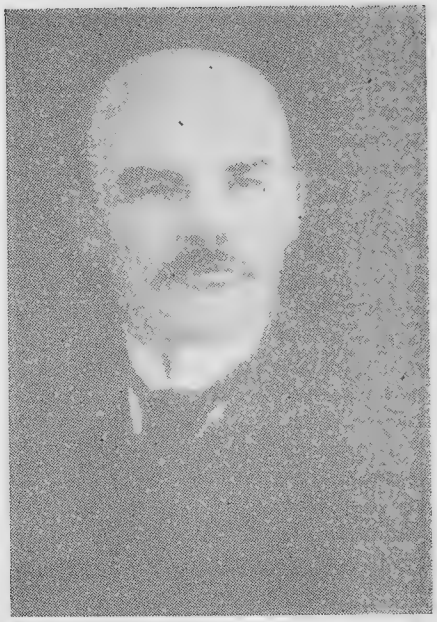
В июле 1913 года я закончил Люблинскую гимназию. Через одну-две недели послал прошение[4] на имя ректора с просьбой о зачислении меня на физико-математический факультет Петербургского университета. Идею поступления сюда мне подавали многие — отец, старший брат, но особенно настаивал Николай Васильевич. Как и мой старший брат Евгений, Крыленко немало мне рассказывал о научных, культурных и революционных традициях университета, где училась замечательная плеяда русских революционеров и среди них Николай Чернышевский, Александр и Владимир Ульяновы.

<...> В Петербург я приехал в конце августа 1913 года. Первые дни, пока не было занятий, бродил по проспектам, бульварам и улицам города, наслаждался неповторимой красотой дворцовых ансамблей, набережными прекрасной Невы, стрелкой Васильевского острова, сокровищами музеев. В поисках знакомых и дальних родственников раза два на трамвае и конке ездил в рабочие районы и был поражен полярными контрастами центра столицы и ее пролетарских окраин с пыльными и грязными улицами и улочками, перенаселенными деревянными покосившимися бараками и возле них стайками полуголодных детишек. После полупровинциального Люблина Петербург поразил меня своими огромными размерами, шумом разноликой толпы и криками извозчиков-лихачей, концентрацией дворцов и крупных заводов и фабрик.

Занятия в университете начались с 1 сентября. Первые две-три недели я был наидисциплинированнейшим студентом. Аккуратно посещал все лекции, семинары, консультации, увлекся высшей математикой, физикой. Все шло для меня в рамках обычной университетской жизни, пока в конце сентября в Петербурге не появился Н. В. Крыленко. Уже позднее я узнал, что он приехал сюда по личной просьбе В. И. Ленина для работы в Русском бюро ЦК РСДРП

и оказания организационно-политической помощи большевистской фракции в IV Государственной думе.

С этих пор я стал как бы тенью Крыленко. По его просьбе мы виделись с ним каждую неделю по два-три раза то ли в редакции газеты «Правда», то ли в столовой Петербургского университета, то ли на «галерке» Таврического дворца, где чаще всего сидела рабочая и студенческая публика во время заседаний Государственной думы. Во время наших свиданий приходилось соблюдать максимальную конспирацию, ибо Николай Васильевич входил в Петербургский большевистский центр и в любой момент мог попасть под полицейскую слежку и быть арестованным.



В. И. Ленин

Николай Васильевич быстро ввел меня в курс дела, и я начал работать в партийном подпольном аппарате Русского бюро ЦК и редакции газеты «Правда». Тогда же мне поручили вести марксистский кружок среди передовых рабочих Трубочного завода, а в начале 1914 года я перешел в кружок на Балтийский судостроительный завод. В тесном общении с пролетариями-василеостровцами близко познакомился с их бытом и вечной нуждою, мыслями и чаяниями о лучшей свободной жизни. Это был прекрасный и поучительный период моей жизни: я — молодой большевик-студент в реальности увидел и почувствовал какая огромная революционная сила таится в рабочих массах и как важно этой силой правильно овладеть, направить ее в организованное русло борьбы против царизма и капиталистической эксплуатации.

В конце октября 1913 года Крыленко познакомил меня в редакции «Правды» с Алексеем Егоровичем Бадаевым.[5] Это был человек среднего роста, широкоплечий, сильный, с красиво посаженной головой и умными проницательными глазами. Депутат-большевик от питерских рабочих в Государственной думе, партийный работник, наделенный особым доверием и поручениями В. И. Ленина в России. После короткого разговора мы поняли друг друга и, кажется, понравились друг другу.

По предложению Николая Васильевича я стал как бы референтом и техническим секретарем Бадаева, руководящего работника

Н. В. Крыленко

Большевистского центра в Петербурге. Он был членом Бюро ЦК и ПК РСДРП, членом редакции и официальным издателем «Правды». Теперь я должен был почти каждый день или через день бывать в редакции «Правды», в Таврическом дворце или на квартире Алексея Егоровича (она находилась недалеко от дворца) в зависимости от того, где в данный день был, работал или выступал Бадаев.

Меня сразу стало не хватать на занятия в университете. Лекции слушал урывками, к занятиям готовился по ночам, решать задачи по высшей математике и физике, читать учебники приспособился в трамвае, конке и даже на улице. Жизнь была полнокровная, интересная, неповторимая и рискованная. К вечеру чаще всего я еле доплетался до своей скромной комнатки и постели в огромном многоквартирном доходном доме, на одной из линий Васильевского острова. Большевистское подполье забирало почти все мои силы и нервы, но я знал, что работаю на Ленина, партию, рабочий класс, на дело победы революции. Меня это окрыляло, удваивало и даже утраивало мои силы, силы моих друзей — большевиков по университету, Горному институту, Бестужевским курсам.

В круг обязанностей секретаря и референта А. Е. Бадаева входили <...> подготовка и сбор материалов, документов и цифр и составление на их основе черновых текстов речей Бадаева в Думе, его выступлений на рабочих митингах и собраниях. Предварительный прием и записи бесед с рабочими-избирателями, составление на этой информации коротких заметок в «Правду», чаще всего без подписей. Разбор многочисленной почты депутата-большевика Бадаева, а то и Г. И. Петровского[6] и подготовка письменных ответов на них. <...> Связи с Русским бюро ЦК, редакцией «Правды», думской фракцией большевиков, фабрично-заводскими ячейками, университетской ячейкой большевиков. Нередко расшифровывал письма В. И. Ленина, Н. К. Крупской, ЦК партии, адресованные А. Е. Бадаеву, Г. И. Петровскому, в «Правду», шифровал и обратные ответы.

Иногда мне приходилось выступать в роли телохранителя А. Е. Бадаева, особенно во время его частых поездок на предприятия, в профессиональные союзы и рабочие клубы, в рабочие пригороды. Я знал, что Алексей Егорович был под пристальной слежкой жандармерии и полиции (в этих случаях его депутатская неприкосновенность была пустым звуком, а черносотенная печать не раз требовала физической

расправы над посланцем петербургских пролетариев в Думе). Одна из статей в бульварной газетенке «Русское знамя» так и называлась «Бадаева на виселицу».[7]

Для лучшего обеспечения деятельности и безопасности Бадаева я в одном из киосков на Невском приобрел подробнейшую карту города и изучил ее. Кроме того, в районах Выборгской и Петроградской стороны, Нарвской и Московской застав, Васильевского острова изучил систему многих проходных дворов, переулков, улиц. Нередко мы с Бадаевым (чаще всего я ходил в трех — пяти метрах сзади него или сбоку) успешно избегали слежки или преследования шпиков. Как-то Алексей Егорович поблагодарил меня:

— Молодец, Сергей, удачно мы ушли от «Вертлявого». (Так Бадаев прозвал одного из наиболее нахальных и упорных шпиков, преследовавших его в течение недели). Ты, можно сказать, стал подлинным мастером конспирации...

Разумеется мне было очень приятно слышать эту высокую оценку моей скромной работы от пролетарского вожака.

Чаще всего Бадаев работал в помещении редакции газеты «Правда», помещавшейся тогда по Ивановской улице, в доме 14, недалеко от Николаевского вокзала.[8] Здесь он просматривал и правил статьи, заметки, письма в газету, встречался с партийными работниками, рабочими, работницами, студентами. Довольно часто здесь бывал и я, помогая в работе Бадаеву, Петровскому и Крыленко. Приходить сюда было легко и интересно, ибо в редакции «Правды», как, очевидно, нигде, наиболее сильно ощущалось биение огромного пульса революционного движения всего Петербурга, всей России. По дороге в редакцию или обратно можно было встретить небольшие группы рабочих и молодежи, активно обсуждавших тот или иной материал из «Правды», или одиночного рабочего, прислонившегося к стене дома или забору и читавшего газету. Не раз был свидетелем и того, как полицейские наряды или разъезды конных казаков разгоняли группы рабочих, приходивших на Ивановскую 14 за своей газетой, чтобы доставить ее на заводы и фабрики. Раза два и мне доставалось от казачьей нагайки и полицейского кулака. Правда, передовые рабочие и мы — студенты не давали разгуляться полицейскому или казачьему мордобою, сами вступали с ними в потасовки, пуская в ход булыжник, поленья дров, металлолом.

Из своих встреч и коротких бесед в «Правде» вспоминаю: энергичного Николая Ильича Подвойского,[9] пытливого Михаила Ивановича Калинина, боевых вожаков питерских рабочих Алексея Семеновича Киселева[10] и Василия Владимировича Шмидта,[11] многоопытного печатника Авеля Сапроновича Енукидзе,[12] талантливого публициста и литературного критика Арташеса Баласиевича Кариняна (Габриеляна),[13] которого хорошо знал мой брат Е. И. Петриковский.

Революционная школа газеты «Правда», систематическое чтение и изучение в ней ленинских статей, рабочих материалов оказало на

меня огромное благотворное влияние в становлении меня как большевика-революционера.

В декабре 1913 года произошла беда. Как ни старался Николай Васильевич Крыленко уйти от полицейской слежки и как мы ни старались обеспечить его безопасность, — все же он попал в поле зрения жандармерии. По всей видимости, свою гнусную роль в этом деле сыграл, разоблаченный впоследствии как провокатор, Роман Малиновский, входивший в думскую фракцию большевиков от Московской губернии. Крыленко был арестован.[14]

Через одну-две недели арест Крыленко <ослабил связи> Русского бюро ЦК, редакции «Правды» и думской фракции с В. И. Лениным, который в то время находился либо в Кракове, либо в Поронино. Дело в том, что Николай Васильевич фактически держал в своих руках основные связи между Петербургом и Краковом-Поронино, которые шли через Люблин.

Месяца через два положение усугубилось и арестом Елены Федоровны Розмирович. Она была ответственным работником Русского бюро ЦК, помогала в работе думской фракции большевиков, входила в редакцию женского большевистского журнала «Работница» и являлась видной деятельницей женского рабочего движения в России. Жена и друг Н. В. Крыленко, она также координировала связь между Краковым-Поронино и Петербургом. Это была умная, красивая, очень добрая женщина, и, когда я появлялся в гостях у Николая Васильевича в их маленькой комнатке, заваленной книгами, на Гулярной улице, Елена Федоровна всегда стремилась меня чем-нибудь накормить и напоить вкусным чаем. <...>

Как-то в феврале 1914 года я навестил в Доме предварительного заключения Крыленко, принес ему множество приветов от наших товарищей и скромные гостинцы. В короткой беседе Николай Васильевич намеками (разговаривали через железную решетку, в присутствии жандармского унтера) предложил мне немедленно выехать к Ленину в Краков с целью восстановления прерванных связей.

Через день-два в редакции «Правды» меня подробно проинструктировали о целях поездки Бадаев и Петровский, сообщили адрес Владимира Ильича в Кракове, пароль для связи. Мне были даны специальное письмо для Ленина, материалы о работе Русского бюро ЦК и думской фракции, перечень статей, намеченных к публикации в «Правде», новые адреса для явок и переписки.

Я понимал, что задание было чрезвычайно ответственным. Заранее все продумал и начал действовать: запасся медицинской справкой о болезни для университетского начальства, свою студенческую тужурку и фуражку сменил на дешевую костюмную пару и смазные сапоги под петербургского приказчика. Все же партийные материалы были сброшюрованы в страницы... любовного романчика.

В первых числах марта (точного дня не помню) с Варшавского вокзала я выехал из Петербурга на Люблин через Варшаву курьер-

ским поездом. Предварительно часа два «крутил» по улицам и переулкам в районе вокзала, чтобы сбить со следа возможную слежку шпиков. Только под третий удар вокзального колокола впрыгнул в свой вагон. Все обошлось благополучно: «хвоста» за собой не почувствовал, залез на верхнюю полку и почти беспробудно проспал двое суток. Сказались нервные перегрузки, усталость от беспрерывной работы в подполье и занятий в университете.

... Наконец за окном вагона замелькали дальние пригороды Люблина — родного и близкого мне города. Поезд начал заметно сбавлять скорость и на одном из поворотов я спрыгнул из вагона на железнодорожную насыпь. Как меня ни тянуло в родной дом повидать близких, по инструкции Бадаева и Петровского я не имел права заезжать прямо в Люблин, так как наш дом мог быть под жандармской слежкой. Позднее я узнал, что оно в действительности так и было.

К вечеру я достиг знакомой пограничной польской деревеньки. А ночью, обходя русские и австрийские пограничные заставы, в сопровождении местного контрабандиста пересек границу.

Утром следующего дня я был в Кракове. Город, его улицы я неплохо знал, так как раза два-три сюда приезжал с отцом и братом, когда был гимназистом. Без особого труда нашел тихую улицу Любомирского, типичный польский дом под номером 51. (Этот адрес был мною уточнен много позднее в конце 50-х годов, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.) Позвонил. На пороге появилась старая женщина, скромно и опрятно одетая. Это была Елизавета Васильевна, мать Надежды Константиновны Крупской:

— Проходите, пожалуйста, молодой человек.

Она провела меня в прихожую и негромко сказала:

— Владимир Ильич, к Вам товарищ из Петербурга.

— Неужели! Вот это приятная новость! Ждали, ждали оттуда своего человека, — раздалось в ответ.

В дверях комнаты появился Владимир Ильич. Крепкий, среднего роста, с лукавинкой в глазах, от него исходила огромная внутренняя сила. Внимательно осмотрел меня.

— Как хорошо, что Вы пришли в такой момент. Сейчас будем завтракать. Наверное, устали с тяжелой дороги. Садитесь, отдыхайте...

Легонько взяв меня за локоть, Ленин провел меня в комнату и движением руки показал на кресло. Я продолжал стоять.

— А теперь познакомимся. Как Вас зовут? — спросил меня Владимир Ильич.

— Сергей Петриковский, — ответил я и тут же добавил, — студент Петербургского университета...

В этот момент в комнату вошла Надежда Константиновна и, познакомившись со мною, пригласила нас к завтраку.

После скромного завтрака мы с Лениным уединились в отдельной комнате. Предварительно я достал из своего дорожного баула роман, куда были вброшюрованы партийные документы и передал их ему. Владимир Ильич углубился в чтение, изредка задавая мне попутные вопросы. Познакомился он с документами быстро, письмо же Русского бюро ЦК передал Крупской для расшифровки текста.

Затем Ленин буквально обрушил на меня град вопросов. Его интересовали новейшие факты рабочего и студенческого движения в Петербурге; влияние большевиков на крупных заводах и фабриках, в профсоюзах, в высших учебных заведениях; как трудящиеся реагируют на материалы, публикуемые в «Правде», на выступления депутатов-большевиков в Думе, на большевистские листовки; и многое, многое другое.

На ленинские вопросы я старался отвечать кратко и не спеша. Владимир Ильич слушал внимательно, меня не перебивал. Я почувствовал, что мои ответы его удовлетворяют.

Так мы проговорили часа два. После этого Ленин предложил пройтись и погулять в ближайшем парке. Уже во время прогулки Владимир Ильич расспросил меня о подробностях поездки из Петербурга в Краков. Затем он сказал:

— Именно по этому пути нам надлежит организовать переброску нужных людей и транспортировку политической литературы через Краков-Люблин в Россию и обратно. И это Ваша партийная задача. Но здесь потребуются не только отвага, смекалка, но и большая осторожность.

Заговорили об ответственной и мужественной работе большевиков-депутатов в Государственной думе, в редакции «Правды». Я рассказал Ленину все, что знал, что сам видел, чувствовал и делал. Особенно подробно о жизни и деятельности Бадаева, Петровского.

— Теперь на трибуну Думы все чаще и чаще поднимаются наши депутаты, — говорил я, — и бьют царизм по самым больным, уязвимым местам. Питерские рабочие, передовые студенты гордятся своими ораторами-большевиками...

— Очень, очень хорошо делают, — одобрил Владимир Ильич. — Нельзя оставлять без ответа ни одного крупного события государственной и общественной жизни России, нужно понятно и четко излагать точку зрения нашей партии на эти события. И чтобы все это знали и понимали рабочие...

Слушая Ильича, я все больше убеждался, что Ленин, и находясь на чужбине, внимательно следит за политической и общественной жизнью России. Прекрасно знает эту жизнь, ее темп и пульс и в ходе беседы со мной проверял и еще раз перепроверял свои мысли и выводы. Но делал это малозаметно, тонко, тактично, не задевая этим своего собеседника. И еще я понял, что по успешной деятельности и борьбе рабочих представителей в Думе, по результатам их работы,

Владимир Ильич судит об идейной и революционной закалке российского пролетариата.

...А вечером после ужина Ленин вдруг заинтересовался студенческим движением, жизнью, борьбой и буднями студенческого Петербургского университета. Для меня это было несколько неожиданно, только потом я вспомнил, что Владимир Ильич кончал наш университет. Тогда Ленин рекомендовал Русскому бюро ЦК и Петербургскому комитету РСДРП более активно привлекать демократическое студенчество к революционному рабочему движению, добиваться роста численности студенческих большевистских групп, организовать выпуск партийного журнала для студентов, предлагал усилить борьбу с кадетско-октябристским и эсеро-меньшевистским влиянием в высших учебных заведениях, где оно было довольно значительным.

Помню Владимир Ильич уделил внимание и постановке партийно-массовой работы в Петербургском университете. Он так и называл — «наш университет». Ленин говорил, что наш университет богат научными, общественными и революционными традициями, поэтому он — пример не только для студентов Петербурга, но и для передового студенчества России. Если за нами, большевиками, пойдет демократическое студенчество Петербургского университета, то студенчество и всего города. Ведь передовое студенчество — большая революционная сила, интеллектуально-организационный резерв нашей партии.

Ленинские слова мне запомнились.

Вечером того же дня и на следующий день Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна сшили мне черную противодождевую пелерину со специальными внутренними карманами. Когда накидка была готова, то карманы наполнили подпольной литературой. Я накинул пелерину на плечи, посмотрелся в зеркало и увидел, что как-то заметно пополнел.

— Батенька! А вам полезно навещать здешние места, — засмеялся Владимир Ильич. — Не прошло и полных двух суток, а Вы располнели.

— И пропорции соблюдены, и фигура вполне нормальная. Кто Вас не видел перед приездом, не догадается, что Ваша полнота вызвана духовной революционной пищей...

И опять в квартире Ленина зазвучал веселый смех.

Поздним вечером я попрощался с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Накинул черную пелерину, взял в руки тяжелый баул, куда Ленин положил бутерброды, вареные яйца, мясо, хлеб, воду. И ушел в весеннюю ночь, унося в своем сердце образ великого вождя.

Задание Ленина и партии было выполнено.

И. Ю. Крачковский

ВПЕРВЫЕ ОППОНЕНТОМ НА ДИССЕРТАЦИИ

Рукописи сближают людей. Знакомство с ними, как проникновение в природу, как восприятие искусства, расширяет горизонт человека, облагораживает всю его жизнь, делает его участником великого движения человечества на пути культуры. Рукописи, как природа и искусство, должны быть достоянием всех чувствующих их людей и открыты всем ученым: те, кому выпало на долю временно, в пределах человеческой жизни, быть их владельцами или хранителями, должны не забывать этого и не превращаться в скупых рыцарей. Грустно видеть, как несовершенство людской природы превращает иногда рукописи в яблоко раздора, как они встают преградой между людьми и становятся даже орудием преследования. И здесь на долю ученого нередко выпадают неожиданные испытания, но при доброй воле их можно преодолеть, памятуя, что мы в отдельности только «гости на земле», а наука вечна, и надо думать не о нас самих, а о ее движении вперед, для которого не всегда важно, кем именно внесена доля усилия в это движение. Мне памятен <...> один случай с рукописью, который легко мог вызвать трещину в отношениях между двумя учеными — учителем и учеником; и теперь, через тридцать лет, я с удовлетворением чувствую, что оба они сумели тогда остаться на высоте науки и человечности, как ее понимали.

В серенький петербургский денек в начале сентября 1901 года студенты первого курса факультета восточных языков ждали первой лекции по арабскому языку. Зрелище на факультете представлялось необычное. Хотя для лекции была отведена самая вместительная шестая аудитория, но она была переполнена и на ее скамейках не хватало места. В этом году на один арабско-персидско-турецко-татарский разряд поступило 56 человек — число почти небывалое. Элементарный курс арабского языка являлся обязательным, кроме того, для некоторых других разрядов, и поэтому аудитория, где часто занимались два-три человека, теперь гудела, как улей; были заполнены не только парты, но и все подоконники, а кое-кто стоял и в проходе. Наиболее предприимчивые отправились делегацией к факультетскому служителю Савелию, шипкинскому герою, который всегда в одной и той же позе стоял у печки в так называемом «предбаннике» — проходной комнате, выходившей на площадку лестницы, с одной стороны, в коридорчик с аудиториями — с другой; в этой комнате студенты проводили перемены между лекциями или свободные часы.

На просьбу поставить еще парту Савелий только усмехнулся и сказал: «Подождите, через неделю совсем свободно будет!». Он оказался прав: уже на следующей лекции стало просторнее, а на второй курс из всей этой массы перешло 24 человека, кончило же факультет только 12, считая и «стариков», приставших к нам по дороге. Такова была обычная картина на факультете восточных языков, но в этом не был повинен преподаватель, которого мы теперь ждали, зная только, что его зовут приват-доцент А. Э. Шмидт.[1]

Вошел совсем молодой человек лет тридцати в хорошем штатском сюртуке, обычном для того времени; с первого взгляда он поразил нас своеобразной одухотворенной красотой и особенно незабываемыми лучистыми глазами. Несколько смутившись, очевидно при виде переполненной аудитории, он прошел на кафедру и начал, поминутно краснея, лекцию с введением в грамматику арабского языка. Все было ясно и понятно; мы сразу забыли про удручившую нас неудачу с первым занятием по восточной каллиграфии, где лектор — крымский татарин и действительно известный каллиграф, как я узнал впоследствии, что-то писал перед нами на доске, но никак не мог объяснить по-русски, для чего это нужно и что нам самим следует делать. Забыл я и про свою безуспешную попытку в гимназические годы справиться с арабским языком по фундаментальной двухтомной грамматике Сильвестра де Саси, напечатанной еще в начале XIX века. Легко постигая теперь тайны арабского шрифта и страшных для многих глагольных «пород», я не подозревал, что этот мягкий руководитель, «с глазами испуганной газели», по определению одного из моих товарищей, постоянно продолжавший смущаться больше, чем мы, студенты, станет со временем одним из моих ближайших друзей и наша взаимная симпатия ничем не омрачится до его смерти в 1939 году.

На втором курсе А. Э. Шмидт занятий не вел, и мы расстались с ним почти на год, так как на факультете встречали его очень редко. Только одно впечатление, связанное с ним за этот год промелькнуло ярко: 1 декабря 1902 года защищал докторскую диссертацию Н. А. Медников.[2] Оппонентами выступали В. Р. Розен[3] и А. Э. Шмидт. Последний в ходе своих замечаний упомянул про издание какого-то арабского биографического словаря. Нас особенно поразило, что Розен, встрепенувшись, с обычной живостью спросил, где он напечатан. Это высоко подняло в наших наивных глазах авторитет Шмидта, который, оказывается, иногда мог знать то, что оставалось неизвестным самому Розену; впоследствии мы почувствовали немалую гордость, услыхав как-то, что он был учеником не только Розена, но и знаменитого будапештского исламоведа Гольдциэра.[4]

Встретились мы со Шмидтом только через год уже на третьем курсе, где он вел занятия по мусульманскому праву. Мы были поражены происшедшей в нем переменой: он сильно поседел, ходил с палкой, выглядел каким-то измученным. Впоследствии я узнал, что этот

год был особенно тяжелым для него и в связи с семейным горем, и его болезнью, и необходимостью нести нервную и утомительную службу, мало его удовлетворявшую. Приват-доцентура далеко не обеспечивала даже скромных потребностей семейного человека, и А. Э. Шмидту приходилось загружать себя сторонней работой. Мы с изумлением узнавали, что он состоит инспектором Александровского лицея,[5] а после ухода оттуда — секретарем редакции «С.-Петербургских ведомостей», которые издавал князь Э. Ухтомский,[6] известный в свое время путешественник, интересовавшийся культурой Дальнего Востока. Все это плохо вязалось с исламоведением и арабской литературой, не оставляло возможности для работы над ними, вызывало состояние большой депрессии у человека, стремившегося к широкому научному творчеству, для которого у него были богатые данные. Только со временем нам стало понятно, почему Шмидт относится точно с каким-то испугом к выходившим за программу научным вопросам с нашей стороны: они бередили его незаживающие раны, ответ требовал иногда каких-нибудь справок, а даже для этого у него времени не было. На третьем курсе он вообще редко приходил на лекции, но при встрече относился ко мне с трогательной доброжелательностью.

Летом того года на каникулах я как раз прочитал полностью Коран, пользуясь, конечно, неизменным словарем Гиргаса[7] и переводом Саблукова.[8] Слух об этом дошел до него, и осенью он шутливо приветствовал меня со званием «хафиза». На четвертом курсе наши редкие встречи в Университете опять прекратились, так как мы перешли по арабистике к Розену. Меня все это время очень влекло к Шмидту, в котором я как-то инстинктивно чувствовал и крупный научный талант и большую душевность, но стеснялся к нему обращаться, замечая, что это иногда точно вызывало в нем боль и стремление уйти в свою раковину. Знали мы, что он давно готовит большую работу о египетском ученом суфии XVI века аш-Шарании, которая должна стать его диссертацией, но и несколькими годами позже, когда я по окончании университета продолжал заниматься у Розена, на мои любопытные вопросы, не предстоит ли скоро диссертация Шмидта, он только махал с огорчением рукой и приговаривал: «Где там! Пропадает Александр Эдуардович! Говорил я ему, что не надо так рано жениться. А ведь какой талантливый человек!» И, оживившись, Розен начинал рассказывать про отзывы своего приятеля Гольдциэра, который считал Шмидта одним из лучших учеников, приезжавших к нему когда-либо из Европы или Америки. Мне делалось еще более жалко бедного Александра Эдуардовича. По мере своих слабых сил я пытался как-нибудь ободрить его, ближе вовлечь в жизнь научных интересов. Иногда мне казалось, что это может наладиться, но смерть Розена для нас обоих явилась жестоким ударом. Будучи на Востоке, я почувствовал по его письмам, что он находится опять во власти тяжелой депрессии; он даже отказался от доклада

о Розене на заседании, посвященном ему. А он мог бы его сделать, конечно, лучше всех арабистов.

Во время скитаний по Востоку я всячески старался оживить его, выискивал в Каире какие-нибудь мелкие материалы о его любимце аш-Шаранни, лишь бы только он не бросал работы над ним. Вернувшись в Петербург, когда разница лет стала меньше сказываться, а совместная работа на кафедре окончательно нас сблизила, я настоял, чтобы он начал, наконец, печатать диссертацию, преодолев ставшую уже болезненной неуверенность в себе и в своих силах. Работа шла у нас параллельно: одновременно печаталась и моя диссертация о поэте ал-Вава.[9] Задержек было много и дело двигалось медленно. Шмидт часто колебался и перепечатывал иногда целые готовые листы; у меня арабский текст набирался в Голландии в известной всем ориенталистам типографии Брилля и самый объем работы требовал изрядного срока. Я читал все корректуры исследования Шмидта, изредка воюя с ним из-за каких-нибудь технических вопросов и шутливо грозясь, что пожалуюсь на это, когда буду оппонентом на диспуте.[10] Вспыхнувшая первая мировая война работы не прервала, и, наконец, в начале осени 1914 года обе книги были готовы. Я твердо решил, что свою диссертацию представлю официально на факультет только тогда, когда работа А. Э. Шмидта пройдет все формальные инстанции.

И. Ю. Крачковский

Диспут был назначен на 19 октября 1914 года. Готовился я к нему очень серьезно. Область исламоведения стояла далеко от моей прямой специальности — арабской литературы, но я по молодости хотел не ударить лицом в грязь и показать публике, которая в довольно значительном количестве собиралась тогда на диспуты, все значение работы в нашей науке. Не скрою, что некоторые коллеги по факультету, плохо знавшие глубину наших дружеских отношений и наших взглядов на науку, ожидали своего рода спектакля, который может получиться от того, что два молодых ученых — учитель и ученик — должны быть оппонентами друг у друга и станут топить один другого. В этом им предстояло разочароваться; я с улыбкой вспоминал рассказы Розена о том, как смолоду его соединила нерушимая

дружба с его учителем Гиргасом, а представители других кафедр, в частности турецкой, вечно враждовавшие между собой, все ожидали, когда же и здесь разразится буря.

Книгу я, конечно, знал хорошо, прочитав корректуры основной части; для меня не подлежало сомнению, что она представляет исключительное явление в нашей науке и крупный шаг в мировой. Все же, относясь, быть может, с преувеличенной требовательностью к своей задаче, я решил теперь проверить ее по всем упоминаемым источникам. И здесь все оказалось благополучно. Конечно, иногда обнаруживались какие-нибудь мелочи, встречались непоследовательности, объяснявшиеся долгим сроком работы над темой и продолжительностью печатания, но источники были использованы полностью, и каких-нибудь пробелов я не обнаруживал. Так шло до середины сентября, когда до диспута оставался приблизительно месяц.

Занимаясь подготовкой к диссертации А. Э. Шмидта, я одновременно продолжал другую, очень увлекавшую меня тогда работу. Мечтая о составлении систематического каталога арабских рукописей университетской библиотеки, я исподволь выбирал по индексу, когда-то напечатанному Залеманом и Розеном,[11] те сочинения, которые меня интересовали в первую очередь. Раз вечером, отдыхая от трудного дня, я опять погрузился в это занятие. Вдруг рука, начавшая механически выписывать незнакомое заглавие, вздрогнула точно от электрического тока. У меня сохранился листок, где неожиданный росчерк от оборванного слова невольно пробежал по всей странице. В индексе отчетливо стояло неведомое мне название «Памятка людям ума о доблестях шейха аш-Шарания Абд аль-Ваххаба». Такого источника в диссертации А. Э. Шмидта не фигурировало. Что же это значит? Утром у знакомых светлоясеневых шкафов с восточными рукописями университетской библиотеки я разгадывал эту загадку. Недоразумения никакого не было, и все быстро выяснилось. В коллекции профессора Шейха Тантави,[12] перешедшей в университетскую библиотеку, действительно сохранилось довольно обширное «житие» аш-Шарания, его предков и потомков до XVII века, составленное неким аль-Малиджием, который был в Каире хранителем мечети имени аш-Шарания около 1700 года и хорошо знал всю связанную с родом традицию. Сама по себе рукопись, писанная в 1723 году, не представляла чего-либо выдающегося, но она открывала единственную самостоятельную биографию этого суфия, с полным списком его сочинений, с массой любопытных деталей вообще для истории XVI—XVII веков. Значение ее для работы А. Э. Шмидта мне сразу стало очевидно. Но каким же образом она могла от него ускользнуть? Для меня это продолжало казаться загадкой, особенно в одной части. Рукопись представляла несомненно уникум: об этом говорило отсутствие упоминания автора и сочинения в известном арабистам своде Брокельмана,[13] который почти не воспользовался индексом рукописей университетской библиотеки. Этим, вероятно, и объяснялось, что

А. Э. Шмидт не обратил на нее внимания. В дальнейшем сыграла роль уже ирония судьбы, часто любящей подшучивать над учеными. Автор, собиравший систематически материалы для долголетнего труда и в Берлине, и в Лейпциге, и в Лейдене, не догадался пересмотреть бывший под руками индекс рукописей университетской библиотеки в Петербурге, где он постоянно работал, где находился основной оригинал, по которому он напечатал в приложении одну из работ аш-Шарания. Судьба не пощадила своей иронией и нашего учителя Розена. Каким образом он, в течение многих лет беседуя со своим учеником об аш-Шаранни, не вспомнил его биографии, которую сам когда-то внес в индекс, это осталось для меня навсегда одной из загадок в истории нашей науки, как видно нередко зависящей от случайности.

Ошеломившая меня на несколько дней находка требовала, однако, быстрого решения ввиду близкого диспута. Зная характер А. Э. Шмидта, я чувствовал, что сказать о ней прямо — значит вызвать в нем приступ отчаяния и, может быть, навсегда расстроить только что наладившееся его возвращение к научной работе. Утаить открытие до какого-нибудь срока после диссертации не позволяла мне научная совесть. Выход все же нашелся. Мне было ясно, что напечатанная работа представляет несомненное приобретение для науки и, конечно, более чем заслуживает искомой степени магистра. Случайно обнаруженный источник может быть исследован со временем и, как мне казалось, принципиальных выводов работы, основанных на других материалах, не изменяет. Сообщить о нем автору я должен, конечно, до диссертации.

Найдя такое решение, я быстро успокоился и только по молодости, прежде чем открыть секрет А. Э. Шмидту, позволил себе маленькое озорство. Встречаясь тогда с ним чуть ли не каждый день, я стал поддразнивать его вопросами, тему для которых доставляла мне университетская рукопись. Сколько было жен у аш-Шарания, какого он был роста, писал ли он по таким-то вопросам? Бедный Шмидт, не имевший на это ответа по известным ему источникам, недоумевал и все более заинтриговывался, откуда я набираю материал. Жалея долго его мучить, через неделю я открыл ему одному свою находку. Реакция оказалась именно такой, как я опасался. Под первым впечатлением он хотел взять свою диссертацию обратно и отложить получение степени. Большого труда мне стоило убедить его не делать этого и предоставить все своему течению.

Диспут чуть-чуть не пришлось отложить по другому поводу: как со мной бывало нередко в важных случаях жизни, за неделю до него я заболел — температура поднялась чуть не до 40°, и я лежал пластом. Шмидт стал опять говорить, что, очевидно, судьба не хочет, чтобы он защитил диссертацию вовремя. По счастью, домашний врач, которому я предъявил ультиматум поставить меня на ноги, хотя бы на один день, дал какое-то, по его выражению, «конское» средство, и я

прямо с дивана отправился на диссертацию, как полагалось тогда, во фраке, хотя и взятом напрокат, с каким-то странным ощущением не своего голоса, который я сам слушал, точно говорил кто-то чужой.

Все прошло благополучно. Свою обычную речь «официального» оппонента я начал арабским стихом: «Учил я его стрелять каждый день, а когда рука у него окрепла, он выстрелил в меня». Александр Эдуардович, тоже во фраке, смотрел на меня с кафедры, добродушно улыбаясь: единственно он среди всех присутствующих знал, к чему я клоню и о чем будет итти речь. Я не скрыл своей находки, но осветил ее так, как мне казалось правильным для настоящего случая с выделением основных достоинств работы. Любопытные коллеги остались без ожидаемого ими «спектакля», и диссертация закончилась мирно.

Не все были согласны с моей точкой зрения и не все ее понимали. Одна присутствовавшая на диспуте дама, мало знакомая с обычной процедурой, очень обиделась за нападки на А. Э. Шмидта, как ей показалось, и вслух выражала свое негодование. Александру Эдуардовичу стоило немалого труда впоследствии несколько ее успокоить, объяснив сущность дела. Были и более серьезные недовольства. На другой день в университетской галерее во дворе я встретил своего уважаемого учителя профессора Б. А. Тураева.[14] Он возмущался, как факультет мог пропустить диссертацию, для которой остался неизвестным один из основных источников, и негодовал на меня. Я постарался изложить свою точку зрения, но, кажется, без особого успеха. Я никогда не был сторонником принципа fiat justitia, pereat mundus (да свершится справедливость, пусть погибнет мир), потому что если мир погибнет, то и справедливость негде будет проявлять. Наука движется живыми людьми, и если не думать о них, то и сама наука может остановиться. Поэтому и теперь, через тридцать лет, мне все-таки кажется, что мы со Шмидтом были правы, и это показала вся наша дальнейшая жизнь. Недаром тогда, когда Александр Эдуардович приезжал в Ленинград из Ташкента, куда он переехал в 1920 году, мы и в 30-х годах часто любили вспоминать, как я нашел рукопись биографии аш-Шарания, как я его поддразнивал своими вопросами, вспоминали и наш маленький разговор, когда я был впервые оппонентом на диссертации, и разочарование некоторых коллег, которые все ждали, кто из нас начнет говорить другому неприятности.

История с находкой рукописи имела свое продолжение. На этот раз судьба несколько поиронизировала надо мной, «чтобы не зазнавался», как любил говорить один старый провинциальный ученый. Заканчивая свою статью об университетской рукописи в ноябре 1914 года, я выразил надежду, что второй экземпляр, вероятнее всего, найдется на родине аш-Шарания в Египте. Однако он обнаружился гораздо скорее и гораздо ближе, чем я думал. Как раз в эти годы у меня был в университете один очень даровитый, очень своеобразный ученик, болгарин, сын кузнеца, с неизбежной фамилией Шишманова.

Он отличался большим и тонким литературным вкусом, знал массу языков и в это время очень увлекался моим любимцем — поэтом-философом Абу-ль-Аля, переведя почти полностью цикл его поэм, посвященных «кольчугам». Многими своими увлечениями он заражал и меня: несколько позднее мы вместе перевели с шведского роман Вернера фон Хейденстама «Эндимион», действие которого происходит в Дамаске. Когда летом 1914 года он уезжал к себе на родину, я посоветовал ему посмотреть, нет ли арабских рукописей в Софийской публичной библиотеке. Оказалось, что там в отделе под названием «Турската архива» существовала целая коллекция «Библиотека та на Пазвантоглу», связанная с именем известного болгарско-турецкого деятеля на рубеже нового времени, и гораздо ближе, чем я думал. <...>

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ

Когда после летнего отдыха в тихвинской деревне я осенью впервые переступил университетский порог, еще в старой гимназической курточке, с робостью и нерешительностью новичка, меня прежде всего поразил бесконечный шумный коридор, освещенный с левой стороны большими окнами. Справа — так же бесконечно — шли плоские книжные шкафы, слабо поблескивая золотистыми корешками старинных книг. Косое солнце дрожащими пыльными лучами прорезало узкую, уходящую вдаль перспективу. Коридор шумел, гудел, глухо рокотал от сливающихся воедино молодых голосов. Людской водоворот подхватывал и нес по течению. Мелькали форменные тужурки всех оттенков темно-зеленого и синего цветов, изредка попадались длиннополые сюртуки «белоподкладочников», но больше всего было все же провинциальных, домашнего покроя пиджачков и русских рубашек. Стеклянные двери аудиторий цестрели бумажками объявлений и различными расписаниями.

Мне с непривычки трудно было разобраться во всей этой путанице, а обратиться к кому-нибудь за разъяснениями мешала застенчивость и гордость; к тому же все спешили куда-то, шумно разговаривали группами и не обращали внимания на новые лица — слишком их было много вокруг. Не меньше недели ушло у меня на то, чтобы хоть приблизительно освоиться с необычным положением. Сначала я очень терялся оттого, что был предоставлен самому себе, но впоследствии в полной мере оценил эту свободу, особенно приятную после надоевших в гимназии муштры и порядка. А через месяц уже ходил в форменой тужурке с еще светлыми пуговицами, носил под ней синюю косоворотку — знак моей принадлежности к демократическому лагерю[1] — и составлял себе примерный план посещения лекций. Но еще много времени пришлось мне походить в людском водовороте коридора, прежде чем я понял, что суть университетской науки не только в лекциях, но и в серьезных занятиях просеминаров и семинаров, в небольшом кружке под «началом» авторитетного профессора. Лекции все же посещал я охотно, выбрав три-четыре особенно заинтересовавших меня курса.

Древнерусскую литературу слушал я у А. К. Бороздина,[2] автора объемистого труда «Протопоп Аввакум и его время», чтение летописей и палеографию постигал у И. А. Шляпкина. Западноевропейское искусство читал Д. В. Айналов.[3] Но самыми памятными и плодотворными оказались занятия пушкинского семинара у С. А. Венгерова,

который, несмотря на свою приверженность к народничеству, был одним из самых передовых профессоров тогдашнего университета вместе с социологом М. А. Рейснером[4] и экономистом В. В. Святловским.[5]

Когда в положенный час в конце коридора появлялся на коротеньких ножках плотный и приземистый С. А. Венгеров с огромным, переваливающим его набок портфелем, мы торопливо бросали курить и толпились у входа в маленькую аудиторию рядом с фундаментальной библиотекой. В длиннополом черном сюртуке, с прямыми ниспадающими волосами, с черной, как оперение ворона, бородой, которая буйно росла у него чуть ли не из ноздрей, Семен Афанасьевич был похож на круглого майского жука, который вот-вот раскинет свои жесткие глянцевитые надкрылья. Он и действительно раскидывал их, то есть фалды своего старомодного одеяния, утверждаясь на кафедре, над которой слабо поблескивала золотом букв мраморная доска: «Здесь Н. В. Гоголь в 1834 году читал курс лекций по истории средних веков студентам Санкт-Петербургского университета».[6] С. А. Венгеров неторопливо раскладывал вокруг себя книги, записки, конспекты, справки — все содержание своего огромного портфеля — и совершенно исчезал за их пирамидами. Только черные пытливые глаза да утиный нос выглядывали оттуда. Начиналось то, чего мы с нетерпением ждали целую неделю, — пушкинский семинар.

Происходившее в маленькой сводчатой комнате, едва вмещавшей двадцать — тридцать человек, трудно было определить как очередное учебное занятие. Это был литературный клуб, студенческая мансарда, зал парламента, аукцион филологических истин — все вместе. По мере движения обычного доклада, который читался одним из присутствующих, невообразимо накалялась общая атмосфера. Критические стрелы, коловшие докладчика, скрещивались в воздухе. Одно ироническое замечание рождало десятки ответных реплик. Явно обнаруживалось наличие двух-трех непримиримых партий, по-разному относившихся к вопросам эстетики, морали и текстологии. Были точные «историки-филологи» — Н. В. Яковлев,[7] Ю. Г. Оксман,[8] С. М. Бонди,[9] М. К. Клеман,[10] были «модернисты» и «импрессионисты» — Ю. А. Никольский,[11] В. В. Гиппиус,[12] В. Е. Рапгоф[13] и другие. Были вдохновенные «общественники--филологи» вроде Д. П. Якубовича[14] (сын известного в 90-х годах поэта-радикала П. Я.),[15] были просто «вдохновенные» (они же поэты) — Г. Маслов,[16] И. Тамамшев.[17] В стороне выжидательно помалкивал острый скептик Ю. Н. Тынянов,[18] франтоватой стройностью и легкими бакенбардами похожий на оперного Онегина. Позднее, уже в «Пушкинском кружке», собиравшемся в университетском «Музее древностей», рассыпался в парадоксах буйствующий и кипучий В. Б. Шкловский,[19] с тонкой улыбкой, неторопливо делал свои скрупулезные сообщения об эпохе Достоевского В. Л. Комарович.[20] Еще не был провозглашен пресловутый термин «формализм», но он уже висел в воздухе. И добрейший Семен

Афанасьевич, благодушно взиравший со своей кафедры на то, как вокруг «младая жизнь играет», автор известной книги «Героический характер русской литературы», неутомимый «поборник общественных идеалов» и не подозревал в те минуты, какого «змия» выращивает он на груди своей. Он сидел, блаженно покачиваясь и полузакрыв глаза, — ему нравились страстные раздоры молодежи, вспоминалась, должно быть, собственная студенческая молодость и накаленный университетский воздух 70-х годов, время позитивистов, народников и Некрасова. Мы платили ему глубочайшим уважением, не лишенным, правда, некоторой иронии («многоуважаемый шкаф» — называли его некоторые из нас), и любили в нем удивительную терпимость ко всем нашим крайностям. Многие из нас справедливо подозревали за ней великую и жертвенную любовь к родной литературе, любовь человека, всю свою долгую жизнь отдавшего черному и неблагодарному труду накопления библиографических фактов и убористых, доступных только для лупы примечаний. Мы знали, что только под его благосклонным крылом позволено нам спорить и скрещивать самые острые мнения. Поборники «отвлеченной красоты» и надменные «эстеты» сидели здесь на одной скамье с будущими «соцнологами в искусстве», адепты «точной науки» вступали в споры с «импрессионистами».

Каждый слушатель в обязательном порядке принимал участие в затеянном неутомимым Семеном Афанасьевичем кропотливом и долголетнем составлении Пушкинского словаря,[21] безжалостно раздирая живую ткань стихотворения на отдельные связки и суставы, умножая грамматическими примерами и синтаксическими цитатами бесконечную картотеку. Но каждый должен был прочесть доклад о том или ином спорном вопросе «Пушкинианы», зная заранее, что ему придется вооружить себя не только точным и остроумным подбором фактов, но и немалым мужеством для отражения перекрестного критического огня — лучшего воспитателя научной воли и творческой самостоятельности. Многим эти доклады давались нелегко, но помню и блестящие исключения.

Интересным было сообщение Н. В. Яковлева о «Пире во время чумы» и английской поэзии, Д. П. Якубовича «О Вальтере Скотте и проблеме пушкинской исторической прозы», рефераты Ю. Н. Тынянова о «Каменном госте», о «Евгении Онегине», исследования С. М. Бонди о текстах «Домика в Коломне» и Ю. Г. Оксмана о романсе «Жил на свете рыцарь бедный». Здесь же сам Семен Афанасьевич поделился свежим текстологическим открытием о том, что «История села Горохина» должна читаться как «История села Горюхина», и указал на родство с этой вещью «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Здесь же было установлено, что жесткая критика Пушкиным радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» — блестящая литературная мистификация, давшая возможность поэту на законном основании процитировать в своем «Современнике» обширные и острые фрагменты запрещенного тогда в России революционного памфлета.

Так оживал в пушкинском семинаре, казалось бы, вполне академический факт и рождал жаркую, но плодотворную атмосферу научной, близкой к жизни дискуссии.

Империалистическая война разметала участников этого университетского содружества — «Иных уж нет, а те далече — как Сади некогда сказал».[22] Но через много-много лет, встречаясь на литературных и научных путях и перепутьях, мы, прежние противники, крепко жали друг другу руки — в воспоминание тех горячих и неизгладимых из памяти дней...

Академическая жизнь университета в первые два года империалистической войны представляла странную для современного взгляда картину. Кругом бушевала поднятая военными событиями жизнь; поток верноподданнических и лжепатриотических стихов и статей, засорявших журналы и газеты, не мог заслонить все растущее недовольство бездарным правительством; начинались рабочие волнения, даже благонамеренная Дума пыталась «выражать недоверие», а факультетские стены пестрели бесчисленными объявлениями о курсах и лекциях, уводящих в самые узкие, путаные, далекие от действительности, глухие закоулки науки. Поражало почти полное отсутствие обобщающих курсов. Так, предлагалось слушать целый год «О некоторых стилистических особенностях послания Владимира Мономаха», «О проникновении французских влияний в синтаксис Карамзина», «О методах сравнительного языкознания в свете критики 70-—80-х годов». Все более или менее живое читалось профессорами контрабандой. Система резкого отгораживания науки от практических требований жизни лежала в основе всего филологического образования. И не приходится удивляться тому, что мы, студенты младших курсов, жили в сфере самых отвлеченных интересов. А художественная литература, питавшая нас, символистская по существу, проникнутая духом самого крайнего индивидуализма, как нельзя лучше способствовала нашей изоляции от реального мира. Конечно, этого нельзя сказать о всей университетской молодежи, но — из песни слова не выкинешь — не сразу я и ближайшие мои товарищи-филологи узнали, что вокруг нас в том же беспокойном и пестром университетском коридоре живет глухой, притаившийся до времени общественный протест и все растущая оппозиция.[23] А пока мы переживали медовый месяц своего увлечения наукой, которая даже в таком схоластическом виде казалась нам верхом свободомыслия. Все же здесь речь шла о литературе, об искусстве, и лучшие наши профессора умели давать нам больше, чем обещало официальное расписание. Но любимой формой постижения жизни для некоторых из нас по-прежнему оставалась поэзия.

Сейчас трудно себе представить, какое огромное место занимали в нашем сознании стихи. Они были нашими спутниками и советчиками, неизменной пищей всех наших бесед. Мы знали бесчисленные тоненькие книжки поэтов не только по обложкам. Каждое но-

вое, пусть самое мимолетное имя взвешивалось на весах наших вкусов и пристрастий. Мы зорко следили за журнальной полемикой и не пропускали ни одной будничной лекции, ни одного открытого «вечера стихов», которые были тогда в большой моде и собирали многочисленную аудиторию. Нас пленяли пышные одежды современного модернизма. Мы словно не хотели замечать, что это был недолгий листопад отрешенных от жизни, иссохших идей. Уже настойчиво кричали на всех углах футуристы, требуя коренного обновления всего словесного и синтаксического строя. Осторожные «брюсовцы» точили стрелы, готовясь поразить ими своих прежних учителей. Общим лозунгом было раскрепощение поэтического языка от условностей мистики и поверхностного приукрашивания. Даже популярный в то время Игорь Северянин,[24] известность которого соперничала с бурной славой цыганских див и кафешантанных звезд, не отдавая себе в том отчета, уже тогда являлся ярчайшей пародией на увлечение крайностями языкового эстетства.

Наша университетская молодежь не могла не видеть здравого смысла литературной оппозиции всяческому декадентству, ее исторической необходимости. Уже чувствовалось, что современный модернизм был движением глубочайшего упадка и разложения мысли, столь типичных для буржуазной культуры накануне ее неизбежного крушения.

Но, оперируя модными в то время понятиями «символизм»,[25] «акмеизм»,[26] мы были обречены вертеться все в том же узком кругу представлений и лишь постепенно приходили к сознанию, что подлинная дорога искусства неразрывно связана с реальной жизнью.[27]

Именно в такой обстановке и возникали бесчисленные студенческие литературные кружки, объединяя любителей поэзии и будущих поэтов не по признаку резкой принципиальности, а на почве общего интереса к современным нам литературным распрям.

Кружок, в который ввел меня мой сосед по пушкинскому семинару поэт Георгий Маслов, пламенный поклонник не только стихов Языкова,[28] но и его житейского студенческого обихода, был, пожалуй, самым малым по количеству участников и самым серьезным по поставленным задачам. Мы дерзостно мечтали о сокрушении еще недавно столь пленявшего нас символизма, тщательно изучали все его творческие приемы, чтобы «бить врага его собственным оружием», и намеревались явить миру новые образцы свободного в интонациях и выразительного поэтического языка. Программа наша была достаточно гордой, и на меньшее идти мы не хотели, в наивности юношеского увлечения считая себя единственными носителями «истинного вкуса», — по крайней мере в пределах родного университетского коридора.

Мы сходились по вечерам, соблюдая строгую очередность, то в крошечных чердачных комнатушках, то в благопристойных буржуазных квартирах и засиживались далеко за полночь, ведя бесконечные,

часто бестолковые прения, опьяняя друг друга чтением собственных и чужих стихов.

Вижу, как сейчас, близких друзей той поры. Маленькая комната под самой крышей огромного шестиэтажного дома где-то на Васильевском острове. В незавешенном окне мутные сумерки пронизанного изморозью осеннего дня. Тусклая, кирпичного оттенка заря висит над Невой. За ближайшими крышами торчат три-четыре мачты. Низкие гудки пароходов изредка сотрясают стекла. Только что внесли керосиновую лампу. При ее мягком свете отступает назад другая убогая обстановка с широким продавленным диваном, коленчатой книжной этажеркой и спартанской студенческой кроватью. Вокруг стола все наше поэтическое содружество. На столе помятый самоварчик и две глубокие тарелки — одна с колбасой, другая с толстыми ломтями белого хлеба. Мы слушаем Георгия Маслова, автора поэмы «Аврора». Он стоит у стены, высокий, несколько сутулый, с насмешливым заостренным лицом, еще не успевшим потерять летний симбирский загар. Прямые, закинутые назад волосы придают ему подлинно поэтический вид. Под распахнутой тужуркой — синяя, расстегнутая на две пуговицы косоворотка. Вытянув руку, слегка покачиваясь и глядя куда-то в закат над Невою, он мерным, несколько монотонным голосом, то ускоряя, то замедляя темп, читает стихи, в которых много молодой страстности, мифологических образов, обращений к поэтам классической поры.

О мой ямб, звонконогий мой конь,
Непокорный рабам Буцефал,
Я хочу укротить твой огонь,
Я свободным и дерзостным стал...[29]

Г. Маслов в пушкинской эпохе чувствовал себя как дома и весь загорался, как только заходила речь о декабристах, о «классиках» и «романтиках», о людях 30—40-х годов XIX века. Он являлся сдерживающим началом во всех наших увлечениях поэзией современности. Но ему нравилось модернизировать свои архаические пристрастия, хотя он и не шел дальше пределов, указанных Валерием Брюсовым.[30] Сколько вспыхивало споров, как только кто-нибудь упоминал о символистах! Ни один спор не обходился без Анны Регат,[31] девушки с бледным, удлиненным лицом и широко раскрытыми, «мистическими», по тогдашней моде, глазами. Стихи ее отличались тонким вкусом.

Вечным и непримиримым противником всяких «отвлеченностей» была русокосая надменная красавица Лариса Рейснер,[32] противопоставлявшая мистическому облику петербургского эстетизма непобедимую логику язвительного, иронического спора. Уже в те дни чувствовался в ней недюжинный ум и бурная талантливость. Прекрасно образованная, изъездившая со своим отцом, профессором-юристом, пол-Европы, она поражала многих широтой и страстностью своих интересов к литературе и точному знанию. Но ее слишком умные и слишком

патетические стихи о французской революции («Камилл Демулен»), «Лекция по биологии», «Песни кровяных шариков» и др. не встречали глубокого сочувствия. Гораздо ярче была она в своих критических выступлениях.

«Аристократка» в нашей демократической среде, она жаждала поклонения и умела его добиваться. Пристрастие к меценатству и неугасимую энергию она с помощью отца, человека состоятельного и независимого, обратила на создание студенческого журнала. В университетском коридоре и в ближайших уличных киосках скоро начали появляться тоненькие, со вкусом издаваемые тетради, сперва под названием «Богема»,[33] а впоследствии с не менее претенциозным титулом «Рудин».[34] Имя этого тургеневского героя было выбрано Ларисой Рейснер не по причине его вдохновенного красноречия, а именно потому, что он «нашел в конце концов мужество сражаться и погибнуть на баррикадах». Среди недолговечных двухнедельников той поры издания эти отличались не только изяществом оформления, но и остротой помещаемых памфлетов, направленных против лжеученых, октябристских лидеров Третьей думы, косности и мракобесия самодержавного строя. Стихам в этом журнале отводилось почетное место. Их подчеркнутый эстетизм и нарочитая отточенность формы, по мысли редактора, также были носителями «протестующего начала», хотя по цензурным условиям тематика их и не выходила за пределы обычных литературных образов эпохи. Журнал «вбивал осиновый кол в пышную могилу символизма». Особенно доставалось К. Бальмонту — «этому пьяному шаману» — и юродски-христианствующим З. Гиппиус[35] и Д. Мережковскому.[36] На страницах «Богемы» и «Рудина» печатались многие стихи тогдашних студентов — А. Лозина-Лозинского,[37] О. Мандельштама,[38] Л. Никулина[39] и, конечно, членов нашего поэтического кружка. В частности, и я получил на этих страницах свое боевое крещение.

Заходили в наши кружки и типичные представители худосочного петербургского эстетизма. Их всегда безупречный костюм, нарочито грассирующая речь, кольцо на левом мизинце и манерные стихи о «венецианских куртизанках» раздражали нас до предела. Самым яростным противником их был Дм. Майзелис,[40] невысокий, угрюмый, коренастый еврей, попавший в университет прямо от реала наборщика. Он провел два года в Америке, исколесил ее вдоль и поперек в лохмотьях бродяги и безработного. На родину привез он кроме пустого кармана тетрадь переводов из Уитмена[41] и острую ненависть к буржуазному миру. Но едва ли не самым талантливым в кружке был Виктор Тривус.[42]

Широкоплечий, не ладно скроенный, но крепко сшитый толстяк с мясистым потным лицом, с насмешливо, дерзко сверкающими глазами, балагур и весельчак, он нес в своем неуклюжем теле яростную, воинствующую страсть к поэзии. Карманы его засаленной тужурки всегда были набиты клочками бумаги, на которых он записывал

«удачные строки». В поэзии Тривус провозглашал себя убежденным сторонником «прозаизма», беспрестанно цитируя любимых им французских поэтов Жюля Лафорга[43] и Артюра Рембо[44] в собственных грубоватых, но точных переводах. Из соотечественников он увлекался В. Нарбутом[45] и М. Зенкевичем.[46] Пафосом его жизни была «поэзия будней»; все самое обычное, примелькавшееся, но очищенное «на огне поэтической речи».

Подходил к концу 1916 год.

К этому времени большинство из нас уже носило серую шинель, а Тривус, окончивший школу прапорщиков, изнывал от скуки в каком-то захолустном гарнизоне, ожидая отправки на фронт. В сражениях он вел себя геройски и после Октябрьской революции остался в Красной Армии. По слухам, он погиб на войне с белополяками, ведя свой эскадрон в атаку. Знавшие его любили в нем неистощимого острослова, широкого и доброго человека. Но мало кому было понятно, что в нем жил темперамент подлинного поэта. Листки его многочисленных стихов рассеяны по дорогам и перепутьям гражданской войны.

Вот основа, ядро нашего тогдашнего поэтического кружка. Были, конечно, и просто любители, были и гости-завсегдатаи. Поэтов старшего поколения мы приглашать к себе не решались, справедливо полагая, что в наших «опытах» они увидят только ученическое подражание или бледное эпигонство. К нашей чести нужно заметить, что мы и сами не отказывались считать себя учениками, подмастерьями поэтического цеха. Но кто же из подмастерьев не желает стать мастером? Это, естественно, привело к тому, что в конце года мы начали подумывать об издании собственного сборника, который помог бы нам выйти на более широкую литературную арену.

Эта небольшая тетрадка, в которой все было на среднем уровне эстетического благополучия, появилась сразу во всех книжных магазинах города и доставила нам мимолетную известность. Небрежно, мимоходом, уже позже посвятила ей снисходительный фельетон газета «Жизнь искусства». Университетские критики сразу же определили нас как «брюсовцев», что во времена вульгарной «северянинщины» и грубоватой саморекламы футуристов отводило нам весьма скромное, но вполне академическое место. В большие журналы нас за молодостью пускать еще не решались.

* *
*

По давно заведенной традиции каждую осень, когда в университет съезжались после летних каникул студенты, на доске объявлений повисал малозаметный белый билетик: «Такого-то октября в аудитории романо-германского отделения под председательством профессора Д. К. Петрова[47] состоится вечер стихов. Поэтов-студентов, желающих принять участие в вечере, просят представить свои стихи

для предварительного ознакомления». Билетик этот совершенно терялся в море других факультетских сообщений и распоряжений, но мы, юные ревнители муз, умели находить его безошибочно. Помню, с каким волнением стоял я перед ним и мучительно решал вопрос: являться или нет со своей тетрадью перед строгим ареопагом (а он действительно был строгим и решительно отвергал всякую любительщину). Я отчетливо видел всю детскую беспомощность и рабскую подражательность собственных поэтических опытов. И все же решился показать их одному из членов жюри, поэту О. Мандельштаму.

Мы стояли в полутемном проходе у длинного книжного шкафа, и в его пыльном стекле я все время видел свою смущенную фигуру и острый, несколько вздернутый профиль поэта с хохолком над лысеющим точеным черепом. Низенький, щуплый, невзрачный с виду, он не был похож на «жреца муз», но высоко поднятая, несоразмерно большая голова, величественный, несколько театральный жест, высокомерная витиеватость речи и какая-то общая надменность осанки заставляли слушать его молча и почтительно. И только большие синие глаза с длинными, редко расставленными ресницами взглядывали порой с почти ребячьей наивностью и обезоруживающим добродушием, что совершенно не вязалось со строгой и придирчивой суховатостью голоса.

— Скажите, вы совершенно убеждены в том, что это поэзия?

Я промолчал, дипломатически выжидая, что будет дальше. Начало не сулило мне ничего хорошего. Поэт продолжал, вздернув хохолок и изредка поглядывая как-то сбоку острым, умным глазом птицы:

— Не всякие стихи можно отнести к природе поэтических явлений. Метра и рифмы еще недостаточно. Нужен ритм. Нужны образы, и притом в свежей, неповторимой системе.

Все это он произнес жреческим, не допускающим возражения тоном, засунув руки в карманы пиджака, и словно зажал локтями свою тонкую фигурку. Дальнейшее говорил он, слегка покачиваясь на носках, декламаторски повышая и понижая голос. «Однако мало в нем простоты», — неприязненно подумал я, но уже не мог оторвать внимания от его прерывистой, толчками развертывающейся речи.

— Самое ценное в поэзии — это неожиданность. Понятия должны вспыхивать то там, то тут, как болотные огоньки. Но их разобщенность только кажущаяся. Все подчинено разуму, твердому логическому уставу. Только он лежит где-то там, в глубине, и не сразу доступен. Вы знаете, в чем основной ваш недостаток?

— Кажется, да. Я увлекаюсь подробностями. Может быть, и тут есть что-нибудь лишнее?

— Если вы действительно так думаете, то я вас поздравляю. Поэтическая строка — это сама краткость. Это почти текст телеграммы. Лучшие слова в стихотворении не произнесены. Их нужно найти тому, кто вас слушает. И только ваша вина, если они будут найдены непра-

вильно или неточно. Поэт дает только ассоциации, и в этом вся сила его воздействия.

— Позвольте, а как же Пушкин? Поэты античности? И вообще поэзия прямо направленной речи?

— Она существует. Еще бы! Но главное в ней — не этот прямой смысл, а интонация автора. Не будь интонации, поэзия обратилась бы в алгебраическую формулу, в ритмизованную теорему и оголенный силлогизм... Но все это требует пояснений и завело бы нас слишком далеко. Вернемся к вашим стихам. Вы еще злоупотребляете прямой речью и еще не освободились от пристрастия к ложному украшательству. Словарь ваш ограничен, и к привычным словосочетаниям вы еще не испытываете особой боязни. Небо у вас всегда «голубое», а море «бурное». Но у вас все же обнаруживается вкус. И чувство экономии слов в строке. Этого достаточно для начала. Когда вы научитесь болезненно ощущать пустоты строфы и хоть немного почувствуете прелесть неожиданных и неповторимых образных сочетаний, можно будет сказать, что для вас кончилось стихотворчество и начались стихи.

— Но, мне кажется, все это признаки внешние. Суть не в этом, а в чувстве поэта, в его поэтическом сознании...

— Быть может, это и так. Но что такое «чувство», «сознание»? Все это условности. Дурные, неточные слова. Как их определить? На каких весах можно взвесить? Боюсь, что мы до конца не поймем друг друга. Другое дело — уже завершенное стихотворение, уже конкретно существующий факт. Он подлежит и поддается анализу.

Я опять промолчал. Поэт вдруг улыбнулся неожиданно и даже добродушно.

— А впрочем, все это высокая и сложная материя. Мы еще вернемся к нашей беседе, если хотите. Что же касается вашей тетрадки, то из четырнадцати стихотворений я два нашел вполне достойных. И будет очень хорошо, если вы с ними выступите на нашем вечере.

И он милостиво, почти как король, пожал мою руку. Потом после небольшой заминки добавил:

— Нет, в самом деле, вполне достойные стихи. Но вы должны писать лучше. Поэту подобает жить не тем, что он написал, а тем, что он напишет. И теперь давайте разберемся подробнее.

И с карандашом в руках прочел со мною всю мою тетрадь.

Я уходил со смутным и странным чувством. Все мое представление о поэтическом слове было перевернуто, смещено. За одной загадкой вставала другая. Все, что я писал до сих пор, показалось мне неверным, неточным, робким. И вместе с тем я не мог и не хотел до конца принять многие утверждения моего старшего собеседника, хотя и чувствовал справедливость некоторых его замечаний. Во всяком случае, я впервые усомнился в непогрешимости своей поэтической работы, и это было для меня началом новой, раскрывающей необычные горизонты дороги.

Я по-новому (в который уже раз!) стал читать всех своих любимых поэтов и с чувством необычайно радостного удивления убедился в том, что ни единая строка не потускнела от самого придирчивого, формального анализа. Пушкин остался тем же Пушкиным. Но я заметил в нем то, что раньше проходило мимо моего внимания, вполне удовлетворенного прямым смыслом поэтической речи. Что же касается «души», «чувства», то я тут остался непоколебимо при прежнем своем мнении. Только они и делают стихи стихами.

Наступил долгожданный день. К вечеру уже пустынный, проветренный от дневной пыли коридор начал наполняться непривычной публикой. В тусклом свете унылого ряда электрических лампочек, уходящих в бесконечность, прошли строгие сюртуки, вечерние дамские платья и те же студенческие тужурки — совсем как в театре или на вернисаже в Академии художеств. Было много и почтенных профессорских лиц, но преобладала молодежь. Все это направлялось к скромной аудитории романо-германского отделения и размещалось там на узких лекционных скамейках. Гул разговоров и приветствий не умолкал ни на минуту, как перед поднятием занавеса. За двумя сдвинутыми столами, покрытыми синим академическим сукном, неторопливо рассаживался президиум. Два огромных старинных шандала, может быть еще елизаветинских времен, озаряли мясистое, почти квадратное лицо профессора Петрова и членов студенческого жюри, среди которого учтиво наклонялся то в одну, то в другую сторону хохолок уже знакомого мне поэта. Левее его сидел бледный, во франтоватом костюме юноша с мертвенным, уже сильно немолодым лицом. Ярко выделялись его чуть подкрашенные губы и подстриженная челка. Глаза глядели по-рыбьи, невыразительно и мутно. Безвольная губа презрительно свисала, обнажая при улыбке желтоватые, источенные никотином зубы. Это был эстет и фланер, завсегдатай Невского проспекта, знаток старинной мебели и старомодных литографий, автор нескольких изысканно изданных стихотворных сборничков, содержанием своим напоминавших пестроту антикварного магазина. Рядом с ним непоседливо вертелся тщедушный человечек с огромным, перерезанным сетью морщин лбом. На его сухом левом мизинце горел старинный тяжелый перстень. Он аккуратно перебирал листы какого-то альбома, изредка поблескивая умными колючими глазками. Его юркость уравновешивалась соседством с монументальной спокойной фигурой М. Л. Лозинского,[48] добродушно поглядывавшего поверх пенсне на все еще шумную аудиторию. Это были члены поэтической корпорации, аккуратно выпускавшей тонкие стихотворные тетради, законодатели литературного вкуса, уже широко известные в эстетских кружках и салонах. Некоторая надменность позы, подчеркнутая корректность и равнодушие к окружающим были для них типичны. Держались они очень дружно, всегда обособленным кружком, и между ними обнаруживалось таинственное, почти масонское согласие.

Вечер начался. Строго, торжественно и монотонно читали стихи, отточенные и холодные, как узор оголенных веток на фоне бледно-зеленого осеннего неба. Поэты как бы гордились строгой простотой и хрупким изяществом логических построений. Каждый резкий поворот темы, каждая слишком подчеркнутая интонация прозвучали бы непристойной дерзостью. Порою казалось, что не слушаешь стихи, а разглядываешь собрание гравюр. Слова произносились веско и отчетливо. Более того, — почти высокомерно. И неумолимо между этой изысканной комнатной поэзией и той жизнью, которая текла где-то там, за университетскими окнами, вставала непреодолимая стена.

Мелькали исторические и мифологические наименования, развертывались экзотические пейзажи, вырисовывались необычайные исторические образы, и только изредка на пышном декоративном фоне, поражая неожиданностью, проходили естественные, почти разговорные интонации. Эти стихи чаще всего говорили о любви, но изысканной и капризной.

Уже немало было прочитано, приближалась моя очередь. Никогда, даже на самых строгих экзаменах, не чувствовал я себя более стесненно. Ощущение, близкое к страху, сжимало мне горло, и я едва услышал торжественно провозглашенную профессором Петровым свою фамилию. Совершенно не помню, что и как я читал. Но по неуловимому ощущению зрительного зала мне стало понятно, что стихи «дошли», и тогда словно гора свалилась с плеч. Я увидел и отдельные знакомые лица, и всю тесно наполненную аудиторию с низким сводчатым потолком. Уже без прежнего смущения пробрался я на свое место.

Вечер затянулся. Поэты читали без конца. Давно уже растаял лед первоначальной принужденности, живая перекрестная беседа разделила присутствующих на спорящие группы — говорилось о судьбах новой поэзии, о силе и значении поэтического слова, о недавнем докладе приват-доцента В. М. Жирмунского[49] «Преодолевшие символизм» и его остром, талантливом оппоненте Б. М. Эйхенбауме. Я слушал все как в тумане.

Впечатление, произведенное этим вечером, волнения и тревоги первого выступления перед публикой, естественно, остались в моей памяти надолго. Я тогда не в силах был отдать себе отчет в том, что это только эстетизм, мертвенный и бесплодный. Мне нравилась внешняя красивость образов, кажущаяся их точность и весомость, и с этой поры я начал внимательно следить с поэтами нашего университетского кружка за всей поэтической оппозицией символизму. Это так увлекало меня, что я, читавший и слышавший столько экзотических стихов, почти потерял чувство действительности и с большим трудом одолевал семестровые зачеты. Это время вспоминается мне как сон.

* *
*

Но жизнь все же брала свое. Окружавшая меня атмосфера способствовала обострению внимания к общественным и этическим вопросам. В университете совершались необычайные дела, нарушавшие монотонное течение академической жизни. В коридоре то тут, то там возникали группы. Все чаще из рук в руки переходили газетные листы. Страна жила напряженно, тревожно. Два года безрезультатной изнуряющей войны вызвали брожение недовольства даже в самых равнодушных и «благонадежных» кругах. Передавались глухие рассказы о чудовищных «подвигах» Распутина. Открыто поговаривали о немецкой ориентации императрицы, истерически вмешивавшейся в дела высшего командования. Начинались продовольственные затруднения в городах, деревня голодала...

Все это, конечно, отражалось в чуткой среде студенчества. Самые беспечные из нас жадно ловили каждую газетную новость. Интересы политического дня властно отодвигали в сторону и науку, и все другие занятия. Малейшие проявления недовольства царизмом встречали мы с нескрываемым восторгом. Даже робкие и почтительные думские запросы, не пропущенные в печать, становились широко известными по литографским оттискам.

Иногда по коридору во время шумного перерыва между лекциями суетливо пробегали «вестники» и чуть слышно бросали на ходу: «Коллеги, на сходку! В актовый зал!». Огромная толпа заполняла тогда гулкое белоколонное пространство. Из рук в руки переходили маленькие, слепо напечатанные на гектографе листовки. Несколько ораторов одновременно в разных концах зала произносили горячие речи. Оглушительно свистели «белоподкладочники», и кто-нибудь из них с бледным перекошенным лицом уже вертел ручку телефона в вестибюле, требуя немедленного соединения с полицейским участком. Растерянно бегало университетское начальство. Более смелые из профессоров демонстративно появлялись в студенческой толпе, встречаемые аплодисментами. Осторожные старцы благоразумно отсиживались в профессорской или спешно уезжали домой. По звонким каменным ступеням главной лестницы уже громыхали тяжелые сапоги запыхавшихся городовых. Студенческая масса высыпала в коридор и со сказочной быстротой растекалась по лестницам и аудиториям. Полицейские, как правило, хватали первых попавшихся им на глаза. Но позднее начинались и «сознательные» аресты по указанию доморощенных и профессиональных доносчиков — чаще всего из той же «белоподкладочной», монархически настроеной среды.

На следующее утро университет представлял унылую картину. В подъезде за столиком сидел околоточный надзиратель и сверлил глазами каждого проходящего мимо студента. Во всю длину коридора, почти у каждого окна, торчали внушительные фигуры городовых в бе-

лых питяных перчатках. Аудитории пустовали наполовину, профессора вели занятия приглушенным сердитым голосом. Чувствовалась общая неловкость и раздражение. А на первой скамейке маячила унылая фигура в мышиного цвета полицейской шинели и делала вид, что внимательно слушает лекцию.

Общая еле сдерживаемая неприязнь к полиции все же нередко прорывалась наружу. Запомнилось мне одно из занятий профессора М. А. Рейснера. Он читал на юридическом факультете «Гражданское право», но слушать его прославленное красноречие приходили и словесники. Видя торчащую перед глазами полицейскую шинель, профессор вел свою речь примерно так:

— Теория государственного права, согласуя свои основные догматы с передовыми достижениями философской мысли, — что для вас, господин пристав, вряд ли представляет интерес, — пыталась построить кардинальные выводы юридической практики из принципа согласования понятия «свободной воли» с насущными потребностями данной общественной структуры. Гносеологические предпосылки, — вам, господин пристав, безусловно чуждые, — обрекали юридическую мысль идеологов буржуазии на такое понимание потребностей общества, которое не могло не наложить тяжелых правовых ограничений на плечи неимущего населения. Институт капиталистической собственности, — вам, господин пристав, безусловно близко знакомый, — мог торжествовать кратковременную, и я бы сказал, сомнительную победу.

И т. д. и т. д. Не проходило и десяти минут, как пристав, красный как помидор, придерживая шашку, выскакивал из аудитории, провожаемый дружным студенческим хохотом.

Весной 1916 года университет все чаще и чаще прерывал нормальные занятия. Аудитории пустовали, зато коридор жил непрерывным гулом спорящих голосов. Студенческая среда кипела и клокотала, разнося вести о том или ином рабочем выступлении на Выборгской стороне или за Нарвскими воротами, о разгоне полицией хлебных очередей, о беспрестанных арестах. И вот тогда в качестве одной из мер «пресечения» университетских брожений царское правительство отменило узаконенные раньше академические льготы и объявило досрочный призыв первых трех курсов в армию.

Каждый день на доске факультетских объявлений вывешивались длинные списки студентов, подлежащих призыву. В тусклый дождливый день я прочел и свое имя.

В просторной аудитории физико-математического факультета около наспех поставленных столов перед военными писарями вытянулись длинные очереди. Как правило, «словесников» направляли в петергофские и ораниенбаумские пехотные школы прапорщиков, откуда, пройдя четырехмесячный курс обучения и получив золотые погоны с одной звездочкой, им надлежало с первой же маршевой ротой ехать на фронт.

По счастливой случайности равнодушная рука писаря механически занесла меня в графу «технических войск», и это дало мне возможность проходить военное обучение в гарнизоне Петрограда.

Через два дня, бросив прощальный взгляд на осиротевшие книги рабочего стола, я вместе с двумя-тремя товарищами по новой судьбе зашагал улицами родного города к тощему саду Инженерного замка. Там вручили мне соответствующую бумажку, на которой стало известно, что я зачислен рядовым на правах вольноопределяющегося в команду молодых солдат Запасного электротехнического батальона. Так закончился первый период моей университетской жизни. К сводчатым аудиториям историко-филологического факультета я вернулся много позднее, оставив за собою скитальческие годы империалистической и гражданской войны. Но университет в те дни был уже иным, как была иной и вся наша великая страна.

К. Г. Аршавский

ПУТЬ К ОКТЯБРЮ

Когда я вспоминаю 1914 год, в моей памяти возникает набережная Невы, здание университета. С глубоким волнением переступил я порог здания. Было каникулярное время. Тишина и прохлада царили в огромном помещении, гулко звучали шаги в бесконечном коридоре, проходившем через все здание. <...>

Какое чудесное время — юность! Позади тихий, глухой, провинциальный Иркутск, гимназическая нудная муштра, зубрежка, ханжеские поповские проповеди.

Но помнится и другое. Первый нелегальный ученический кружок. Страстные споры. Общение с политическими ссыльными... Стихи Некрасова, романы Тургенева, Горький <...>

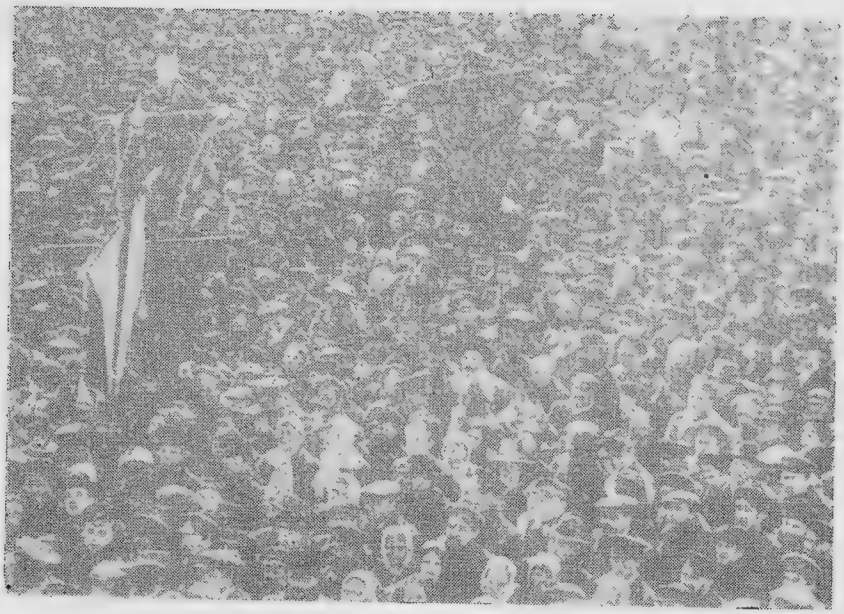
Мы увлекались не только литературой. Наука своим чистым, ясным светом познания озаряла нашу юность. И вот уже в кружке читаются рефераты о Дарвине, Марксе. <...>

Нас влекло туда — «на простор, открытый бешенству ветров». Волна нового подъема рабочего движения после ленского расстрела, выход «Правды», читка нелегальных партийных изданий — все это волновало, заставляло крепко задумываться. От смутных поисков «правды жизни» мы приходили к ясному и четкому жизненному пути: в рядах партии рабочего класса бороться за великое дело освобождения родины, за светлые идеи коммунизма...

С таким умственным багажом переступал я тогда порог университета. И, конечно, я не обольщал себя тем, что встречу здесь единую, дружную, революционную семью. Глубокое классовое расслоение разделяло студентов в те годы. Но все же вольная студенческая семья манила к себе.

А главное: ведь это был не просто университет. Это был Петербургский университет! Это был Петербург! Грозные, дымные рабочие предместья... Я был в городе, где выходила «Правда», где вели героическую борьбу с самодержавием наши рабочие депутаты. Помню, как мы в далекой сибирской провинции зачитывались «Правдой». Мы знали все крупные заводы Петербурга, а названия — «Новый Лесснер», «Айваз», «Путиловский»[1] звучали для нас чудесной музыкой.

Но тогда мечты мои не осуществились. Помешала война. Лишь через два с лишним года я попал в Петербург. И опять я встретился с университетом. Здесь учились многие наши сибиряки-кружковцы. Они группировались вокруг сибирского землячества и кружка по



Митинг рабочих и студентов в феврале 1917 г.

изучению политэкономии профессора Святловского.[2] Здесь шли горячие споры. Одолжив у друзей студенческую фуражку и тужурку, я часто приходил сюда...

Разложение царской России, поражения на фронте, голод, дыхание надвигающейся революции чувствовались во всем. Демократическое студенчество начинало подниматься на открытую политическую борьбу. Помню огромный митинг-массовку в Психоневрологическом институте, куда меня привели наши студенты-партийцы. Мне, нелегалу, еще неизвестному шпикам, удалось выступить, поднявшись на плечи окружающих товарищей.

Утром 24 февраля 1917 года я вышел на улицу и увидел, что у булочной напротив собралась огромная толпа. Булочная была закрыта. Из толпы неслись крики: «Спекулянты припрятывают хлеб, ломай ставни!». Я вскочил на уличную тумбу и стал говорить о том, что надо не булочные громить, а кончать с проклятой войной и царем. И вдруг вдали послышался нарастающий гул. Это поднялись вулкановские рабочие.[3]

Громовое пение революционных песен! Взметнулось красное знамя! Мы двинулись на Васильевский остров. Вот и Гавань, где находились самые крупные заводы. Но тут на нас обрушились густые цепи

Группа студентов-милиционеров Петербургского университета в дни Февральской революции

городовых. На меня из толпы бросился шпик. Так я очутился в лапах врагов.

27 февраля, утром, у дверей тюремной камеры я услышал звон оружия, двери распахнулись. Везде солдаты с красными бантами и повязками, вооруженные рабочие.

— Товарищи! Выходите! Свобода!

Могучее восстание рабочих и солдат смело царскую власть. Ослепленный ярким солнечным светом после темной тюремной камеры, я стоял на улице. И первый, кого я увидел, был мой друг, студент университета Парняков, вооруженный отобранной у городового саблей-«селедкой» и огромным револьвером «Смит и Вессон». Во главе отряда студенческой революционной милиции он вел арестованных «фараонов». Я присоединился к ним.

Дальше память не сохранила последовательности событий. Шли бесконечные митинги. Рабочие и солдатские массы освобождались от соглашательского обмана и сплачивались вокруг ленинской большевистской партии. Революционное студенчество все дальше уходило в рабочие массы, неся на службу пролетарской революции свои знания. Октябрь застал меня и моих товарищей — студентов университета среди рабочих Васильевского острова...

В дни Октябрьской революции, когда буржуазная интеллигенция и служащие саботировали, когда нужны были грамотные, образованные люди, студенты отдавали свои знания делу рабочего класса, оказывали большую помощь революции, Советской власти <...>

КОММЕНТАРИИ

М. А. СИЛЬВИН

На революционной работе в Петербурге

Печатается по книге: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958, с. 22—135

Сильвин Михаил Александрович (1874—1955) — в революционном движении с 1891 г., один из организаторов первого марксистского кружка в Н. Новгороде, в 1893 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, стал членом социал-демократического кружка, в сентябре 1893 г. познакомился с В. И. Лениным, входил в руководящий центр петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В августе 1896 г. был арестован и в 1898 г. выслан на 3 года в Восточную Сибирь. В ссылке встречался с В. И. Лениным, летом 1899 г. подписал составленный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов против „Credo" экономистов». С 1901 г. — агент «Искры», в 1902 г. арестован, в 1904 г. сослан в Иркутскую губернию, откуда в августе того же года бежал за границу; был кооптирован в ЦК РСДРП. В 1905—1908 гг. работал в большевистских газетах, в 1908 г. отошел от политической деятельности и из партии выбыл. После Октябрьской революции работал в различных советских учреждениях, с 1932 г. — персональный пенсионер. Автор статей по истории петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и книги «Ленин в период зарождения партии» (Л., 1958). «Его воспоминания, изданные пока в небольшой части, дают яркую и весьма точную картину исторического прошлого» (Валк С. Н. Памяти М. А. Сильвина. — Ленинградский университет, 1955, № 23(932), 24 июня).

[1] Речь идет о «Кассе взаимопомощи студентов Петербургского университета», студенческой нелегальной организации 1895—1902 гг. «Касса» была связана с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», содействовала распространению марксизма в студенческой среде. В ее составе в разные годы было от 300 до 900 человек. В «Кассу» мог вступить любой студент. Возникший кружок посылал своего представителя в руководство «Кассы» — представительное собрание (См.: Былое, 1907, № 9(21), с. 85).

[2] *Лесгафт Петр Францевич* (1837—1909) — выдающийся педагог, анатом и врач. В 1861 г. окончил Медико-хирургическую академию. С 1868 г. профессор анатомии Казанского университета, откуда в 1871 г. был уволен за открытое выступление против университетской политики правительства. С 1886 г. — профессор Петербургского университета, который по тем же причинам вынужден был покинуть в 1897 г. В 1893 г. организовал в Петербурге Биологическую лабораторию. При ней в 1896 г. создал «Высшие научные курсы воспитательниц и руководительниц физического образования», закрытые властями в 1905 г. Тогда же организует Высшую вольную школу (с вечерними курсами для рабочих), закрытую в 1907 г. В 1886—1897 гг. — приват-доцент кафедры анатомии Петербургского университета (См.: Зайцевский И.

Слово о Лесгафте. — В кн.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I. Л., 1963, с. 166—172, 293—294).

[3] *Коновалов Дмитрий Петрович* (1856—1929) — химик, академик. Учился в Горном институте и Петербургском университете, где изучал химию у А. М. Бутлерова и Д. И. Менделеева. С 1882 г. — ассистент, в 1886—1907 гг. — профессор Петербургского университета, в 1908—1915 гг. — товарищ министра торговли и промышленности. В 1916—1918 гг. — профессор Петроградского Технологического института, позднее участвовал в восстановлении химической промышленности Украины. С 1922 г. — президент Главной палаты мер и весов и профессор Петроградского Технологического института, с 1923 г. — действительный член Академии наук СССР.

[4] *Сергеевич Василий Иванович* (1832—1910) — юрист, с 1872 г. — профессор кафедры истории права Петербургского университета, один из лидеров юридической школы в русской буржуазной историографии, в 1899 г. — ректор Петербургского университета, с 1905 г. — член Государственного совета.

[5] *Кареев Николай Иванович* (1850—1931) — историк. Подробнее см. его воспоминания и комментарий к ним на с. 101—106, 195—200.

[6] *Бартольд Василий Владимирович* (1869—1930) — востоковед, академик. Окончил Петербургский университет, с 1896 г. — приват-доцент, с 1901 г. — профессор. Автор более 400 научных работ по истории, географии, культуре и религии народов Ближнего и Среднего Востока; после Октябрьской революции участвовал в комиссии по переводу алфавитов многих народов СССР с арабской основы на латинскую. К 1896 г. В. В. Бартольд уже окончил университет и готовился к профессорскому званию.

[7] *Сережников Виктор Константинович* (1873—1944) — в 1897 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, в социал-демократическом движении с начала 1890-х годов. Организатор и участник первых марксистских кружков в России, член ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». После II съезда РСДРП — меньшевик. В 1920 г. вступил в РКП(б). Доктор философских наук, профессор Московского университета, автор одной из первых в СССР хрестоматий по диалектическому материализму.

[8] *Попов Л. Г., Стратанович Е. Д., Богданов Н. Ф.* — студенты Петербургского университета, в 1896 г. входили в руководящий центр «Союза борьбы». В 1893 г. они были членами кружка саморазвития в Петербургском университете, где изучали труды К. Маркса.

[9] Речь идет об Александре Ильиче Ульянове.

[10] *Красин Герман Борисович* — в 1893 г. участник марксистского кружка в Петербурге.

[11] *Старков Василий Васильевич* (1869—1925) — инженер-технолог, участник революционного движения с 1890 г. Входил в состав руководящего центра «Союза борьбы». Был арестован в ночь на 9 декабря 1895 г. одновременно с В. И. Лениным и выслан в Восточную Сибирь. В годы реакции отошел от революционного движения, но связей с партией не порывал. До 1920 г. работал директором электростанции в Москве, с 1921 г. — заместитель торгпреда СССР в Германии, умер в Берлине.

[12] *Кржижановский Глеб Максимилианович* (1872—1959) — деятель революционного движения, академик, Герой Социалистического Труда. Участник социал-демократического движения с 1891 г. Окончил Петербургский Технологический институт. Один из организаторов «Союза борьбы», арестован в декабре 1895 г. В советское время — председатель ГОЭЛРО, Госплана, вице-президент АН СССР, основатель и руководитель Энергетического института АН СССР. Автор песни «Вихри враждебные веют над нами».

[13] *Радченко Степан Иванович* (1869—1911) — окончил Технологический институт в Петербурге. В революционном движении с 1890 г., член руководящего центра «Союза борьбы», член ЦК, избранного I съездом РСДРП. Неоднократно арестовывался и ссылался. Отошел от революционного движения в конце 1905 г.

[14] *Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович)* (1873—1923) — студент Петербургского университета, член студенческого социал-демократического кружка. Выслан

в Вильно, по возвращении в 1895 г. участвовал в создании «Союза борьбы». Со II съезда РСДРП — лидер меньшевизма. В 1920 г. уехал за границу.

[15] *Ванеев Анатолий Александрович* (1872—1899) — социал-демократ. В 1893 г.— член марксистского кружка технологов, в 1895 г. вошел в центральное бюро «Союза борьбы». Умер в сибирской ссылке.

[16] *Дан (Гурвич) Федор Ильич* (1871—1946) — один из лидеров меньшевизма, публицист. Член петербургского «Союза борьбы». В сентябре 1903 г. примкнул к меньшевикам. В годы реакции — идеолог ликвидаторства. В 1922 г. выслан за границу за антисоветскую деятельность.

[17] *Шестопалов И. А.* — студент Лесного института, входил в руководящий центр «Союза борьбы», в 1896 г. был арестован, в 1897 г. сослан на три года.

[18] В декабре 1895 г. и в январе 1896 г. были произведены массовые аресты активных деятелей «Союза борьбы» во главе с В. И. Лениным.

[19] *Малченко Александр Леонтьевич* — инженер-технолог, член «Союза борьбы». В 1895 г. был арестован, в 1897 г. выслан на три года в Архангельскую губернию. Позднее оставил революционную работу.

[20] *Запорожец Петр Кузьмич* (1872—1905) — студент Петербургского Технологического института, участвовал под руководством В. И. Ленина в организации «Союза борьбы», арестован в 1895 г. и приговорен к пяти годам ссылки. В тюрьме заболел психическим расстройством и в психиатрической больнице умер от туберкулеза.

[21] *Ляховский Я. М.* — член «Союза борьбы», в 1896 г. арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь. Впоследствии от революционной работы отошел.

[22] *Шелгунов Василий Андреевич* (1867—1939) — рабочий, профессиональный революционер. Участник революционного движения с 1886 г., в 1893 г. познакомился с В. И. Лениным, член «Союза борьбы». Неоднократно арестовывался и ссылался. В 1912 г. был официальным издателем «Правды». В 1918—1920 гг. — на подпольной работе на Кубани, с 1924 г. — персональный пенсионер.

[23] *Меркулов Н. Е.* — организатор марксистских рабочих кружков, член «Союза борьбы», арестован в декабре 1895 г. и в 1897 г. сослан на три года в Архангельскую губернию.

[24] *Фишер Г. М.* (1871—1935) — рабочий-металлист, социал-демократ, арестован в 1894 г. и выслан на три года в Архангельскую губернию. В 1901 г. уехал в Англию, где участвовал в рабочем движении, в 1921 г. вернулся в СССР.

[25] *Кайзер И. И.* (1871—1920) — рабочий Ижорского завода, член «Союза борьбы». Арестован в декабре 1895 г. и в 1897 г. сослан на три года в Вологодскую губернию.

[26] *Фунтиков С.* — рабочий, был арестован в 1894 г. и сослан.

[27] *Гофман С. А.* — студент Петербургского университета, хранитель архива «Союза борьбы». В 1895—1896 гг. этот архив находился в квартире священника Зимнего дворца, сын которого, Н. Д. Соколов, сочувствовал марксистам.

[28] *Гольдман (Горев Б. И.)* — студент Петербургского университета, член «Союза борьбы», арестован в 1896 г. и сослан в Восточную Сибирь. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1907—1920 гг. — меньшевик. В 1920 г. вышел из меньшевистской партии.

[29] *Леман М. Н.* (1872—1923) — студент Петербургского университета. В 1896 г. входил в руководящий центр «Союза борьбы». В том же году был арестован. Активный «искровец». В годы реакции отошел от политической деятельности.

[30] *Тренюхин В. М.* — студент Института инженеров путей сообщения, член «Союза борьбы». Вскоре отошел от революционной работы.

[31] *Рябинин А. Н.* — член «Союза борьбы», студент Горного института.

[32] *Бальмонт Константин Дмитриевич* (1867—1942) — поэт-символист, сочувственно встретивший первую русскую революцию. После 1917 г. — эмигрант. Цитируемые М. А. Сильвиным строки — из стихотворения «Маленький султан». Автор воспоминаний не мог слышать этих стихов в 1896 г. — они были написаны по поводу расправы над демонстрацией студентов 4 марта 1901 г., очевидцем которой был поэт (См.: Бальмонт К. Д. Стихотворения. М., 1969, с. 470—471, комм. на с. 650—652).

[33] *Водовозов В. В.* (1864—1933) — экономист и публицист либерально-народнического направления. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

Водовозов Н. В. (1870—1896) — публицист, один из представителей «легального марксизма».

[34] *Туган-Барановский Михаил Иванович* (1865—1919) — буржуазный экономист, историк. С 1895 г. — приват-доцент Петербургского университета по кафедре политэкономии. Один из представителей «легального марксизма», в 1917—1918 гг. активный деятель буржуазной контрреволюции на Украине, министр Центральной рады.

[35] *Южаков Сергей Николаевич* (1849—1910) — социолог и публицист, один из идеологов либерального народничества.

[36] *Мальтус Т. Р.* (1766—1834) — английский экономист и священник, автор реакционной теории народонаселения, согласно которой население увеличивается в геометрической прогрессии, а средства существования — в арифметической, что ведет к «абсолютному перенаселению».

[37] *Филиппов Михаил Михайлович* (1858—1903) — философ и литератор, близкий к «легальным марксистам». В 1894 г. основал журнал «Научное обозрение», выходивший до 1904 г. В этом журнале было напечатано несколько статей В. И. Ленина.

[38] *Скворцов П. Н.* — статистик, «легальный марксист».

[39] *Плеханов Георгий Валентинович* (1856—1918) — теоретик и пропагандист марксизма, деятель российского и международного рабочего и социалистического движения, создатель и руководитель первой российской марксистской организации — группы «Освобождение труда» (1883). Издания группы «Освобождение труда» начиная с 1880-х годов широко распространялись в среде демократического студенчества Петербургского университета (См.: Жуйкова Р. Г. Революционные студенческие кружки Санкт-Петербургского университета 80-х годов XIX века. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. II. Л., 1968, с. 47, 49).

[40] *Воронцов Василий Павлович* (лит. псевдоним — В. В.) (1847—1918) — экономист, социолог и публицист, либеральный народник. В 90-х годах вел резкую борьбу против русских марксистов.

В. Ф. МИТКЕВИЧ

Демонстрация первой радиотелеграфной установки

Печатается по первой публикации в журнале «Вестник связи», Серия «Электросвязь», 1945, № 5, с. 8.

Миткевич Владимир Федорович (1872—1951) — советский электротехник, академик. В 1895 г. окончил Петербургский университет, преподавал в Горном и Политехническом институтах, с 1938 г. работал в учреждениях АН СССР. Основные труды посвящены изучению электромагнитных явлений, проблем проводной и беспроводной связи. (См.: Электричество, 1972, № 8).

[1] Русское физико-химическое общество создано в 1868 г. решением химической секции Первого съезда естествоиспытателей. В 1869 г. стали издавать журнал общества. Первый его председатель — Н. Н. Зинин, редактор журнала с 1869 по 1900 г. — Н. А. Меншуткин, следующие 45 лет журнал редактировал А. Е. Фаворский.

[2] *Попов Александр Степанович* (1859—1906). В 1882 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета и был оставлен «для приготовления к экзамену на степень магистра физики без стипендии». Последнее обстоятельство вынудило А. С. Попова, уже семейного человека, занять место ассистента в Минном офицерском классе в Кронштадте. В 1883—1901 гг. он преподавал физику и электротехнику в Минном офицерском классе и Техническом училище морского ведомства в Кронштадте (1890—1900 гг.). С 1901 г. — профессор физики, с 1905 г. — директор Петербургского электротехнического института.

7 мая (25 апреля) 1895 г. на заседании физического отделения Русского физико-химического общества сделал доклад об изобретенной им системе связи без проводов и продемонстрировал ее работу. См.: Журнал Русского физико-химического общества, 1895, т. 27, вып. 8, часть физическая; там же, 1896, т. 28, вып. 1, часть физическая. Приемник и грозоотметчик Попова хранятся в Центральном музее связи в Ленинграде.

[3] На стене здания лаборатории установлена мемориальная доска: «Здесь 24(12) марта 1896 г. была принята А. С. Поповым на изобретенном им приборе первая радиограмма».

[4] Здание Научно-исследовательского химического института Ленинградского университета.

[5] *Рыбкин Петр Николаевич* (1864—1948) — ассистент Попова в Минном офицерском классе. Принимал участие во всех его начинаниях, активный популяризатор радио.

[6] *Хвольсон Орест Данилович* (1852—1934) — советский физик, почетный член АН СССР. Окончил Петербургский университет в 1873 г., с 1876 г. около 60 лет преподавал в нем, профессор с 1891 г. Основные труды написаны по электричеству, магнетизму, фотометрии, актинометрии.

Боргман Иван Иванович (1849—1914) — физик, заслуженный профессор Петербургского университета. Боргман вследствие болезни Ф. Ф. Петрушевского председательствовал на историческом заседании 7 мая (25 апреля) 1895 г. Физического отделения Русского физико-химического общества, где Попов выступил с докладом «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям». Активно содействовал Попову в утверждении его изобретательского приоритета. Осенью 1905 г., после представления университетам так называемой «автономии», стал первым выборным ректором университета.

Садовский Александр Иванович — профессор Рижского политехнического института.

Лебединский Владимир Константинович (1868—1937) — один из пионеров теоретической электротехники в России.

Шателен Михаил Андреевич (1866—1957) — советский электротехник, член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда. Окончил Петербургский университет в 1888 г., преподавал с 1891 г. С 1893 г. — профессор Электротехнического института, профессор Политехнического института в Петербурге в 1901—1957 гг. С 1929 г. — президент Главной палаты мер и весов. Основные труды по общим вопросам электротехники, светотехники, метрологии и истории техники.

Гершун Александр Львович (1868—1915) — русский физик, окончил Петербургский университет в 1890 г., преподавал в 1890—1902 гг., с 1902 — профессор Артиллерийского класса в Кронштадте, где заведовал кафедрой физики. Основные труды посвящены технической оптике. Принимал активное участие в защите приоритета Попова.

В тексте, вероятно, ошибочно указан А. А. Гершун. Андрей Александрович Гершун родился в 1903 г. А. Л. Гершун вел протокол заседания 24(12) марта 1896 г.

Любославский Геннадий Андреевич (1860—1915) — русский метеоролог. В 1882 г. окончил Петербургский университет, с 1903 г. — профессор Лесного института.

Георгиевский Николай Николаевич (1864—1940) — профессор Технологического института имени Ленсовета. С А. С. Поповым его связывали дружеские отношения по совместной работе в Минном офицерском классе в 1890—1894 гг.

Смирнов Николай Александрович (1864—1941) — преподаватель физики в Минном офицерском классе.

Скобельцын Владимир Владимирович (1863—1947) — в 1882 г. поступил и в 1888 г. окончил Петербургский университет. С 1890 г. — лаборант на кафедре физики. Преподавал в Электротехническом и Институте гражданских инженеров. В 1901 г. в связи со студенческими беспорядками, уволен из обоих институтов. В 1906—1947 гг. работал в Политехническом и Электротехническом институтах.

Булгаков Николай Александрович (1867—?) — профессор кафедры общей физики Петербургского университета.

Егоров Николай Григорьевич (1849—1919) — русский физик. Окончил Петербургский университет в 1870 г. В 1884—1900 — профессор Военно-медицинской академии. с 1907 г. — управляющий Главной палатой мер и весов. Основные работы — по спектроскопии.

Петрушевский Федор Фомич (1828—1904) — заслуженный профессор Петербургского университета, основатель и многолетний председатель Физического отделения Русского физико-химического общества. В. К. Лебединский вспоминал: «Физический кабинет находился в старинном кирпичном здании петровской постройки на дворе университета, называвшемся „Же-де-пом". Кабинет этот состоял, строго говоря, из одной залы, отведенной для студенческих практических работ; угол, отгороженный шкапами, а также тесные, скрипучие антресоли, пристроенные в нескольких местах, были предназначены для самостоятельных исследований преподавателей и оставленных при университете молодых людей.

Во главе кафедры состоял Ф. Ф. Петрушевский, первый признавший в Петербургском университете необходимость физического практикума для студентов, автор „Курса физики", по которому мы готовились к экзамену. Это был всеми уважаемый человек, долголетний председатель Физического общества, интересовавшийся магнитами, которые он понимал в каком-то отвлеченном, геометрическом, „немецком" виде, но не могший уже руководить начинающими учеными. В этом отношении, гораздо большее впечатление оставалось от лекций молодого профессора И. И. Боргмана, живо интересовавшегося фарадеевской и вообще английской физикой и горячо стремившегося увлечь студентов к максвелловской электромагнитной теории света.

Лабораторную учебу вел В. В. Лермантов, большой мастер своего дела. Человек, по тогдашним временам независимый, обладавший состоянием, он необыкновенно оригинально организовал свое специальное образование; любитель науки, изучивший физический эксперимент в заграничных лабораториях, он в то же время до тонкости понимал столярное, слесарное и сапожное мастерство.

Остальные преподаватели: П. П. Фандерфлит, имевший мало отношения к математикам, вечно искавший дополнений к своей механической картине электрического тока (предвестие электронной теории); Н. Г. Егоров, влюбленный в оптику французской школы; О. Д. Хвольсон был тогда едва лишь начинавшим преподавателем.

Что касается до чистых математиков того времени, то, если резко выразиться, можно сказать, что они были оторваны от физики. Математической физики в ту эпоху в Петербургском университете не существовало. Это явление, ставившее молодых физиков в тяжелое положение, явление, против которого вопияла уже сама жизнь, приводя и к слезам и к разбитым карьерам, впервые было понято независимым умом Лермантова. Но не пришло еще тогда время, и его выступление в факультете не достигло своей цели.

Если Ф. Ф. Петрушевский импонировал научным видом, давал то настроение, которое испытываешь, проходя через благородный портал, если И. И. Боргман начинал приучать к содержанию науки об электромагнетизме, то В. В. Лермантов помог дотронуться до самих явлений и даже приучал делать практические выводы: это было особенно важно для такого человека, каким был А. С. Попов». (Александр Степанович Попов в характеристиках и воспоминаниях современников. М.; Л., 1958, с. 159—161).

[7] *Герц (Херц) Генрих Рудольф* (1857—1894) — немецкий физик, один из основателей электродинамики. Его работы в этой области обусловили возникновение беспроволочной телеграфии, радиосвязи, телевидения, радиолокации и т. д.

П. Н. Рыбкин 24(12) марта 1896 г. передал текст "Heinrich Herz". О. Д. Хвольсон вспоминал, что текст был передан латинскими буквами (Александр Степанович Попов в характеристиках.., с. 215).

В. И. КАЧАЛОВ

Студенты — любители сцены

Печатается по первой публикации в «Литературной газете» 4 октября 1935 г.

Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875—1948) — актер, народный артист СССР (1936 г.). В 1893—1897 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета. Будучи студентом, участвовал в драматическом кружке, руководимом В. Н. Давыдовым. С 1900 г. — в труппе Московского Художественного театра.

[1] *Радин (Казанков) Николай Мариусович* (1872—1935) — актер, заслуженный артист РСФСР (1925 г.). Окончил юридический факультет Петербургского университета в 1900 г., выступал в любительских студенческих спектаклях.

[2] *Михайловский Николай Николаевич* (1874—1923) — русский актер и антрепренер. Сын публициста-народника Н. К. Михайловского (см. ниже). В 1899 г. с труппой артистов Александринского театра ездил на гастроли в Варшаву. В том же году был принят в Московский Художественный театр, где работал до 1901 г. С 1910 г. занимался антрепренерской деятельностью.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — один из теоретиков народничества, публицист, социолог, литературный критик. Сотрудник, затем один из редакторов журнала «Отечественные записки», один из редакторов журнала «Русское богатство». Михайловский пользовался широкой популярностью в демократических и революционных кругах. В 90-е годы пытался полемизировать с русскими марксистами и подвергся резкой критике со стороны В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Критикуя ошибки Михайловского, В. И. Ленин тем не менее в целом высоко оценивал его деятельность и отмечал исторические заслуги Михайловского перед освободительным движением (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 336). Похороны Михайловского приняли характер манифестации, в которой участвовали демократически настроенные профессора и студенты Петербургского университета.

[3] *Гайдебуров Павел Павлович* (1877—1960) — режиссер, театральный деятель, народный артист РСФСР (1940 г.).

[4] *Боянус Семен Карлович* (1871—?) — профессор, филолог, специалист в области германских языков.

[5] *Давыдов Владимир Николаевич* (1849—1925) — актер, народный артист РСФСР.

[6] *Кугель Александр Рафаилович* (1864—1928) — театральный критик. В 1886 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1897—1918 гг. редактировал журнал «Театр и искусство». В дореволюционные годы — пропагандист аполитичности искусства, пытался критиковать «натурализм» Художественного театра, одним из корифеев которого стал В. И. Качалов.

[7] Летом 1895 г. молодежь Александринского театра играла несколько спектаклей в Мартышкине. Был приглашен и Качалов, его даже называли «Мартышкиным гастролером» (Качалов В. И. Сборник статей, воспоминаний, писем. М., 1954, с. 27).

С. Г. СТРУМИЛИН

Из пережитого

Печатается по первой публикации по книге:
Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897—1917 гг.
М., 1957, с. 68—70.

Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) *Станислав Густавович* (1877—1974) — социал-демократ, впоследствии видный советский экономист и статистик, академик. В революционном движении принимал участие с 1897 г. В 1899 г. входил в Петер-

бургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», неоднократно подвергался арестам и ссылке. В 1905 г. и позднее работал в Петербурге в меньшевистских организациях, занимал примиренческую позицию. В 1906 и 1907 гг. был делегатом IV и V съездов РСДРП, на IV съезде РСДРП выступал с особым мнением по аграрному вопросу, отрицая необходимость аграрной программы вообще; по ряду принципиальных вопросов голосовал с большевиками. После Октябрьской социалистической революции отошел от меньшевиков, с 1923 года — член КПСС. Работал в Госплане СССР (1921—1937; 1943—1951), в Академии наук СССР, вел преподавательскую работу в Московском университете и других вузах. Автор многих научных трудов и статей, посвященных социалистическому планированию, истории народного хозяйства СССР, статистике и другим вопросам.

[1] В 1899 г. С. Г. Струмилин учился в Петербургском Электротехническом институте.

[2] В Ленинградском отделении архива АН СССР в фонде академика А. С. Фаминцына (ф. 39, оп. I, ед. хр. 65. Материалы, относящиеся к студенческим волнениям в Санкт-Петербургском университете, лл. 68—79) находятся копии свидетельских показаний об избиении полицией студентов в день ежегодного торжественного университетского акта 8 февраля 1899 г.

Ниже приводятся фрагменты этих показаний, дающие выразительную картину событий. Они принадлежат частью студентам, частью, как это видно из текста, случайным свидетелям и жертвам полицейского произвола. В соответствии с текстом источника, имена опущены, вместо этого указан номер, под которым показания и значатся. Пунктуация изменена в соответствии с современными нормами.

«8 февраля я отправился со своей женой на акт университета, но, опоздав, подошел к дверям, когда студенты уже расходились по окончании акта — расходились медленно, идя исключительно по тротуару и против обыкновения, по заранее установленному соглашению, без пения. Полиция без всякого видимого на то повода перегородила отрядом конных городовых Университетскую набережную от подъезда Академии наук до гранита у воды и таким образом закрыла дорогу на Дворцовый мост. <...> На некотором интервале от первой линии кордона выстроилась вторая линия конных городовых, а далее высшие полицейские чины, точно ожидался натиск — прорыв первой линии! Лед переходов на Английскую набережную оказался заблаговременно перерубленным, а возле памятника Импер. Петру I видна была опять полиция, закрывшая переход от Акад. Художеств к Сенату». (№ 11)

«8 февраля после окончания акта я направилась к Дворцовому мосту. На пути из всех углов выходили городовые: пешие и конные. Студенты шли спокойно, разговаривая между собою, и, без сомнения, было страшно видеть такой наплыв полиции, якобы совершающей облаву. Студенты продолжали свой путь, но в это время подъехал конный полицейский офицер, и без всякого повода со стороны студентов стали приглашать их к порядку. К моему крайнему удивлению я увидела, что этот полицейский офицер вынул из голенища кнут, и я ясно слышала его слова: „Вот еще что для вас припасено"». (№ 33)

«Я, студент С[анкт]-П[етербургского] Университета, сим утверждаю, что 8 февраля 1899 г. подвергся грубому обращению конной полиции <...> Не будучи пущен по Дворцовому мосту, я в числе многих других студентов отправился обходом через Николаевский мост. Спустя некоторое время, я увидел несущийся на студентов отряд конной полиции, который бросился врассыпную на студентов с нагайками в руках. Я принужден был броситься в сторону Румянцевского сквера и здесь был притиснут всадником к самой ограде, причем шпорой была оторвана из моего пальто узкая лента сукна. Избегая дальнейших насилий, я влез на ограду, чтобы перепрыгнуть через нее и быть вне опасности, но в это время налетевший на меня вторично всадник с такой силой нанес мне удар нагайкой по спине, что я свалился с ограды в сугроб снега, едва помня себя». (№ 25)

«Городовые вытащили нагайки и, разогнав лошадей, бросились на толпу. Толпа состояла не только из студентов, но и из женщин, детей и стариков <...> Остервенение городовых дошло до того, что они поскакали на панель, последнее убежище

избиваемых, били со страшной злобой. Несколько человек упало под ноги лошадей; били лежащих и убегавших». (№ 16)

«На первой линии было очень небольшое количество публики. Вдруг несколько конных полицейских заехали в первую линию и начали бить всех не разбирая <...> Одна женщина получила удар нагайкой по голове и упала под ноги лошадям. На меня наскочил один полицейский, но почему-то раздумал бить и присоединился к другому, который с каким-то зверским ожесточением бил студента за два шага от меня; они начали его истязать вдвоем. Посредине улицы остановилась конка, в которой искала спасения публика и студенты, но полицейские бросились и на них. Один студент, не успевший попасть в конку, подвергся страшному избиению, хотя он стоял и не шевелился даже пока его бил полицейский. Избивались не только студенты, но вся публика, причем не щадились ни женщины, ни дети. Я видел ребенка, который попал под руку полицейскому и получил удар». (№ 20)

«Считаю не лишним заявить, что пострадали не только студенты, но и посторонние лица, даже женщины, а также упомянуть о том, что полицейский офицер собственноручно бил нагайкой усерднее многих из своих подчиненных». (№ 23)

«Я видел, как сбили с ног лошадьми старика, как один городовой бил нагайкой студента, прислонившегося к фонарному столбу, закрывая голову руками; другой ударил находившуюся случайно женщину; третий ехал вдоль решетки Румянцевского сквера, к которой прижалась задержанная публика и студенты, и бил всех без разбора. 6 конных городовых, загнав в проулок с другой стороны сквера кучку людей, били их нагайками». (№ 24)

«Для того, чтобы нам не пострадать, мы заранее отошли в сторону и стали у забора Румянцевского сквера — возле нас было всего несколько человек студентов... Тем не менее на нашу сторону бросились всадники и, вскочив на панель, стали бить нагайками. У кого хватило ловкости и сил, тот перелезал через высокий забор и бросался в снег, покрывающий сквер; другие, чтобы не быть раздавленными, вскакивали на парапет забора. Несколько конных городовых, подскакав к забору и остановив лошадей, принялись бить нагайками поочередно стоявших на заборе — так один замахнулся на жену прив.-доц. Каракаш, стоявшую возле меня, и когда она закричала, а я поднял руку, то сам получил удар по плечу. За мной получил удар мой сосед, и т. д. Моя жена, три студента и маленький гимназист бросились бежать по Первой линии. Некоторое время их по тротуару преследовали двое конных городовых, из которых один, догнав студента, ударил его по шее нагайкой. Большинство студентов бросились на лед Невы и хотя несколько городовых сделали попытку их преследовать и там, но, проскакав по спуску, не решились вскочить на лед, чтоб продолжить свою расправу» (№ 11)

[3] Летом 1896 г. три недели продолжалась забастовка текстильщиков, которую В. И. Ленин назвал «петербургской промышленной» войной (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 29). Поводом послужил отказ предпринимателей оплатить рабочим три дня коронационных торжеств по случаю восшествия на престол Николая II. Стачка охватила около 30 тыс. текстильщиков. Одним из главных требований было требование сокращения рабочего дня с 13 до 10,5 часа. Пообещав сделать это до 1 января 1897 г., правительство слово не сдержало. Вспыхнувшие в начале 1897 г. новые забастовки вынудили самодержавие отступить, в июне 1897 г. был издан закон о сокращении рабочего дня до 10,5 часа и установлении праздничного отдыха. Значение нового закона В. И. Ленин видел в том, что он явился «вынужденной уступкой правительства, что он *отвоеван* у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 300).

[4] Для «исследования причин и обстоятельств» беспорядков в учебных заведениях была назначена специальная комиссия под председательством генерала П. С. Ванновского.

Ванновский Петр Семенович (1822—1904) — в 1881—1898 гг. военный министр. 20 февраля 1899 г. он был назначен председателем комиссии по расследованию причин студенческих беспорядков, а в 1901—1902 гг. возглавлял министерство народного просвещения. Сам факт создания комиссии большинство студентов расценило как первый успех забастовки. Забастовочное движение пошло на спад. Было созвано

особое совещание министров, и 29 июля 1899 г. Николай II утвердил выработанные этим совещанием «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков». Впервые «Временные правила» были применены в 1901 г. 10 января 1901 г. «Правительственный вестник» объявил об отдаче в солдаты 183-х студентов Киевского университета. (Подробнее см.: Георгиева Н. Г. Советская историография студенческого движения в России на рубеже XIX—XX вв. — Вопросы истории, 1979, № 10, с. 129—130.) Любопытную оценку деятельности Ванновского дает Н. И. Иорданский: «Старый генерал, верный слуга трех императоров, человек с твердым характером, ясными желаниями, по прихоти истории сыграл видную роль в процессе революционного пробуждения демократической мысли. Случай свел его со студентами тогда, когда он изжил честолюбивые стремления и сильные страсти, когда он пережил себя, как политического деятеля и оставался только «честною шпагою», офицером старой дворянской армии с ее понятиями о чести и верности. Поэтому он мог взглянуть на вещи, поскольку их сущность была для него доступна, с точки зрения грубоватой, но прямодушной солдатской морали. Нагаечная атака претила его душе, как бесславная расправа; провокация и шпионство возмущали потому, что они марали честь студенческого мундира; политические извороты департамента полиции раздражали бюрократической канителью и подленькой вороватостью его солдатский ум, привыкший мыслить и действовать напролом. Взявшись расследовать незначительный случай, одно из маленьких безобразий абсолютистского механизма, Ванновский подошел к нему без задних мыслей и посторонних соображений. Поэтому ему удалось увидеть дело в более или менее правильном освещении. Но малейшая попытка тронуть самый ничтожный винт государственной машины, заставила заскрипеть и задвигаться весь безобразный механизм, чтобы отбросить дерзкого нарушителя векового строя. Ванновский показал эту картину встревоженного и злобного улья полицейского государства молодому поколению.

Молодое поколение сумело разгадать, в чем секрет полицейско-государственного механизма. Не только академическое, но и либерально-оппозиционное студенческое движение были убиты сердечным попечением Ванновского. Студенчество после небольших колебаний круто повернуло налево и быстро пошло революционным путем (Былое, 1907, № 9(21), с. 130—131).

[5] *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870—1920) — один из основателей черносотенного «Союза русского народа», а после его распада — «Союза Михаила Архангела» (см. с. 189, прим. 3). С его помощью в октябре 1908 г. в Петербурге был создан «Союз академистов». В университете отделение Союза получило название «Русская академическая корпорация Петербургского университета», отделение издавало «Вестник студенческой жизни». По мере развития революции, а затем наступления реакции «академисты» все ближе смыкались с черносотенцами, пользуясь всемерной поддержкой властей. В ноябре 1909 г. был открыт Городской клуб академистов, а городская управа приняла решение замещать должности в городских учреждениях только студентами-«академистами». В 1910 г. лидеры «академистов» были демонстративно приняты П. А. Столыпиным и Николаем II. Но среди студенчества «академизм» влиянием не пользовался. (См.: Яковлев В. П. Студенчество российских университетов в годы реакции (1907—1911). — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976, с. 48—55).

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

Встречи с Толстым

Печатается по первой публикации в журнале «Новый мир», 1928, № 9, с. 210—212.

Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — историк и литературовед. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1899 г. за участие в студенческих беспорядках выслан из Петербурга в Вологду. Его первые ис-

следования посвящены декабристам. За издание журнала «Былое» в 1907 г. арестован и более двух лет находился в Петропавловской крепости. Выдающийся знаток творчества А. С. Пушкина. Один из основателей Музея Революции в Ленинграде.

[1] *Салтыков Сергей Николаевич* — активный участник забастовки 1899 г., был делегирован в Москву, где рассказал о событиях в Петербурге другу Л. Н. Толстого — И. И. Горбунову-Посадову. Толстой захотел услышать рассказ Салтыкова лично и дважды, вероятно, 13 и 14 февраля Салтыков встречался с великим писателем. По возвращении в Петербург был арестован и выслан. В 1907 г. — депутат II Государственной думы, социал-демократ. Редактировал журнал «Русский экономист», книгоиздатель. По процессу социал-демократической фракции II Государственной думы был осужден на пять, а не на шесть, как у мемуариста, лет каторги.

[2] В черновом письме к А. С. Суворину от 8 марта 1899 г. Н. М. Ежов сообщал: «Толстой решительно стоит „за студентов". Стачку учащейся молодежи он считает чем-то очень хорошим и даже разумным. Он говорит, что вступиться за обиженных — подвиг. «Я же, — говорил Толстой, — по правде сказать, всегда твержу: уходите из современного университета, потому что он неудовлетворителен. О студенческой же стачке опять и опять скажу: это прекрасное дело. Самая стачка совершалась без насилия, что главное». (Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. М., 1960, с. 315).

[3] 20 февраля Л. Н. Толстой получил письмо от С. Н. Салтыкова с просьбой «дать публичный свой отзыв» о студенческом движении. 21 февраля Толстой записал в дневнике: «Студенческая стачка. Они всё меня втягивают. Я советую им держаться пассивно, но писать письма им не имею охоты». (Гусев Н. Н. Указ. соч., с. 313).

[4] Визит датируется серединой марта, до 18 марта 1899 г.

[5] Подробнее об отношении Л. Н. Толстого к студенческим забастовкам 1899 и 1901 гг. см.: Шохор-Троцкий К. Толстой и студенческое движение 1899 г. — «Литературное наследство», 1939, № 37—38, с. 651—665.

[6] *Чичерин Борис Николаевич* (1828—1904) — историк, теоретик государства и права, публицист, философ, с середины 1850 г. один из лидеров либерально-западнического крыла в русском общественном движении. Один из основателей государственной школы в русской историографии. Его политический принцип: «либеральные меры и сильная власть». В конце жизни пытался критиковать материализм и марксизм.

[7] Л. Н. Толстой, по свидетельствам современников, не любил расспросов о его работе. В описываемое время он работал над романом «Воскресение».

Л. А. СОБОЛЕВ

Воспоминания студента-солдата

Печатается по тексту первой публикации
в журнале «Былое», 1906, № 5, с. 161—181

Соболев Лев Александрович (1881—?) — участник студенческого движения накануне первой русской революции. В 1899 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, в 1901 г. отдан в солдаты на основании Временных правил 1899 г. В январе 1902 г. был освобожден от дальнейшего прохождения воинской службы и вернулся в университет, но в феврале того же года уволен вторично за участие в студенческой сходке. С 1905 по 1908 г. учился на юридическом факультете университета, в 1910—1917 гг. — помощник присяжного поверенного, затем присяжный поверенный в Петербурге.

[1] Волнения в Киевском университете осенью 1900 г. возникли в знак протеста против полицейского режима в университете. В условиях общенационального революционного кризиса правительство применило против студентов воистину драконовские меры. На основании изданных 29 июля 1899 г. «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков» в январе 1901 г. 183 студента Киевского университета были отданы в солдаты на срок от года до трех лет. Это событие по-

служило причиной второй общероссийской студенческой забастовки, в которой участвовало около 30 тысяч студентов 35 вузов России. Намеченная на 19 февраля уличная демонстрация у Казанского собора была сорвана арестами ее руководителей в ночь на 18 февраля. К Казанскому собору пришло около 400 студентов и курсисток, которых атаковали конные городовые. 6 февраля 1901 г. суд Особого совещания приговорил к отдаче в солдаты 27 студентов Петербургского университета, троих на три года, шестерых — на два и 18 человек — на один год (Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971, с. 41—50).

[2] Сходка 22 января объявила себя ввиду малочисленности неправомочной.

[3] Речь идет о сходке 25 января 1901 г. (подробнее см.: Юхнева Н. В. Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 г. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 1. Л., 1962, с. 129—140).

[4] *Боголепов Николай Павлович* (1846—1901) был министром народного просвещения в 1898—1901 гг. Как и многие его предшественники, был «министром народного помрачения», т. е. сторонником решительного искоренения свободомыслия в университетах и жестокого подавления студенческих волнений. В 1901 г. 183 студента Киевского университета были отданы в солдаты, уволена оппозиционно настроенная профессура. Умер от раны, нанесенной 14 февраля 1901 г. исключенным из университета П. В. Карповичем. «Боголепов попытался спасти отечество „героическим" средством, заимствованным из арсенала допотопной, николаевской, медицины», — писал В. И. Ленин, имея в виду практиковавшуюся Боголеповым отдачу студентов в армию (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 277).

[5] «Обструкционистов», особенно в первые два дня, 26 и 27 января, было намного больше. Достаточно сказать, что к суду Особого совещания было привлечено 37 человек.

[6] *Дювернуа Николай Львович* (1836—1906) — юрист, окончил в 1857 г. Московский университет, профессор Петербургского университета с 1882 г.

[7] Шемякин суд — нарицательное выражение, обозначающее пристрастный, продажный суд. Прототипом несправедливого судьи Шемяки считается Галицкий князь Дмитрий Шемяка, который ослепил своего брата, великого князя Московского Василия II (1446 г.). См.: Фаспер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973, с. 428.

[8] *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848—1925) — в 1898—1904 гг. военный министр, в русско-японскую войну — главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. Смещен после Мукденского сражения. В 1915—1916 гг. командовал Северным фронтом, затем — Туркестанский генерал-губернатор. С мая 1917 г. до конца жизни жил на родине, в Псковской губернии, учительствовал в основанной им сельскохозяйственной школе.

Н. В. ДОРОШЕНКО

Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования

Печатается по первой публикации в журнале «Красная летопись», 1931, № 2(41), с. 81—92

Дорошенко Николай Васильевич (1881—1926) — студент Петербургского университета, в социал-демократическое движение вступил в 1902 г., один из организаторов социал-демократической группы студентов. В письме Центральному и Петербургскому комитетам в августе 1905 г. В. И. Ленин писал о Н. В. Дорошенко («Константине Сергеевиче»): «Зная Константина Сергеевича сначала как *превосходного,* одного из самых ценных корреспондентов, а затем *лично познакомившись* с ним в Женеве, я должен высказаться вообще в его пользу, как работника...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 57). В 1905 г. Н. В. Дорошенко — член Петербургского комитета РСДРП. В годы реакции отошел от политической деятельности. После Октябрьской революции работал в Госплане УССР.

[1] Слушательница Высших женских курсов М. В. Ветрова в декабре 1896 г. была арестована по делу Лахтинской типографии, в которой печатались издания Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», и заключена в Петропавловскую крепость. В знак протеста против оскорбительных правил тюремного содержания в феврале 1897 г. покончила жизнь самоубийством. Узнав о трагической смерти Ветровой, студенты и курсистки Петербурга устроили демонстрацию у Казанского собора. Академик С. Г. Струмилин вспоминал об этой демонстрации:

«Волна возмущения широко прокатилась по столице. Кто-то предложил самую невинную и легальную форму общественного отклика на этот возмутительный факт: отслужить в Казанском соборе панихиду по „в бозе почившей рабе божией Марии". Инициатива была широко подхвачена. В назначенный час в соборе и вокруг него на площади оказались неисчислимые массы взволнованной студенческой молодежи и всякого иного рода лиц. Попы, конечно, струсили и отказались служить панихиду по такому поводу. Но мы были готовы к этому. Чей-то юношеский, чуть вибрирующий от волнения голос звонко затянул торжественно-печальный напев:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу...

Сотни голосов и тысячи сердец дружно подхватили этот всегда волнующий революционный гимн и, нарастая все мощнее и шире, он скоро безраздельно овладел всей площадью. Но и „архангелы" царской своры были готовы, по-видимому, к выполнению своих привычных функций: „тащить и не пущать". Из ворот окружающих площадь дворов выбежали вдруг целые сотни запрятанных там заранее дюжих городовых, гвардейской стати, и начали быстро оцеплять крамольных исполнителей торжественной гражданской панихиды. Но это лишь подливало в огонь масла. Еще торжественнее и громче с уже зловещими грозными нотками звучали на площади слова гимна:

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая.

На Невском, перед площадью, моментально запрудила проспект во всю его необъятную ширину привлеченная нашим гимном несметная толпа зевак. Движение экипажей остановилось. Полицейские стратеги на этот раз явно просчитались. Никто из них, по-видимому, не ждал такого наплыва демонстрантов. Тонкая цепочка городовых, всего в два ряда, тщетно пыталась в ожидании подкреплений, крепко схватившись за руки, сдержать в своем кругу многотысячную массу демонстрантов. Правда, все эти городовые были отборными крепышами из отставных гвардейцев, перед которыми и я со своими 182 сантиметрами и 88 килограммами веса казался щупленьким легковесом. Но когда перед концом гимна по рядам демонстрантов был передан сигнал „поднажмем" и прозвучали вещие строки:

Но настанет пора — и проснется народ
Великий, могучий, свободный.

и мы действительно поднажали, то эффект получился поразительный. Хоровод отборных „архангелов" в одно мгновение распался на свои элементы, посыпавшись на мостовую, как сбитые кегли. А я грешный, в частности, совсем неожиданно для себя очутился верхом на спине одного из этих „архангелов", уткнувшегося носом в землю. В следующий же момент, однако, толпа вынесла меня далеко вперед на проспект. Демонстранты слились на Невском со всей толпой зевак в одну нераздельную массу, и теперь казалось, что и вся эта случайная толпа вместе с нами допевала прощальные строки гимна:

— Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь, благородный.

С прорывом на Невский демонстрация закончилась. Ее цель можно было счи-

тать достигнутой, ибо если до 4 марта о гибели Ветровой знали тысячи граждан, то после демонстрации об этом с возмущением узнали миллионы» (см.: Струмилин С. Г. Из пережитого. М., 1957, с. 54—56).

[2] *Познер В. М.* (1877—1957) — член партии с 1917 г. Доктор философских наук, профессор. В революционное движение вступил в 1897 г. С ноября 1917 по ноябрь 1919 г. — член коллегии Наркомпроса РСФСР. В дальнейшем на ответственной партийной и советской работе, на руководящих должностях в ряде научных учреждений.

Могилянский Михаил Михайлович (1873—1942) — в описываемое мемуаристом время студент юридического факультета Петербургского университета. Участник социал-демократического движения с конца 1890-х годов. В 1900 г. был одним из связных между находившимся во Пскове В. И. Лениным и петербургскими марксистами. (См.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС. В 3-х томах. Т. 1. Л., 1980, с. 57). После окончания университета служил адвокатом в Петербурге, публиковал статьи в либеральных газетах и журналах. С 1906 г. состоял в кадетской партии и сотрудничал в ее центральном органе «Речь». Его статьи по национальному вопросу в 1913 г. вызвали появление полемических заметок в большевистской газете «Пролетарская правда», две из которых — «Кадеты об украинском вопросе» и «Кадеты и „право народов на самоопределение"» написал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 23, с. 337—338; т. 24, с. 208—210). В них В. И. Ленин разоблачал антинародную политику кадетов по вопросу о праве наций на самоопределение. После Великой Октябрьской социалистической революции Могилянский работал в АН УССР. Автор насыщенных фактическими сведениями мемуаров «В 90-е годы» (Былое, 1924, № 24), преувеличенно оценивающих роль интеллигенции в освободительной борьбе.

Энгель Г. А. — см. его воспоминания и комментарии к ним на с. 68—79, 185—188 наст. издания.

[3] Подробнее о деятельности социал-демократических групп в Петербургском университете в описываемый период см.: Ольховский Е. Р. Студенческое движение в Петербургском университете в период ленинской «Искры». — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 39—67.

[4] В марте 1903 г. рабочие казенного оружейного завода в г. Златоусте объявили забастовку, выдвинув требование сокращения рабочего дня и ряд других. На завод были введены войска, а представители, выбранные рабочими для переговоров с администрацией, арестованы. Когда несколько тысяч бастующих собрались у жандармского управления и потребовали освободить арестованных товарищей, войска по приказу находившегося в Златоусте уфимского губернатора открыли огонь. 69 рабочих было убито и около 250 ранено.

[5] *Петров А. А.* — студент Петербургского университета, член группы социал-демократов.

Ососков С. В. — в описываемое мемуаристом время — студент Петербургского университета, член университетской группы социал-демократов. Участвовал в технической группе Петербургского комитета партии, занятой оборудованием подпольных типографий. Весной 1903 г. был арестован по делу о двух подпольных типографиях ПК РСДРП (См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России, с. 116).

[6] Сходка проходила в столовой университета. Результаты голосования: за резолюцию — 496, против — 6 (Ольховский Е. Р. Указ. соч., с. 62).

[7] *Фойницкий Иван Яковлевич* (1847—1913) — юрист, с 1871 г. преподавал в Петербургском университете, по политическим убеждениям — монархист.

[8] *Сверчков Д. Ф.* (1882—1938) — состоял в РСДРП с 1899 г., в 1903—1905 гг. — большевик, затем — меньшевик. В 1905 г. входил в Петербургский совет рабочих депутатов. В 1909—1910 гг. — член ЦК РСДРП от меньшевиков. В 1917 г. — комиссар Временного правительства. В 1920 г. публично отрекся от меньшевизма, подал заявление о вступлении в партию большевиков и был принят в члены РКП(б). Работал на руководящих должностях в НКПС, Верховном Суде СССР.

[9] «Партизаны борьбы», «Дело», «Касса радикалов» — студенческие группы без

четких классовых программ. Подробнее см.: Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899—1906. М., 1908, с. 97. В прошлом «Касса радикалов» имела связи с «Петербургским союзом борьбы за освобождение рабочего класса», с 25 января по 6 марта 1902 г. выпустила 30 листовок. Близок по лозунгам и тактике к «Кассе радикалов» был в 1902 г. «Организационный комитет Петербургского университета».

В. М. ТОЛСТОПЯТОВ

В лаборатории Фаворского (Страничка воспоминаний)

Публикуется впервые по рукописи, датированной 1944 г., хранящейся в рукописном фонде Музея Ленинградского университета

Толстопятов Вадим Михайлович (1882—1945) — доктор химических наук, профессор. В 1902—1930 гг. — ассистент кафедры органической химии университета, в 1930—1945 гг. — доцент и профессор Ленинградского химико-технологического института. Читал курс теоретических основ органической химии, работал в области магний-органических соединений. «Вадим Михайлович пережил в Ленинграде всю блокаду и умер в 1945 г. от болезни сердца» (Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский. Л., 1980, с. 200).

Фаворский Алексей Евграфович (1860—1945) — советский химик-органик, академик, Герой Социалистического Труда. В 1882 г. окончил Петербургский университет, где работал у Д. И. Менделеева и А. М. Бутлерова. С 1896 г. — профессор Петербургского университета, работал и в Ленинградском химико-технологическом институте и в АН СССР. Создатель и первый директор института органической химии. Основные труды в области химии ненасыщенных органических соединений.

[1] *Тищенко Вячеслав Евгеньевич* (1861—1941) — советский химик, академик. По окончании в 1884 г. Петербургского университета был ассистентом Д. И. Менделеева, с 1891 г. читал химию в Петербургском — Ленинградском университете. С 1934 г. — директор НИХИ.

[2] Создание лаборатории физической химии на протяжении многих лет наталкивалось на материальные трудности. В 1907—1908 гг. при перестройке здания во дворе университета, известного под названием «Же-де-пом» (зал для игры в мяч), его подвальное помещение было признано пригодным для лаборатории физической химии. Но министр Кассо отклонил предложение об организации кафедры физической химии. Откликаясь на эти события, группа молодых химиков во главе с Борисом Васильевичем Бызовым (1880—1934) сочинили пьесу-сатиру «Трагедия физической химии, или Роковая дырка в университетском чулке». Эта пьеса предназначалась для елки Второго Менделеевского съезда, проходившего в Петербурге в конце декабря 1911 г. В журнале «Химия и жизнь» (1981, № 8) напечатана статья К. Б. Пиотровского «Как химики шутили», содержащая подробный пересказ «Трагедии» и сведения по истории ее постановки.

«Действующие лица были следующие: Физика — элегантный господин в цилиндре, фраке и перчатках; Химия — скромная старушка; Физикохимия — их дочь младенческого возраста; Гигиена — побочная дочь Химии, одетая фельдшерицей — в белом фартуке; Университет — седой старик в красно-белой тоге, на голове лавровый венок, на груди огромный университетский значок; Немец — в дорожном костюме с чемоданом; Председатель физико-химического заседания; 1-й, 2-й, 3-й и 4-й докладчики; Городовой. Действие происходит в университете. Вся пьеса была насыщена монологами в стихах, а приложением к ней были ноты для этих монологов, подобранные из популярных музыкальных произведений.

Побочные продукты и куча смолы —
Вот моя награда за долгие труды.
Получишь вещества, едва наплакал кот,
Кипения же точка так и бросает в пот.

Бедная, бедная химия я.
Горькая, горькая участь моя, —

пела, например, Химия на мотив и поныне известной песни „Ухарь-купец".

По ходу первого акта Физикохимия жаловалась:

Все меня оставили,
Скоро я умру.
Детский стул поставили,
Я на нем сижу.
Мною заниматься
Не придет никто,
Верно, все боятся
Страшного...

Под точками явно скрывалась фамилия министра Кассо.

После этих слов входил старик Университет и в своей арии утешал Физикохимию, обещая ей приют в подвале „Же-де-пома". По сему знаменательному случаю старик решает созвать торжественное ученое заседание.

Показу заседания, кое в чем пародировавшего Менделеевский съезд, посвящался второй акт. По его ходу шли „научные доклады". Г-н Дробногонов делал сообщение на тему: „Исследование спирта C_2H_6O", который выступал то под одним, то под другим названием — этил-оксигидрат, этанол, метил-карбинол, этиловый спирт, винный спирт и, наконец, монополь; излагались эксперименты по физиологическому действию разных „изомеров" спирта на сторожа Николая.

Г-н Праволевов докладывал о новом методе разделения смеси зеркальных изомеров. Рассмотрев теорию вопроса, докладчик пришел к выводу, что вообще „всякого рода реакции в асимметрической среде имеют тот крупный недостаток, что требуют затраты энергии работающего химика". А потому эти способы были им забракованы, и он решил использовать „асимметричную" рыбу-камбалу, которая отличается разборчивостью к пище; один изомер она жадно глотает, другой выплевывает с отвращением и тем самым разделяет их.

Доклад г-на Киндербальзамова был посвящен „антропоморфолу" — соединению, которое получил знакомый докладчика в качестве побочного продукта. Формула этого соединения ... пожалуй, может заинтересовать и современного ценителя химических шуток. <...>

Последний доклад г-на Автоклавова, изобиловавший абракадабрами, заимствованными из реальных статей того времени, был пародией на заумные и никчемные научные доклады, делаемые ради самого выступления.

Заключительный, третий акт пьесы был краток. В „Же-де-поме", кроме стола со штативами и пробирками, ничего нет. Сидит студент и зубрит „Карбонпаду". Входит Физикохимия и в восторге восклицает: „Вот наконец я счастлива!". Но вдруг появляется Городовой и читает: „Девица Физикохимия за отсутствием надлежащих установленных законом документов не имеет права жительства в университете". Физикохимия падает в обморок. Вбегает Немец, он увозит Физикохимию, которая восклицает: „Да, я не создана для России!" — и, обращаясь к Университету, говорит: „Прощайте, я не могу быть счастлива с Вами". Пьеса заканчивается хором:

Последний нынешний денечек,
Давайте запоем, друзья,
Когда тебя у нас не станет,
Заплачет вся наша семья...

...В дни съезда исполнить ее не удалось: градоначальник запретил и постановку, и саму елку тоже.

Показали „Трагедию" лишь через два с лишним месяца в помещении Высших женских (Бестужевских) курсов». — Пиотровский К. Указ. ст., с. 89—90.

[3] *Иоцич Живоин Ильич* (1870—1914) — один из талантливых учеников А. Е. Фаворского, уроженец Белграда, питомец и ассистент Петербургского университета, автор 76 работ, создатель всемирно известного метода синтеза ацетиленовых спиртов и гликолей. «Начисто лишенный каких-либо корыстных устремлений, нимало не заботясь о карьере, он был предан только науке, до конца оставался ассистентом и получал очень небольшое жалованье» (Фаворская Т. А. Указ. соч., с. 195).

[4] *Бутлеров Александр Михайлович* (1828—1886) — химик, академик. Воспитанник и профессор Казанского университета. С 1869 г. — профессор и заведующий кафедрой органической химии Петербургского университета. Создатель современной теории строения вещества, основатель школы химиков-органиков, представленной именами А. Н. Вышнеградского, В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворского, но прежде всего — Д. П. Коновалова, мемуары которого «А. М. Бутлеров в своей лаборатории Петербургского университета» см. в кн.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I, с. 156—160.

[6] *Красусский Константин Адамович* (1867—1937) — химик, член-корреспондент АН СССР. В 1891 г. — окончил Петербургский университет, с 1916 г. — профессор Харьковского, с 1930 — Азербайджанского Политехнического института.

[6] *Дебу Константин Ипполитович* (1865—1941) — сын петрашевца И. М. Дебу, химик-органик, профессор Высших женских курсов, Петербургского университета, Сельскохозяйственного института. А. Е. Фаворский говорил на торжественном заседании в 1940 г., посвященном 50-летию научной и педагогической деятельности К. И. Дебу: «Мы вместе проработали почти в течение двадцати лет на бывших Высших женских курсах (1900—1919) и с достаточным правом можем считать себя основателями первой научно-исследовательской лаборатории в женском учебном заведении, когда доступа женщин в университет не было» (Цит. по: Фаворская Т. А. Указ. соч., с. 208).

[7] «Лаборатория, возглавляемая Алексеем Евграфовичем, называлась „Специальным отделением лаборатории органической химии". В ней работали дипломанты, сотрудники и „оставленные при университете для подготовки к профессорскому званию". Эти последние выбирались из числа студентов, проявивших наибольший интерес и способности к научной работе. За ними сохранялось рабочее место и представлялась возможность работать под руководством профессора или кого-либо из его учеников. Они были как бы прообразами современных аспирантов, с той лишь разницей, что аспиранты получают стипендию и процесс совершенствования их знаний ограничен определенным сроком, а „оставленные", не получая за работу в лаборатории денег, должны были зарабатывать их на стороне или продолжать жить на средства родителей... Если они не справлялись с работой, их просили освободить лабораторное место. Кроме студентов и „оставленных" в лаборатории почти всегда работали еще и посторонние университету лица: молодые химики, окончившие провинциальные и петербургские вузы, врачи (например морской врач В. Ф. Смирнов, врач Д. И. Розанов из Сыктывкара). Все они хотели поработать под руководством известного ученого в хорошо оборудованной лаборатории, и если была такая возможность, Алексей Евграфович никогда не отказывал» (Фаворская Т. А. Указ. соч., с. 38).

Н. П. Вревская вспоминает о работе Малого химического общества, организованного молодыми университетскими химиками в 1892 г.: «Здоровая, бодрая атмосфера этих товарищеских собраний, оживленный, свободный обмен мнениями, обогащение фактами и идеями передовой химической науки зажигали энтузиазмом к знанию, поддерживали высокий уровень химических интересов. В дружном товарищеском единении росли и зрели будущие деятели русской химии.

Главная масса членов — лаборанты, студенты старших курсов, работающие на специальную тему. Деятельными членами являлись: Бирон, Верховский, Вревский, Иоцич, Залькинд, Карпов, Красусский, Лебедев, Монастырский, Меншуткин и др.

Все новинки по органической и неорганической и молодой тогда физической химии докладывались здесь». — Личный архив Б. М. Вревского.

[8] «Теснота, царившая в химических лабораториях, поставила администрацию университета перед необходимостью постройки специального корпуса, и в 1890 г. состоялась торжественная церемония закладки здания (ныне здание НИХИ). В том

же году Алексей Евграфович получил новую квартиру в первом этаже главного здания университета, в той его части, которая находится против нынешнего здания физического института» (Фаворская Т. А. Указ. соч., с. 26).

[9] В лапидарных и несколько суховатых воспоминаниях В. М. Толстопятова, к сожалению, не отражена другая сторона жизни лаборатории Фаворского. Энергия и талант молодых учеников и помощников Фаворского (Иоцич, Бызов, Тидеман, Залькинд) проявлялись не только в научных исследованиях, но и в культивируемой ими атмосфере шуток и веселья. Не зря, как вспоминала В. И. Егорова, впоследствии заведующая лабораторией органического анализа, кафедру органической химии прозвали «детским садом Фаворского». Как пишет К. Пиотровский, «заводилой ... был Борис Васильевич Бызов <...> Весельчак и остроумец, он пользовался всеобщей любовью. И научные руководители — Н. А. Меншуткин, а потом А. Е. Фаворский — относились к нему без особой суровости. А Бызов то пугал кадетов, гуляющих под окнами лаборатории, самодельными хлопушками с бертолетовой солью и фосфором, то вступал в веселые баталии с ассистентом Живопом Иоцичем, стреляя в него бумажными шариками из стеклянной трубки и тайно рассыпая около стола неприятеля иодистый азот. А иногда, соорудив из бумаги очень похожее изображение самого Меншуткина, он с помощью специального двигателя заставлял почтенного профессора плясать. И это Бызову тоже сходило с рук.

...Вот что проделывали друзья, например, отмечая именины Фаворского. Самым ударным у них считался номер под названием „изомеризация". Перед именинником стояла пара — мужик и баба в соответствующих нарядах. При слове „изомеризация" они поворачивались кругом — и возникала новая пара: баба и мужик. Маски у обоих были уморительные, и профессор смеялся этой незатейливой шутке до слез» (Пиотровский К. Указ. соч., с. 88—89).

О сочиненной Б. В. Бызовым с друзьями «Трагедии физической химии» говорилось выше. До нас дошло еще одно своеобразное произведение, созданное в лаборатории органической химии, — «Карбониада, или двенадцать песней, написанных о превращении органических тел» (напечатана в 1911 г., переиздана в 1913 г.), — автором которого К. Пиотровский вслед за Т. Д. Величковской и В. И. Егоровой называет Н. М. Славского.

«„Карбониада" написана гекзаметром, и в некоторых местах автор использует фразы из перевода „Илиады", выполненного Гнедичем. <...> Все двенадцать песен поэмы автор уместил на 16 страницах печатного текста. В стихах он изложил основные принципы и схему курса органической химии, как ее читал Фаворский в Петербургском университете, Технологическом институте и Высших женских курсах. Изложение порой было столь точно и доходчиво, что облегчало студентам изучение этого в значительной мере описательного курса. И сам Фаворский был в восторге: ходил по лаборатории, читая лаборантам и студентам отрывки.

Забавны были и проводимые автором литературные параллели, но наиболее интересна „Карбониада" вкраплениями политической сатиры. <...>

В песне десятой автор повествует о таутомерии:

Дивен весьма сей процесс, но часто встречается в жизни.
Форма кетонная Шмидт, осужденный за дело измены,
Форма енольная Шмидт, депутат Государственной думы.
Здесь перехода причиной было, должно быть, давленье
Местных властей, и состав, и строенье которых известно.

Так в химической поэме клеймился незаконный суд над лейтенантом Шмидтом <...> Эти строки были изъяты цензурой <...>

Среди депутатов Государственной думы своими погромно-хулиганскими выходками отличался монархист и черносотенец Пуришкевич. В одиннадцатой песне „Карбониады" он упоминается при описании меркаптанов — соединений, известных своим зловонием:

Так нестерпим этот запах, как речь Пуришкевича в Думе,
Та, за которую он был выведен приставом думским».

(Пиотровский К. Указ. соч., с. 91. — Подробнее об этом кружке молодых химиков можно прочесть в воспоминаниях В. И. Егоровой «Первая научно-исследовательская химическая лаборатория на ВЖК». — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878—1918. Изд. 2-е / Под общей редакцией проф. С. Н. Валка, проф. Н. Г. Сладкевича, акад. В. И. Смирнова, проф. М. Л. Тронской. Л., 1973, с. 269—278).

А. П. ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА

Сергей Васильевич Лебедев

Печатается по первой публикации: Сергей Васильевич Лебедев. — В кн.: Академик Сергей Васильевич Лебедев. М., 1954, с. 26—39.

Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871—1955) — действительный член Академии художеств, народный художник РСФСР, жена С. В. Лебедева. Воспоминания опубликованы в сборнике, посвященном 80-летию С. В. Лебедева.

Лебедев Сергей Васильевич (1874—1934) — химик, академик (1932). Поступил в Петербургский университет в 1895 г. За участие в студенческой забастовке 1899 г. на некоторое время был выслан из столицы. В 1900 г. окончил университет и в 1902 г. занял в нем должность лаборанта. В 1904—1906 гг. отбывал воинскую повинность и осенью 1906 г. вернулся в университет. В 1913 г. — приват-доцент, позднее — профессор университета. Имя С. В. Лебедева связано в первую очередь с изобретением и организацией первого в мире промышленного производства синтетического каучука.

[1] *Менделеев Дмитрий Иванович* (1834—1907) — великий ученый, автор Периодического закона химических элементов — естественнонаучной основы современного учения о веществе. Д. И. Менделеев и ученые его школы внесли значительный вклад в поиски новых путей развития отечественной промышленности и сельского хозяйства. Свою магистерскую диссертацию Д. И. Менделеев защитил в 1856 г. в Петербургском университете, где в следующем году стал приват-доцентом, а в 1865 г. — профессором. Периодический закон был открыт Д. И. Менделеевым в первые годы его профессорства в Петербургском университете в 1869 г. Любопытно мемуарное свидетельство об этом профессора А. А. Иностранцева, создателя университетской кафедры геологии: «Как-то я зашел к нему (Д. И. Менделееву. — *Сост.*) по какому-то делу и застал его в превосходном настроении духа; он даже шутил, что было крайнею редкостью. Это было вскоре после его знаменитого открытия закона периодичности элементов. Я, воспользовавшись этим благодушным настроением Д. И., обратился к нему с вопросом, что натолкнуло его на знаменитое открытие. На это он сообщил, что уже давно подозревал известную связь элементов между собою и что много и долго думал об этом. В течение последних месяцев Д. И. перепортил массу бумаги с целью отыскать в виде таблицы эту законность, но ничего не удавалось. В последнее время он усиленно снова занялся этим вопросом и по его рассказу был даже близок к этому, но окончательно все-таки ничего не выходило. Перед самым открытием закона Д. И. провозился над искомою таблицею целую ночь до утра, но все-таки ничего на вышло; он с досады бросил работу и, томимый желанием выспаться, тут же в рабочем кабинете не раздеваясь повалился на диван и крепко заснул. Во сне он увидел вполне ясно ту таблицу, которая позднее была напечатана. Даже во сне радость его была настолько сильна, что он сейчас же проснулся и быстро набросал эту таблицу на первом клочке бумаги, валявшемся у него на конторке» (Архив Музея ЛГУ, фонд ФИК, геологический, ед. хр. 344. Автобиографические воспоминания А. А. Иностранцева, л. 268). В 1890 г. Д. И. Менделеев оставил профессорскую деятельность в университете в знак протеста против университетской политики реакционного министра Делянова. См. об этом воспоминания Б. П. Вайнберга и комментарии к ним в кн.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I. Л., 1963, с. 141—155; 284—286.

[2] *Шапошников Василий Гаврилович* — ученик А. Е. Фаворского, питомец Техно-

логического института, профессор Киевского политехнического института. Исследования В. Г. Шапошникова относятся к химии красящих веществ.

[3] *Сазонов Сергей Иванович,* — химик, был директором Коммерческого училища, преподавал в Женском педагогическом институте в Саратове.

[4] *Погоржельский Здзислав Антонович* (1869—1929) — в описываемое время — ассистент А. Е. Фаворского, позже — профессор университета и проректор Ленинградской Сельскохозяйственной академии.

[5] *Мокиевский Владимир Алексеевич* — ученик А. Е. Фаворского, преподавал химию в средних учебных заведениях.

[6] Лебедев учился и жил в Варшаве в 1885—1895 гг.

[7] О событиях 1899 г. в Петербургском университете см., воспоминания С. Г. Струмилина и комментарии к ним в настоящем томе, с. 31—34, 170—173.

[8] *Скосаревский М. П.* (умер в 1924 г.) — ассистент по аналитической химии.

[9] *Толкачев Сергей Анатольевич* (1874—1934) — химик-аналитик, ассистент, впоследствии профессор химического факультета.

[10] См.: Журнал Русского физико-химического общества, 1908, № 40, вып. 11—13.

[11] *Скавронская Нина Алексеевна* (р. 1885) — вольнослушательница Петербургского университета, с 1908 г. — студентка-дипломница С. В. Лебедева, под его руководством изучала полимеризацию двухэтиленовых углеводородов. См.: Сергеенко С. Р. Академик Сергей Васильевич Лебедев. М., 1959, с. 38.

[12] *Петров-Водкин Кузьма Сергеевич* (1878—1939) — выдающийся русский советский художник.

Е. В. ТАРЛЕ

Первая встреча с В. Л. Комаровым

Печатается по первой публикации в «Вестнике Академии наук СССР», 1944, № 10, с. 118—119.

Тарле Евгений Викторович (1875—1955) — русский и советский историк, с 1903 г. — приват-доцент, с 1917 г. — профессор Петроградского университета, трижды лауреат Государственной премии, академик АН СССР (1927 г.). Великая Октябрьская социалистическая революция содействовала завершению перехода Е. В. Тарле на позиции марксизма-ленинизма. 60 лет насыщенной творческой жизни отдал Е. В. Тарле научной, педагогической и общественной деятельности. Его перу принадлежит более 600 научных работ по важнейшим проблемам отечественной, новой и новейшей истории. Ученый-патриот, Е. В. Тарле приобрел широчайшую популярность как лектор, публицист, общественный деятель. С 1942 г. он являлся членом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений фашистских захватчиков на территории СССР. Е. В. Тарле «продолжает оставаться одним из любимых и популярных историков советского народа» (см.: Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977, с. 120).

Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945) — ботаник, академик АН СССР. В 1894 г. окончил Петербургский университет, с 1898 г. преподаватель университета, с 1918 г. — профессор, Президент АН СССР, лауреат Государственных премий.

Воспоминания Е. В. Тарле написаны в связи с отмечавшимся в 1944 г. 70-летием со дня рождения и 50-летием научной, общественной и педагогической деятельности В. Л. Комарова.

[1] Е. В. Тарле стал приват-доцентом в 1903 г., В. Л. Комаров в 1902 г. Речь идет, вероятно, об «Обществе младших преподавателей Петербургского университета».

[2] *Лебедев Александр Алексеевич* (1893—1969) — физик, академик (1943), Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской премии. Окончил Петроградский университет в 1916 г.; в 1922—1926 гг. — старший ассистент и сверхштатный преподаватель, с 1947 — зав. кафедрой электрофизики ЛГУ.

[3] *Пресняков Александр Евгеньевич* (1870—1929) — историк, член-корреспондент

АН СССР (1920). Окончил Петербургский университет, профессором которого стал в 1918 г. В предреволюционный период занимался историей политических отношений на Руси до XVI в., после Октябрьской революции основное внимание уделял русской истории XIX в. Приват-доцентом стал в 1907 г., и его присутствие на заседании «Общества приват-доцентов» в 1904 г. объясняется, вероятно, тем, что Е. В. Тарле все же имеет ввиду «Общество младших преподавателей».

[4] Ученица проф. В. Л. Комарова — проф. О. Н. Радкевич рассказывает об его общественной деятельности в университете в начале 900-х годов: «В обществе младших преподавателей университета Владимир Леонтьевич вместе с А. А. Рихтером, К. И. Дебу, А. И. Тударевским, М. А. Скосаревским, А. П. Лойдис составляет левую, революционно настроенную группу. Единственной отдушиной для открытой общественной работы в университете являлось в те времена «Общество вспомоществования студентам С.-Петербургского университета», существовавшее с 1873 года. Здесь легальная работа переплеталась с нелегальной. Владимир Леонтьевич, являясь членом комитета этого общества, отдает работе в обществе много энергии и времени (в противоположность другим членам комитета, не пропускает ни одного его заседания) и проявляет много личной, теплой заботы в деле поддержки широких студенческих масс. В те годы демократической части студенчества приходилось туго: трудно было найти заработок, многие жили впроголодь. Владимир Леонтьевич организует (вместе с А. А. Рихтером) кассу взаимопомощи, которая заботится о быте студентов, о приисканни работы для них, о питании; при кассе открывается студенческая столовая на началах самообслуживания, с бесплатным хлебом. В 1905 г. в самое сложное и трудное для общества время, Владимир Леонтьевич избирается его секретарем (вся конкретная работа президиума лежала тогда на двух секретарях). В этот период общество принимает участие в расследовании «дела о студентах, пострадавших 9-го января», а в период буйного разгула черной сотни проводит экстренную кампанию по снабжению неимущей части студенчества неформенной верхней одеждой... Студенческая столовая общества служит, как и в других высших учебных заведениях, местом революционных встреч. В частности, в ней при участии Владимира Леонтьевича организуется явка ЦК большевиков (Радкевич О. Н. В. Л. Комаров и Ленинградский университет. — Вестник Академии наук СССР, 1944, № 10, с. 125—126). В 1899 г. В. Л. Комаров начал читать лекции по общему курсу ботаники на курсах П. Ф. Лесгафта и стал одним из популярнейших преподавателей.

С. ГОРОДЕЦКИЙ

Воспоминания об Александре Блоке

Отрывок из воспоминаний С. Городецкого печатается по книге: Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. I. М., 1980, с. 326—327.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, видный участник литературной жизни начала XX в. С 1902 по 1911 г. с перерывами учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, курса не закончил. С. Городецкий — один из основателей университетского литературно-художественного «Кружка молодых» (существовал с 1905/06 до 1909/10 учебного года).

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт, поступил в 1898 г. на юридический факультет Петербургского университета; в 1901 г. перешел на историко-филологический факультет, который окончил по славяно-русскому отделению в 1906 г. См.: Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете.— В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 4. Л., 1982, с. 52—86.

[1] Знакомство Блока с Городецким произошло в 1903/04 учебном году.

[2] *Лавров Петр Алексеевич* (1856—1929) — крупнейший специалист в области древнеславянской письменности и истории болгарского языка, автор более 200 трудов по славянскому языкознанию и литературоведению, истории и палеографии. С 1900 г.

профессор Петербургского университета по кафедре славянской филологии. См.: Славяноведение в дореволюционной России. Библиогр. словарь. М., 1979, с. 209—211.

[3] Петербургский архив С. М. Городецкого не сохранился.

[4] *Никольский Борис Владимирович* (1870—1920) — юрист, приват-доцент Петербургского университета, поэт, критик, руководитель студенческого «Кружка изящной словесности» и редактор студенческого «Литературно-художественного сборника» (1903 г.). О кружке см. публикацию В. В. Беззубова и С. Г. Исакова «Блок — участник студенческого сборника» (Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972, с. 325—332) и статью Л. А. Иезуитовой и Н. В. Скворцовой «Александр Блок в Петербургском университете» (Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 4. Л., 1982, с. 52—86).

[5] *Семенов Леонид Дмитриевич (Семенов-Тянь-Шанский)* (1880—1917) — поэт, студент Петербургского университета с 1898 по 1905 г. (курса не окончил), товарищ Блока по историко-филологическому факультету. После 1905 г. оставил литературную деятельность и «ушел в народ». См. публикацию автобиографических записок Л. Д. Семенова «Грешный грешным» со вступительной статьей З. Г. Минц (Учен. зап. Тартусского ун-та, 1977, вып. 414, с. 102—108).

Кондратьев Александр Алексеевич (1876—1966) — поэт, прозаик, окончил юридический факультет в 1902 г., слушая одновременно лекции на историко-филологическом факультете. Подробно о его судьбе и взаимоотношениях с Блоком см. предисловие Р. Д. Тименчика к публикации писем А. А. Кондратьева к Блоку (Литературное наследство. М., 1980, т. 92, кн. I, с. 532—554).

[6] Блок А. Снежная маска. СПб., 1907.

Блок А. Ночные часы. М., 1911.

Над поэмой «Возмездие» Блок работал с перерывами с 1910 по 1921 г. Поэма не окончена.

[7] В 1980 г. к 100-летию со дня рождения А. А. Блока фирма «Мелодия» выпустила пластинку с восстановленной записью голоса поэта, читающего свои стихи.

[8] См. с. 178, прим. 2.

[9] *Добролюбов Александр Михайлович* (1876—1944?) — один из первых русских поэтов-декадентов. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (уволился в 1898 г.). Начальным этапом его духовной эволюции был отказ от литературной деятельности и «мирской» жизни для религиозного проповедничества. Блок посвятил ему стихотворение «А. М. Добролюбов» (1903). Более подробно о его судьбе см.: Иванова Е. В. Валерий Брюсов и Александр Добролюбов. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, т. 40, № 3, с. 255—265.

[10] Correspondances (фр.) — соответствия. Название стихотворения из книги Ш. Бодлера «Цветы зла». Принцип «соответствий» между цветами, звуками, формами как отражением некоей «высшей» реальности — один из ведущих принципов символистской эстетики, опирающийся на платоновские идеи «двоемирия».

Г. А. ЭНГЕЛЬ

1905 год и студенческое движение в Петербурге

Печатается по тексту в журнале «Красная летопись», 1925, № 2(13), с. 90—102.

Энгель Евгений (Генрих) *Александрович* (1878—1942), член КПСС с 1904 г., студент юридического факультета Петроградского университета, активный участник студенческого движения накануне и в период Первой русской революции. После Великого Октября — профессор и декан факультета общественных наук Петроградского (Ленинградского) университета. В 1908 г. опубликовал (в соавторстве с В. Гороховым) книгу «Из истории студенческого движения. 1899—1906». В советское время работал в области социологии и советской государственности (см.: Основы советской конституции, 1923 и др.).

[1] О студенческих волнениях 1899 г. см. воспоминания С. Г. Струмилина и комментарии к ним, с. 31—34, 170—173 наст. издания.

[2] О «Кассе взаимопомощи студентов Петербургского университета» см. прим. 1 на с. 164 настоящего издания.

[3] «Экономизм» — оппортунистическое течение в российской социал-демократии. В. И. Ленин писал: «Его политическая сущность сводилась к программе: „рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба"» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 343—344).

[4] На предложение Организационного комитета петербургскому «Союзу борьбы» организовать совместное выступление студентов и рабочих последовал высокомерный отказ «экономистов», считавших движение буржуазным, недостойным поддержки пролетариата.

[5] Эти строки являются первой строфой стихотворения «Душно! без счастья и воли» (1868 г.). Авторы воззвания цитировали Н. А. Некрасова не вполне точно. Приводим подлинный текст первых двух строк:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.

(Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем в 12-ти томах, т. II. М., 1948, с. 318).

[6] Авторы воззвания цитируют статью В. И. Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 395). Отметим неточность в цитате: правильно «посылает войско», а не «войска».

[7] *Клейгельс Н. В.* — градоначальник Петербурга, лично командовавший карательными действиями полиции и казаков против демократического студенчества 8 февраля 1897 г., 4 марта 1901 г.

[8] Правильнее было бы характеризовать этот период как время политической дифференциации студенчества, когда лучшая его часть выросла до сознательного участия в социал-демократической борьбе. (Подробнее см.: Ольховский Е. Р. Студенческое движение в Петербургском университете в период ленинской «Искры» (1900—1903). — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России, с. 39—67).

[9] Подробнее см. раздел «Политическая дифференциация российского студенчества» в монографии П. С. Гусятникова «Революционное студенческое движение в России». М., 1971, с. 94—119.

[10] *Каплан А. Я.* — после 9 января 1905 г. руководил коллегией агитаторов Городского района, осенью 1905 г. — член Петербургского комитета РСДРП. В годы реакции отошел от партийной работы. См. также Жарновецкий К. С. Студенческое революционное движение перед революцией и в революцию 1905 г. в Петербургском университете и в других высших учебных заведениях. — ЛПА, ф. 984, оп. 1, д. 136, лл. 1—68).

Дорошенко Н. В., Каплан А. Я., Кузьминский Н. Н., Плюснин Л. А., Славянов А. Н., Тер-Мкртчьянц (Терман) Х. М. (в литературе встречаются и другие написания последней фамилии) — члены социал-демократической студенческой группы Петербургского университета. В конце осени 1902 г. эта группа выразила солидарность с ленинской «Искрой» и стала ядром социал-демократической организации университета.

[11] *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944) — буржуазный экономист и публицист, представитель «легального марксизма», в 1902—1905 гг. — глава организации земцев-конституционалистов «Союз освобождения», редактор ее органа «Освобождение», после поражения революции 1905 г. и до конца жизни в эмиграции — черносотенный публицист. Статья П. Струве, о которой пишет мемуарист («К очередным вопросам». — «Освобождение», 1903, № 17, 16 февраля (1 марта), преследовала цель захвата либералами руководства массовым движением, чтобы ввести его в русло борьбы за частичные реформы.

[12] См.: Отчет объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга III партийному съезду. — В кн.: Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М., 1955, с. 580—581.

[13] Автор воспоминаний неточно цитирует ставшее крылатым выражение Н. И. Пирогова из его работы «Университетский вопрос».

[14] «Проблемы идеализма» (М., 1902) — сборник статей русских идеалистов-неокантианцев (среди авторов: А. С. Лаппо-Данилевский, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев и др.).

[15] В «Искре» сообщалось, что в сходке приняло участие около 2500 студентов. Сходка приняла резолюцию, подготовленную «социал-демократической группой». Автор воспоминаний приводит ее текст, опубликованный в «Искре» 1 марта 1903 г. (№ 35, с. 6). Письмо ПК и резолюция сходки были напечатаны в виде прокламаций и распространялись в высших учебных заведениях Петербурга.

[16] «Штиглицкая фабрика» — Ниточная фабрика Штиглица, ныне — Прядильно-ниточный комбинат им. С. М. Кирова.

[17] Авторы приводимой мемуаристом резолюции имеют здесь в виду сказанное Ф. Лассалем 16 января 1863 г. в защитительной речи во время процесса над ним по обвинению в создании и распространении «Программы работников», но излагают мысль Ф. Лассаля неверно. Лассаль говорил: «Союз науки и рабочих, этих двух крайних полюсов общества, которые, слившись воедино, раздавят в своих железных объятиях все препятствия, стоящие на пути к культуре, — вот цель, которой я решился посвятить свою жизнь до последнего вздоха!». (Цит. по: Гениш К. Ф. Лассаль — человек и политик. Л., 1925, с. 98—99). Таким образом, Ф. Лассаль говорит об уничтожении препятствий, стоящих «на пути к культуре», а вовсе не об уничтожении «существующего строя», как считали авторы резолюции 8 февраля. Между тем это отличие вскрывает существенную черту оппортунизма Лассаля — его отказ от пролетарской революции.

[18] «Студент» — газета революционно-демократического студенчества, посвященная памяти С. Балмашева. *Балмашев Степан Валерианович* (1882—1902) — революционер-демократ. К какой-либо политической партии не принадлежал. В ответ на правительственные репрессии против студенческого движения 1899—1901 гг. (массовые аресты студентов, отдача их в солдаты, ссылка в Сибирь) в 1902 г. убил министра внутренних дел Д. С. Сипягина. 3 мая 1902 г. не достигший совершеннолетия С. В. Балмашев был по приговору военно-полевого суда повешен в Шлиссельбургской крепости. Газета «Студент» выходила в 1903 г. в Швейцарии — № 1 в Женеве, № 2—3 (двойной) в Цюрихе. Редакционное заявление подчеркивало внепартийность издания. В № 2—3 «Студента» была опубликована статья В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи».

Автор воспоминаний называет съезд вторым всероссийским. В действительности этот съезд был третьим всероссийским студенческим: первый состоялся в 1900 г. в Одессе, второй — в 1902 г. в Риге. (См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971, с. 42, 75, 101). На съезде 1903 г. были представлены 19 высших учебных заведений 6-ти городов. Автор воспоминаний, избранный председателем съезда, отмечает руководящую роль петербургского студенчества на съезде.

[19] *Святополк-Мирский Петр Данилович* (1857—1914) в августе 1904 г. был назначен министром внутренних дел. Стремясь привлечь буржуазию на сторону царизма, провел частичную амнистию, разрешил земские съезды, ослабил цензуру. Началась так называемая «эпоха доверия», быстро потерпевшая провал. Уже 18 января 1905 г. Святополк-Мирский был уволен в отставку.

[20] Подъем рабочего движения связан в первую очередь с объективными причинами, вызвавшими первую русскую революцию.

[21] Гапоновские организации — «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга», устав которого был утвержден министром внутренних дел 14 февраля 1904 г. Ответственным представителем «Собрания» был утвержден священник Г. А. Гапон. Монархическое гапоновское «Собрание» было создано с целью отвлечения рабочих от участия в революционном движении, но в обстановке общенационального кризиса в канун первой русской революции организовало 9 января 1905 г. мас-

совое шествие с петицией к царю, расстрелянное войсками. День 9 января стал началом революции 1905—1907 гг. в России.

[22] «Определенно» политического характера 9 января движение еще не обрело. В. И. Ленин отмечал: «Движение стало принимать политический характер» (Полн. собр. соч., т. 9, с. 175).

[23] Автор неточен. Правительство закрыло высшие учебные заведения в марте 1905 г., а в январе было перенесено лишь начало занятий после каникул: с 15 января на 7 февраля.

[24] Портрет был разорван группой студентов (подробнее см.: Яковлев В. П. Петербургский университет в революции 1905—1907 гг. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1980, № 2, с. 19—25) во главе с Д. З. Мануильским.

Мануильский Дмитрий Захарович (1883—1959) — партийный и государственный деятель, видный руководитель международного коммунистического и рабочего движения, выдающийся оратор и публицист, академик АН УССР. В партию вступил в 1903 г., будучи студентом Петербургского университета. В 1905 — начале 1906 г. — член ПК РСДРП(б). После Великого Октября неоднократно избирался членом Центрального Комитета партии, членом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

[25] Автор называет съезд в Выборге четвертым общероссийским, считая третьим не состоявшийся в Киеве в 1904 г. (прим. 18). На съезде в Выборге были представлены 23 студенческие организации.

[26] Совет старост потребовал от Совета университета денег на вооружение студенческой дружины в целях самообороны, но получил отказ. Совет профессоров соглашался лишь на выдачу пособий для приобретения гражданского платья. Студенческие старосты обратились за помощью в городскую думу, а 28 октября в газете «Новая жизнь» было опубликовано «открытое письмо ко всем гражданам столицы», в котором совет старост призывал к отпору «черной сотне» и поддержке студенческого легиона. Совет старост постановил исключить из университета студентов-штрейкбрехеров, помогавших почте во время всероссийской стачки, а совет профессоров отказался это сделать, ссылаясь на свободу убеждений. Студенты бойкотировали экзамены, а профессора постановили провести их пусть даже под охраной штыков. «...Мечутся и либеральные профессора, бросаясь уговаривать — сегодня студентов, чтобы были поскромнее, завтра нагаечников, чтобы они были помягче», — писал В. И. Ленин о позиции, занятой либеральной профессурой в октябре 1905 г. (Полн. собр. соч., т. 11, с. 378).

[27] Подробнее см.: Яковлев В. П. Петербургский университет в революции 1905—1907 гг.

[28] Ныне ул. Воинова.

[29] Вечером 18 октября по демонстрантам стреляли на Загородном пр., Гороховой ул. (ул. Дзержинского) у Технологического института был ранен Е. В. Тарле. 19 октября казаки избили группу студентов у здания университета.

[30] В избранном осенью совете старост из 22 его членов оказалось 16 социал-демократов, в их числе большевики А. Н. Замятин, В. А. Энгель (брат автора воспоминаний), И. И. Корель, Н. В. Дорошенко, Н. В. Аполлонов, В. Н. Макаров, Н. Н. Кузьмин и др. Подробнее см.: Бондаревская Т. П. Большевистская организация университета в революции 1905—1907 гг. — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 67—80.

И. И. КОРЕЛЬ

Воспоминания студенческого старосты

Впервые опубликовано в газете «Ленинградский университет» в 1939 г. (см.: Корель И. И.) Петербургский университет в 1905 г. — Ленинградский университет, 1939, 28 февраля; 2) Петербургский университет на службе

революции в 1905—1907 году (Воспоминания студенческого старосты). — Ленинградский университет, 1939, 5 марта, 17 марта). Печатается по первой публикации.

Корель Иван Иванович (1882—1954) — член КПСС с 1904 г., с 1902 г. — студент историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1903 г. за участие в организации политического протеста студентов против расстрела рабочих в Златоусте был из университета исключен. Активный участник первой русской революции, с осени 1906 г. — секретарь совета старост Петербургского университета. В 1910 г. окончил университет по кафедре древнерусской литературы. В 1911 г. за «агитацию в целях оживить революционное движение» был сослан в Архангельскую губернию. В годы Советской власти работал в Наркомтруде и Наркомпросе. В 1934—1943 гг. был директором Научной библиотеки имени А. М. Горького Ленинградского университета, с 1943 г. — главным библиотекарем Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Снискал высокий авторитет как признанный организатор библиотечного дела, библиограф и книговед.

[1] *Замятин Александр Николаевич* (1879—1918) — сын рабочего, в 1904 г. был уволен из Горного института за «участие в студенческих беспорядках». Осенью 1904 г. поступил на юридический факультет университета. Вскоре после сходки 7 февраля 1905 г. был выслан из Петербурга (ЛГИА, ф. 14, оп. 3, дд. 36, 703, 43281) и только осенью 1906 г., по требованию студентов, возвращен в университет. (Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 129).

[2] В конце 1904 г. в Петербургском университете было около двух десятков студентов-большевиков. Те из них, кто был в столице 9 января, уже вечером сражались на баррикадах вместе с рабочими против правительственных войск. Там были Н. В. Дорошенко, К. С. Жарновецкий, О. В. Портянка и др. Под руководством студента Л. Д. Давыдова рабочие Васильевского острова захватили оружейную мастерскую и типографию, в которой отпечатали листовку с призывом к вооруженному восстанию. Программа и проекты резолюции сходки 7 февраля, о которой пишет И. И. Корель, были подготовлены группой студентов социал-демократов на собрании 4 февраля (Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971, с. 146). На сходке выступило 43 оратора и большинство из них присоединились к мнению социал-демократов: «Университет должен быть закрыт, ибо студенчество не может заниматься наукой в той стране, где властвует полный произвол... Закрыв университет, мы дадим товарищам полную возможность направить всю свою энергию на пользу грядущей, неизбежно близящейся революции» (Д. [Дьяконов А.] 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. Сходки и митинги. СПб., 1907, с. 10—11. Далее — Дьяконов А.). По сведениям полиции итоги голосования за забастовку до 1 сентября 1905 г. выглядят следующим образом: «за» — 2378, «против» — 66, воздержалось — 42, при особом мнении осталось 3 человека (Павлицкая Н. И. Петербургский университет в 1905—1907 гг. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1948, № 11, с. 143). Таким образом, в сходке участвовало около 2500 студентов, вдвое меньше, чем считает автор воспоминаний. Представляется, что последняя цифра (2500) более достоверна — Актовый зал университета явно не мог вместить 5000 человек.

[3] «Денница», соединившаяся в октябре 1905 г. с «Союзом русского народа», — политические организации крайне правых монархистов, созданные накануне 1905 г. в Петербургском университете при открытом покровительстве Николая II для борьбы с революцией методами погромов, индивидуального террора против революционеров и демократов. Пользуясь поддержкой черносотенцев, студенты-академисты в 1909—1911 гг. выступали противниками студенческих забастовок, провоцировали столкновения студентов с полицией (Яковлев В. П. Студенчество российских университетов в годы реакции (1907—1910). — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976). После Великого Октября остатки «Союза русского народа» активно участвовали в белогвардейской контрреволюции.

[4] Новое время, 1905, 8 февраля.

[5] «Высочайший» выговор был объявлен ректору Жданову и инспектору студен-

тов Лысцову, «высочайшее» неудовольствие объявлено всему Петербургскому университету.

[6] В документальной хронике событий (Дьяконов А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. Сходки и митинги, с. 11) резолюция сходки приведена в такой редакции: «Закрыв университет, мы дадим товарищам полную возможность направить всю свою энергию на пользу грядущей, неизбежно близящейся революции».

[7] 18 февраля 1905 г. под натиском первой в России революции самодержавие вынуждено было пойти на уступки. В этот день был опубликован царский рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, обещавший привлечь к управлению государством «достойнейших, доверием народа облеченных». Булыгинская дума так и не была созвана, подъем революционного движения заставил правительство пойти на новые уступки.

[8] Автор неточен: «автономия» университетам была возвращена 27 августа 1905 г. изданием «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения». Эти правила, не отменяя реакционного устава 1884 г., предоставили Совету университета и факультетским собраниям избирать соответственно ректора и декана и возложили на Совет университета заботы о поддержании порядка. (См.: Иванов А. Е. Университеты России в 1905 г. — Исторические записки, 1971, т. 88, с. 126).

[9] Коалиционный совет был создан еще в 1904 г. из представителей различных революционных организаций для руководства студенческими выступлениями. Осенью 1905 г. его сменил совет старост, выборы в который проходили с 7 по 12 октября (См.: Бондаревская Т. П. Большевистская организация университета в революции 1905—1907 гг. — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России).

[10] Автор неточно цитирует А. Дьяконова (1905 и 1906 годы в Петербургском университете, с. 20—24). За предложение большевиков открыть университет для революционных митингов голосовало 1700 человек, за предложение эсеров — 243, при особом мнении остались — 77 (там же, с. 78).

[11] По уставу 1884 г. инспекция студентов («педели») была независима от совета университета, подчиняясь попечителю учебного округа; правом поступления в университет пользовались выпускники мужских классических гимназий университетских учебных округов. В 1887 г. были введены ограничения приема в университеты лиц иудейского вероисповедания. Резолюции студенческих сходок и совета университета в сентябрьские дни 1905 г. требовали допущения в университеты женщин и выпускников всех средних учебных заведений, уничтожения процентной нормы приема евреев.

[12] Выборы проходили с 7 по 12 октября, один староста выбирался от 250 студентов. Среди 16 старост-социал-демократов были студенты большевики А. Н. Замятин, В. А. Энгель, Н. В. Дорошенко, И. И. Корель, Н. В. Аполлонов, Н. Н. Кузьмин и др. В составе совета — 1 эсер, 1 кадет и 4 беспартийных студента. Председателем был избран большевик А. Н. Замятин (См.: Бондаревская Т. П. Большевистская организация университета в революции 1905—1907 гг., с. 78).

[13] В. Войтинский писал, что на митинг 11 октября перед университетом собралось 30 тысяч железнодорожников (Цит. по: Иванов А. Е. Указ. соч., с. 145). Большинство источников, как правило, определяют число участников митингов в первой половине октября цифрой 10 тысяч человек ежедневно.

[14] *Трепов Дмитрий Федорович* (1855—1906) — генерал-майор, с 1896 г. — московский обер-полицмейстер, с 11 января 1905 г. — петербургский генерал-губернатор, «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 238).

[15] 13 октября особое совещание министров постановило запретить все собрания и митинги в стенах высших учебных заведений, советам высших учебных заведений давалось право их закрытия в случае нарушения запрета. Еще 12 октября Д. Ф. Трепов направил министру народного просвещения В. Н. Глазову письмо, в котором указывал на Петербургский университет как на арену «дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей».

[16] Здание двенадцати коллегий стало в октябре 1905 г. настоящим университетом революции, в его аудиториях собирались люди самых разных профессий. 14 октября здесь митинговали даже городовые, тотчас уволенные за это со службы (ЛГИА, ф. 2075, оп. 6, д. 363, л. 56).

[17] На с. 82 помещена фотография митинга 18 октября 1905 г. у стен Петербургского университета. Снимок сделан известным петербургским фотографом К. К. Буллой, «сделавшим, — как писал о нем Н. И. Кареев, — своею специальностью „снимать" своим превосходным аппаратом все, что только происходило в жизни столицы выходящего из ряда повседневности» (Кареев Н. И. Прожитое и пережитое, с. 305—306), но из-за запрета цензуры был опубликован лишь в марте 1917 г. В книге Х. Кырвитса «Эдуард Сырмус» (Таллин, 1972, с. 32) со ссылками на воспоминания современников утверждается, что студентом, прикрепившим красный флаг к кресту университетской церкви, был известный впоследствии эстонский музыкант Э. Сырмус. В 1905 г. Э. Сырмус учился в консерватории и университете одновременно, в конце 1905 г. был членом Петербургского комитета РСДРП. Х. Кырвитс ошибочно датирует события, изображенные на фотографии, январем-февралем 1905 г., когда никаких митингов в университете не было (Яковлев В. П. О чем рассказали фотографии. — Ленинградский университет, 1980, 10 октября).

[18] Тарле Е. В. в 1905 г. был приват-доцентом, а не профессором.

[19] 23 октября 1905 г. на входных дверях университета, охраняемых двумя солдатами и городовыми, появилось извещение о закрытии университета.

[20] В. И. Ленин подчеркивал, что осенью 1905 г. «революционных рабочих и радикальных студентов перестают уже считать посторонними друг другу...» (Полн. собр. соч., т. 11, с. 347).

[21] Мраморная мемориальная доска возобновлена в 1955 г. по проекту архитектора М. Ф. Егорова (Калинин Б. Н., Юревич П. П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Л., 1979, с. 475).

[22] Секретарем совета старост И. И. Корель стал в сентябре 1906 г.

[23] Распоряжение министра о закрытии Петербургского университета последовало 15 октября. 16 и 17 октября входные двери в здание университета блокировались солдатами и полицейскими. Войска в университет были введены лишь на один день, 18 октября.

[24] А. Дьяконов датирует это заявление совета старост 30 августа, и эта дата представляется более достоверной, поскольку заявление было приурочено к 1 сентября (Дьяконов А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. Сходки и митинги, с. 72).

[25] В совете старост 1906 г. эсеров было 5, кадетов — 4, польских социалистов — 3, трудовиков — 2, беспартийных — 2. Председателем совета был избран большевик Н. В. Дорошенко (Дьяконов А. Указ. соч., с. 101).

[26] Ныне кафедра физвоспитания и спорта ЛГУ.

[27] *Перамент Михаил Яковлевич* (1866—1921) — профессор гражданского права юридического факультета Петербургского университета с 1899 по 1911 г., в эти же годы — декан юридического факультета Высших женских курсов. С 1911 г. — профессор Юрьевского университета.

Покровский Иосиф Алексеевич (1869—1920) — профессор римского права юридического факультета Петербургского университета с 1902 г., в 1910—1912 гг. — декан юридического факультета. Одновременно читал курс лекций на Высших женских курсах.

Гримм Эдуард Давидович (1870—1940) — воспитанник, приват-доцент, профессор и ректор (в 1911 г.) Петербургского университета, антиковед, специалист по истории древнеримской государственности.

[28] Утверждение автора будто значительная часть профессуры Петербургского университета была правой, неверно. Большая ее часть примкнула к либералам, создав влиятельную группу в кадетской партии.

[29] *Жаков Константин Федорович* (1866—1926) — уроженец села Вильгорт Коми края, этнограф, языковед, профессор историко-филологического факультета Петербургского университета. Будучи представителем буржуазно-либеральной науки, идеализи-

ровал историческую жизнь коми народа. (См.: История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978).

[30] Ныне столовая № 8 Васильевостровского треста столовых.

[31] «Тов. Таня» — *М. П. Комарова-Зябкина; Рожков Николай Александрович* (1868—1927) — историк, в 1905 г. большевик, член Московского и Петербургского комитетов партии; на V (Лондонском) съезде партии избирался членом ЦК. С 1908 г.— ликвидатор. В 1922 г. порвал с меньшевистской партией. Автор 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», в которой отдал дань экономическому материализму.

[32] *Ярославский Емельян Михайлович* [Губельман Миней Израелевич] (1878—1943) — участник революционного движения, партийный деятель, публицист, историк. Академик АН СССР. Член партии с 1898 г. В рассматриваемое время — член Петербургского комитета РСДРП.

[33] *Красиков Петр Ананьевич* (1870—1939) — профессиональный революционер, большевик. С 1891 г. — студент сначала физико-математического, затем юридического факультетов Петербургского университета. Революционную деятельность начал в 1892 г., летом того же года в Швейцарии установил связь с группой «Освобождение труда». В 1893 г. П. А. Красиков был арестован и в ноябре 1894 г. выслан на три года в Красноярск под надзор полиции. В ссылке познакомился с В. И. Лениным и его соратниками по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

Один из видных агентов «Искры», вел большую работу по подготовке II съезда РСДРП, принимал активное участие в революции 1905—1907 гг. В годы реакции переходит на легальное положение, в 1908 г. заканчивает юридический факультет и становится помощником присяжного поверенного. После Октябрьской революции занимал ответственные посты в Верховном суде СССР.

[34] *Землячка Розалия Самойловна* (1876—1946) — видный партийный и государственный деятель, в революционном движении с 1893 г. Агент «Искры», делегат II съезда РСДРП, работала секретарем Петербургской организации и была ее делегатом на III съезде. Неоднократно арестовывалась. После Октябрьской революции находилась на ответственной партийной и советской работе.

[35] *Дубровинский Иосиф Федорович* (1877—1913) — профессиональный революционер. Один из руководителей «Московского рабочего союза», арестован в 1897 г. и в 1898 г. выслан на 4 года в Вятскую губернию. Был активным агентом «Искры», в 1903 г. возглавлял социал-демократическую организацию в Самаре, в 1905 г. вел партийную работу в Москве. В ноябре 1905 г. участвовал в революционном выступлении моряков Кронштадта, в декабре Дубровинский — один из руководителей восстания в Москве. Неоднократно арестовывался и погиб в ссылке в Туруханском крае.

[36] *Самойлова Конкордия Николаевна* (1876—1921) — революционерка, член партии с 1903 г. В 1903 г. — член Тверского, в 1905 г. — Одесского, в 1906—1907 гг. Ростовского, Московского окружного, Луганского комитетов РСДРП. В 1909—1910 гг. — член Петербургского комитета партии. Одна из руководительниц женского пролетарского движения. После Октябрьской революции на ответственной партийной работе.

[37] «Красный Крест» — в описываемое время в России — обиходное название межпартийной нелегальной организации помощи заключенным или сосланным революционерам — «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным». После революции 1905 г., наряду с массовыми сборами средств в пользу арестованных и сосланных среди рабочих, по инициативе большевиков эта работа была развернута и в студенческой среде. Студенты Петербургского университета и бестужевки, в частности, работали в нескольких группах содействия нелегальному Красному Кресту, в их числе — и в «Группе помощи политкаторжанам Шлиссельбурга» (См.: На каторжном острове. Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга». 1907—1917 гг. / Под ред. Ю. Д. Марголиса. Л., 1968, с. 17—18).

[38] *Цыперович Григорий Владимирович* (1871—1932) — член партии с 1919 г., в революционном движении с 1888 г. В 1894 г. за пропаганду среди матросов и рабочих Одессы был сослан в Якутию на 10 лет. По возвращении из ссылки участво-

вал в Первой русской революции. С 1907 г. работал в Петербурге, в рабочих клубах и профессиональных союзах. В годы Советской власти — на партийной, хозяйственной и научной работе в Ленинграде. Автор исследований «Синдикаты и тресты в России» (1918), «Будущее Ленинграда» (1929) и книги мемуаров «За полярным кругом» (1927).

В. К. ДЫЛЕВА-УСТВОЛЬСКАЯ

Воспоминания бестужевки

Публикуются впервые по записи воспоминаний, датированной 1974 г. Подлинник хранится в Музее истории Ленинградского университета, в фонде Высших женских (бестужевских) курсов (ВЖК).

Дылева Вера Константиновна (1885—1977) — слушательница ВЖК, после Великого Октября учительствовала.

[1] В связи с событиями 9 января 1905 г. студенты университета и слушательницы бестужевских курсов, как и других учебных заведений столицы, большинством голосов участников сходок, решили не посещать занятия. Временно прекратилось и чтение лекций. (См.: Дьяконова Е. Дневник. На Высших женских курсах. 1895—1899. СПб., 1905, с. 62, 71—72, 160; Санкт-Петербургские высшие женские (бестужевские) курсы. Л., 1973, с. 297; Тишкин Г. А. Студентки университета и слушательницы бестужевских курсов в 1905—1907 г. — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 81—92).

[2] Высшие женские (бестужевские) курсы (ВЖК) были созданы в Петербурге инициативной группой представителей прогрессивной интеллигенции (М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. П. Философова) во главе с А. Н. Бекетовым. Название получили по имени монархически настроенного профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, ставшего их официальным учредителем по требованию министерства просвещения. Хотя женские курсы возникли и существовали при Петербургском университете, но обозначение этого было «высочайше» исключено из их официального названия. Активную роль в организации Курсов, разработке передовой методики преподавания сыграли профессора Петербургского университета А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев, Ф. Ф. Петрушевский, И. М. Сеченов, Б. Д. Греков, Н. К. Пиксанов, Е. В. Тарле, Л. В. Щерба и другие. Прогрессивные методы преподавания на ВЖК, активное участие бестужевок в освободительном движении (в частности, в народовольческих, а с 1880 г. в марксистских организациях) были причиной постоянных правительственных репрессий. Так, в 1886 г. по министерскому предписанию прием слушательниц был прекращен, а позже курсы были закрыты. Активизация их деятельности в конце XIX — начале XX в. непосредственно связана с подъемом революционного движения. В эти годы на ВЖК учились Н. К. Крупская, А. И. Ульянова-Елизарова, П. Ф. Куделли, Л. А. Фотиева, К. Н. Самойлова и другие — ставшие впоследствии видными деятельницами ленинской партии. (См.: Высшие женские (бестужевские) курсы. Библиографический указатель. М., 1966, с. 8—9; Мавродин В. В., Тишкин Г. А. Ленинградский университет и высшее женское образование. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 2, с. 5—9).

[3] *Уствольские Михаил Михайлович и Иван Михайлович* — студенты юридического факультета университета. Первый из них с 1909 г. муж автора воспоминаний.

[4] Лесгафтичка — слушательница организованных П. Ф. Лесгафтом (см. наст. изд. с. 164). Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования.

Курсы П. Ф. Лесгафта явились прообразом созданных в СССР и других странах высших учебных заведений физической культуры (в их числе и Ленинградского государственного института физической культуры им. П. Ф. Лесгафта).

[5] Воскресная школа для рабочих на Шлиссельбургском тракте была создана впервые студентами Петербургского университета. В 1860—1862 гг. в этой школе Ф. Данненберг, Н. Помяловский, Е. Печаткин, П. Гайдебуров и другие студенты занимались распространением революционно-демократических идей. Число учащихся в ней достигало 800 человек (См.: Тишкин Г. А. О революционной пропаганде студентов Петербургского университета в воскресных школах. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 2, с. 148—153).

Несколько поколений бестужевок преподавали в вечерних Смоленских классах для рабочих фабрик Максвелля, Паля, Торнтона, Александровского завода. Среди них были Н. К. Крупская, П. Ф. Куделли, Л. М. Киппович, З. П. Невзорова, А. М. Калмыкова, А. А. Якубова и другие (См.: Крупская Н. К. Пять лет работы в вечерних Смоленских классах. — Педагогические сочинения в 10-ти томах. Т. 1. М., 1957, с. 39—40). В годы революции 1905—1907 гг. дело просвещения народа продолжили представительницы молодого поколения бестужевок (См.: Федосеева Э. П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России. М., 1980).

[6] Паля Александро-Невская мануфактура — ныне Прядильно-ткацкий комбинат имени В. П. Ногина.

[7] *Чичерин Георгий Васильевич* (1872—1936) — советский государственный деятель и дипломат. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, с 1897 г. был служащим архива министерства иностранных дел. С 1904 г. активный участник революционного движения.

[8] *Коллонтай Александра Михайловна* (1872—1952) — профессиональный революционер, советский дипломат, одна из руководительниц пролетарского женского движения в России.

[9] «П. И. Косенков (директор Музея революционной славы Невской заставы. — *Сост.*) рассказал мне, что в 1917 г. Коля Сорокин вступил в ряды Красной Армии, стал лихим кавалеристом и погиб в боях под Петроградом» (прим. В. К. Дылевой).

[10] Семянниковский — Невский судостроительный и механический завод — ныне головное предприятие объединения «Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина».

[11] Стеклянный завод — «Северное стекольно-промышленное общество» (Петербургского уезда).

[12] Ниже цитируется письмо Н. М. Никифоровской к В. К. Дылевой от 13 декабря 1974 г.

[13] *Крыленко Николай Васильевич* (1885—1938) — видный революционер, советский государственный деятель. С 1903 г. студент историко-филологического факультета Петербургского университета, с 1904 г. член партии большевиков. В период революции 1905—1907 гг. Н. В. Крыленко активно вел пропагандистскую работу на промышленных предприятиях и в учебных заведениях столицы. (Яковлев В. П. Николай Васильевич Крыленко. — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России, с. 153—161). Яркий портрет Н. В. Крыленко воссоздают публикуемые в настоящем томе воспоминания И. В. Егорова (с. 107) и С. И. Петриковского (с. 128—130).

[14] Вознесенский проспект — ныне проспект Майорова.

[15] Екатерининский канал — ныне канал Грибоедова.

[16] Английский проспект — ныне проспект Маклина.

[17] Офицерская улица — ныне улица Декабристов.

Н. И. КАРЕЕВ

Возвращение в университет

Публикуется впервые по правленой автором машинописи воспоминаний Н. И. Кареева «Прожитое и пережитое», хранящейся в рукописном фонде Музея Ленинградского университета. Работа автора над главой «В Петербурге в начале XX века», частью которой является публикуемый отрывок (так же как и над главами «Муравишники», «Гжатск и Сычевка», «Москва и гимназия», «В Московском университете», «Годы моего учительства в гимназии», «Первые заграничные поездки и встречи», «Профессорство в Варшаве», «Новые заграничные поездки и встречи»), «Прожитого и пережитого» («прожитого на самом деле, — пишет автор, — пережитого в воспоминаниях во время процесса писания») была закончена автором в июле 1923 г. в Саблино-Козловке. Передана в Музей ЛГУ вдовой автора С. Н. Верейской-Кареевой в 1956 г. Автограф воспоминаний Н. И. Кареева см.: ОР ГБЛ, ф. 119, картон 44, ед. хр. 5.

Кареев Николай Иванович (1850—1931) — один из крупнейших русских и советских историков нового времени. Изучал историю Франции XVIII в., Великую французскую революцию. Труд «История Западной Европы в новое время» вышел в семи томах, печатался с 1892 по 1917 г. В молодые годы Н. И. Кареев увлекался демократическими и народническими идеями, впоследствии перешел на позиции буржуазного либерализма. С октября 1905 г. — член кадетской партии. За участие в депутации общественных деятелей к министру внутренних дел 8 января 1905 г. накануне Кровавого воскресенья, был на короткое время посажен в Петропавловскую крепость. Член I Государственной думы, подписал «Выборгское воззвание» (см. о нем прим. 25 на с. 202), был привлечен к судебной ответственности. В советское время продолжал изучение Великой французской революции. С 1929 г. — почетный член АН СССР.

[1] О поводе, использованном для увольнения Н. И. Кареева из университета в 1899 г. «по высочайшему повелению», в другом месте его воспоминаний читаем: «Когда на другой день после избиения студентов нагайками, начались сходки, я поспешил в университет и стал убеждать ректора (Сергеевича), как оказалось, своим бестактным воззванием <...> вооружившего против себя студентов, и бывших тут деканов, что нужно совету университета взять это дело на себя, обратиться к студентам с призывом успокоиться и предоставить совету добиваться у властей расследования возмутительного поведения полиции и наказания виновных, причем я рассказал, какое благотворное следствие имела аналогичная мера в Варшаве во время островиновской истории. Мне казалось, что это предложение было уже принято, как все по воле высшего начальства приняло другой ход. Начались заседания совета, одно за другим, начались частные совещания профессоров и других лиц (помню одно в квартире П. И. Вейнберга). Сергеевич вел себя невозможно, прямо издеваясь над членами совета, предлагавшими то, что было ему неудобно. Попечитель Капустин был болен. На заседания совета стал являться его помощник Лаврентьев, не вмешивавшийся ни во что, только наблюдавший за тем, что происходило. Поведение ректора вызвало среди некоторых профессоров мысль просить Лаврентьева взять на себя председательство ввиду враждебного положения, занятого ректором. Эту щекотливую миссию возложили на меня, но, конечно, мое обращение к Лаврентьеву с такой просьбой дало только повод Сергеевичу еще поиронизировать, как вдруг на середину зала выступил старик Ламанский с такими приблизительно словами: „Василий Иванович! Мы обращаемся к вам с товарищескою просьбою. Уйдите в отставку из ректоров, студенты вас не любят, не губите университета. Мы так будем вам благодарны". Затем он обернулся, как бы ища поддержки со стороны товарищей, но никто не шелохнулся. Мне стало стыдно, и я громко встав со своего места, заявил: „Владимир Иванович, я к вам присоединяюсь". Думаю, что этот поступок и был одной из причин моего увольнения из университета. Сергеевич ответил, что он на своем месте „по воле государя императора" и что потому не нам его смещать, через несколько дней он подошел ко мне в упор, бледный от гнева, и еле сдерживаясь, потребовал

от меня ответа по поводу каких-то, кажется слов, будто бы сказанных мною студентам в облыжное, Сергеевича, обвинение. Он подошел ко мне так близко, что я заложил руки за спину, как бы [боясь] не задеть его каким-нибудь невольным жестом. Во всей этой истории Сергеевич потерял свою прежнюю либеральную репутацию и в других кругах общества». (Кареев Н. И. Прожитое и пережитое).

[2] В 1906 г. Н. И. Кареев был избран членом I Государственной думы от Петербурга.

[3] С. Н. Валк писал об этом времени: «Революционная буря 1905 г. во многом изменила внутренний строй университетской жизни и университетского преподавания. Состав университетских преподавателей обновился прежде всего благодаря вступлению в качестве приват-доцентов ряда ученых, не говоря уже о возвращении некоторых ранее уволенных профессоров». (Валк С. Н. Борис Александрович Романов. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 8).

[4] *Шварц Александр Николаевич* (1848—1915) — в 1908—1910 гг. министр народного просвещения, осуществивший ряд реакционных мер по фактической отмене университетской автономии, установленной в августе 1905 г. Черносотенец.

[5] *Кассо Лев Аристидович* (1865—1914) — в 1910—1914 гг. министр народного просвещения, проводивший черносотенно-погромную политику в высшей школе.

[6] Академический профессорский союз — организация либеральной профессуры, возникшая в марте 1905 г., когда в Петербурге состоялся его I Всероссийский делегатский съезд. Союз, говорилось в принятом на съезде документе, ограничивал свои задачи достижением «нормального устройства академического быта на началах академической свободы и автономии». Среди учредителей союза было несколько профессоров Петербургского университета: И. М. Гревс, Д. Д. Гримм, Л. И. Петражицкий и др. Возникновение этой организации «прогрессивных элементов русского общества» отразило углубление противоречий между буржуазией и самодержавием по мере развития капитализма в стране. Но массовые революционные действия трудящихся, возглавленных гегемоном революционных сил — российским пролетариатом, уже в 1905—1907 гг., по словам В. И. Ленина, «замечательно быстро» разоблачили либерализм, обнаружили «на деле его контрреволюционную природу» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 122). Отражением кризиса российского либерализма явилось и разложение Академического союза, члены которого в годы реакции либо отошли от политической борьбы, либо пополнили ряды политических партий российской буржуазии.

[7] Политехникум — Петербургский политехнический институт. На экономическом отделении Политехникума Н. И. Кареев читал специально разработанные им «типологические» курсы всеобщей истории, в которых были, по его словам, «с сравнительной и обобщающей точки зрения рассмотрены и государства-города античного мира, и древние деспотии, и средневековый феодализм, и западноевропейские монархии трех категорий: сословные, абсолютные и конституционные».

[8] *Гримм Давид Давидович* (1864—1934) — юрист-цивилист, с 1901 г. — ординарный профессор кафедры римского права, в 1902 г. — ректор Петербургского университета. Видный член кадетской партии, с 1907 г. — член Государственного совета по выборам от Академии наук и российских университетов. Среди трудов Д. Д. Гримма Курс римского права. Т. I. (СПб., 1904), Лекции по догме римского права (5-е изд. Пг., 1916). После Великой Октябрьской революции эмигрировал.

[9] *Ковалевский Максим Максимович* (1851—1916) — крупнейший социолог-позитивист, автор многочисленных трудов по этнографии, истории государства и права, истории хозяйства, истории семьи, истории политической мысли, национальному, рабочему, аграрному вопросам, литературоведению. В 1872—1877 г. жил за границей, где и познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1877 г. за прогрессивный образ мыслей был уволен из Московского университета и снова уехал за границу. Там работал и читал с неизменным успехом лекции в лучших университетах Европы и Америки. В 1901 г. в Париже основал Русскую высшую школу общественных наук. Вернулся в Россию в 1905 г. Был членом I Государственной думы, где основал партию демократических реформ (правее кадетов). В 1905—1916 гг. — профессор Петербург-

ского университета. Эти годы ознаменованы выходом в свет его итоговых капитальных работ по социологии («Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом», «Современные социологи», «Социология», «Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии» и др.). К. Маркс в письме к Н. Ф. Даниельсону от 19 сентября 1879 г. назвал М. М. Ковалевского одним из своих «„научных" друзей» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 323). В 1909 г. М. М. Ковалевский писал о К. Марксе: «На расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности. С этим представлением связано и другое, а именно то, что в его лице я имел счастие встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности» (Ковалевский М. Две жизни. — Вестник Европы, 1909, кн. 7, с. 22). Из работ Н. И. Кареева о М. М. Ковалевском см.: М. М. Ковалевский как историк и социолог. — В кн.: Максим Ковалевский. 1851—1916. Пг., 1918 [на титульном листе 1917], с. 169—179.

[10] Секциям Парижа, созданным в 1790 г., а в 1792—1793 гг. ставшим низовыми органами революции, Н. И. Кареев посвятил серию своих научных трудов. Хотя Н. И. Кареев оказался не в состоянии вскрыть подлинный исторический смысл деятельности секций как органов буржуазной революции, его исследования по истории парижских секций времен французской революции XVIII в. представляли для своего времени «значительный интерес собранным и систематизированным в них материалом историографического, источниковедческого, документального и фактического характера» (см.: Кареев Н. И. 1) Парижские секции времен французской революции (1790—1795). С приложением выдержек из секционных документов. — Историческое обозрение, 1911, т. XVI; 2) Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. По архивным источникам. — «Из Записок историко-филологического факультета С.-Петербургского университета», 1914, ч. CXXXVIII; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, с. 483).

[11] *Форстен Георгий Васильевич* (1857—1910) — профессор историко-филологического факультета Петербургского университета, посвятил свои исследования изучению внешней политики Русского централизованного государства, создатель первых фундаментальных исследований по истории международных отношений XV—XVII вв. и по внешнеполитической истории северной Германии, Дании и Швеции, был одним из ведущих профессоров всеобщей истории (см.: Форстен Г. В. 1) Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. — Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, 1884, т. 14; 2) Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893, т. 1—2. СПб., 1893—1894; Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979).

[12] *Петров Евгений Николаевич* — специалист по истории Франции и французской историографии.

[13] *Бутенко Вадим Аполлонович* (1877—1930) — профессор кафедры новой истории Саратовского университета, автор исследований по политической истории Франции первой четверти XIX в.

[14] *Лучицкий Иван Васильевич* (1845—1918) — с 1874 г. приват-доцент Киевского, позднее — Петербургского университетов, один из наиболее крупных буржуазных историков нового времени (см.: Петров Е. Н. Исследования И. В. Лучицкого по социальной истории Франции в эпоху религиозных войн. — Научный исторический журнал, 1914, № 4, с. 9—17), автор фундаментальных работ по истории религиозных войн во Франции XVI в. и по аграрной истории Франции накануне и в период революции XVIII века, а также украинского крестьянства (см.: Тарле Е. В. И. В. Лучицкий. К 50-летию его научно-литературной деятельности. — В кн.: Тарле Е. В. Соч. в 12-ти т. Т. 11. М., 1961, с. 378—394).

[15] *Ону Александр Михайлович* (1865—?) — один из ярких представителей школы Н. И. Кареева в области нового времени, автор монографии «Выборы 1789 года во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны». — Записки историко-филологического факультета С.-Петербург-

ского университета, 1908, ч. LXXXVIII. В главе «Первое мое профессорство в Петербургском университете» своих воспоминаний Н. И. Кареев отвел характеристике А. М. Ону специальное место: «С первых же лет преподавания в Петербургском университете я стал вести практические занятия преимущественно по французской и по польской истории, — писал Н. И. Кареев. — С первых же также лет я стал приобретать учеников. Одним из первых был А. М. Ону, которого мальчиком лет двенадцати я видел еще в Париже, где мать его, жена одного из наших дипломатов в Константинополе, жила во время войны с Турцией в 1877—1878 годах. Я хотел предложить Ону к оставлению при университете, но едва я об этом заикнулся, как Владиславлев решительно заявил, что он этого не допустит, что если бы даже Ону прошел в факультете и в совете, в чем Владиславлев, однако, сомневался, то министерского утверждения такого постановления не последовало бы. Дело было в том, что мой кандидат участвовал в студенческих беспорядках. Занимался у меня Ону французскими наказами 1789 года. Своих занятий этим предметом он не оставлял и впоследствии. Его служба в Государственной канцелярии с продолжительными летними вакациями позволяла ему ездить часто во Францию, где он и продолжал заниматься своею темою в национальном архиве. Можно сказать, что и во французской литературе до того не было такого обстоятельного критического исследования о наказах 1789 г., как об историческом источнике. Если бы Ону был уже магистрантом, т. е. был выдержавшим магистерский экзамен, ученая степень магистра была бы дана ему совершенно заслуженно. Когда он представил свой труд в Академию наук на одну из премий, Академия обратилась ко мне за отзывом, но я не счел возможным взять его составление на себя, так как книга была посвящена мне. Блестящий отзыв о ней был дан И. В. Лучицким. Перед самой революцией Ону был допущен к преподаванию в университете в качестве приват-доцента, как «известный ученый» (Кареев Н. И. Прожитое и пережитое, с. 123—124).

[16] Точное название сборника «Н. И. Карееву ученики и товарищи по научной работе (1873—1913)». СПб., 1914. Среди статей и материалов сборника — список трудов Н. И. Кареева.

[17] *Миллер Орест Федорович* (1833—1889) — воспитанник (1851—1855), а с 1870 по 1887 г. — профессор историко-филологического факультета Петербургского университета, историк русской литературы, пользовавшийся большой популярностью у учащейся молодежи. «За что я его горячо люблю и уважаю, — вспоминал В. В. Вересаев, — это за необычайную отзывчивость на все студенческие горести и невзгоды, за всегдашнюю готовность прийти на помощь решительно всем, чем только мог... Осенью 1887 г., после смерти Каткова, Орест Миллер посвятил лекцию резко отрицательной оценке его деятельности и за это был уволен из университета» (Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I, с. 202).

[18] Соколов Федор Федорович (1841—1909) — историк, филолог, эпиграфист, один из зачинателей историко-филологического изучения античной истории в России (см.: Фролов Э. Д. Ф. Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении. — Вестник древней истории, 1977, № 1, с. 231—225). С 1865 г. — профессор Петербургского университета.

[19] Уместно напомнить, что академик С. А. Жебелев, часто, по свидетельству А. Мишулина, говоривший о себе «Я — фактопоклонник», решительно защищал соколовскую школу творческого изучения фактов, выступая против тех, кто обвинял Соколова в фетишизации «факта» (см.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I, с. 297).

[20] Статья Н. И. Кареева, о которой идет речь («Всеобщая история в университете»), была опубликована в т. 3 «Исторического вестника» за 1891 год.

[21] См.: Кареев Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет. 1902—1911. — Историческое обозрение, 1912, т. XVII.

[22] См.: Кареев Н. Революционные комитеты парижских секций (1793—1795). С приложением неизданных документов. — Отдельный оттиск из «Известий С.-Петербургского политехнического института», 1913, т. XIX.

[23] Будучи смолоду субъективным идеалистом, испытавшим существенное воздействие революционного просветительства и народнической идеологии, Н. И. Кареев

еще с 1890-х годов пытался критиковать исторический (по терминологии либерального историка «экономический») материализм. Критикуя в лице Кареева и Михайловского «субъективных мыслителей» Г. В. Плеханов показал, что «мир должного, мир истинного и справедливого» стоит у них вне всякой связи с объективным ходом исторического развития: здесь *«должное»*, там — «действительное», и эти две области отделены одна от другой целой пропастью — той пропастью, которая отделяет у дуалистов мир материальный от мира духовного» (Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Избр. филос. произв., т. I, 1956, с. 549—550). Значение критики Г. В. Плехановым субъективного идеализма либеральных народников подчеркнуто В. И. Лениным в «Что делать», где «Кареевы и Михайловские» упоминаются как «достаточно осмеянные» Г. В. Плехановым. (Полн. собр. соч., т. 6, с. 50).

[24] Н. И. Кареев преподавал в Варшавском университете в 1879—1885 гг. В 1905 г. ученый собрал в книге «Polonica: сборник статей по польским делам (1881—1905)» свои труды по истории Польши, в том числе «Падение Польши в исторической литературе», «Мои отношения к полякам» и др., в которых трактовки сложных проблем польской истории «существенно отличались от реакционно-охранительских позиций многих университетских славистов предшествующего периода» (Дьяков В. А. Польская тематика в русской историографии конца XIX — начала XX в. (Н. И. Кареев, А. Л. Крылов, А. Л. Погодин, В. А. Францев). — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981, с. 153.

[25] Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Т. II—III. М., 1883.

[26] В 1899 г. Н. И. Кареев был одним из основателей Исторического общества при Петербургском университете, стал его председателем и редактором издававшегося Обществом «Исторического обозрения» (см.: Кононова Н. Н. Историческое общество при Петербургском университете (краткий исторический очерк). — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. II. Л., 1968, с. 141).

[27] Литературный фонд — полное название «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» — литературно-бытовая организация, основанная в Петербурге в 1859 г. по инициативе А. В. Дружинина. Среди учредителей Литературного фонда — Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков и др. Для поддержки начинающих ученых из общего капитала был выделен специальный фонд, в Петербургском и Харьковском университетах учреждены стипендии Литературного фонда. В 1905 г. Литературный фонд заявил публичный протест против ареста Горького. Существовал до 1918 г. Н. И. Кареев писал, что на общественной работе в Литфонде «оставался до 1917 г., побывав в нем и секретарем, и товарищем председателя, и председателем (на мое председательство пало празднование юбилея Литературного фонда в 1909 году)» (Кареев Н. И. Прожитое и пережитое, с. 228).

[28] Отдел для содействия самообразованию был создан в 1894 г. по инициативе Н. И. Кареева «кружком специалистов» (среди которых был В. И. Семевский) при Педагогическом музее военно-учебных заведений с целью «выработки энциклопедической (общеобразовательной) программы для чтения в целях самообразования». Первое издание «Программ чтения для самообразования» вышло в свет в 1894 г. и до 1911 г. выдержало шесть изданий. Большой популярностью пользовались и написанные Н. И. Кареевым «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» (СПб., 1894; переиздания на чешском (1895), болгарском (1896), польском (1903) языках).

[29] «Комитет пособия нуждающимся студентам» — самодеятельная организация буржуазно-либеральной интеллигенции, существовала до 1917 г. В этом комитете Н. И. Кареев работал до 1899 г. (до увольнения из университета), возглавляя «бюро для приискания студентам работы» (Кареев Н. И. Прожитое и пережитое, с. 228).

[30] «Союз взаимопомощи русских писателей» — буржуазно-либеральная организация литераторов, проявлявшая, по словам Н. И. Кареева, «оппозиционный дух». За подачу заявления, протестующего против кровавой расправы над демонстрацией студентов и рабочих 4 марта 1901 г., «Союз взаимопомощи русских писателей» был 12 марта 1901 г. закрыт (Валк С. Н. Общественное движение в Петербурге в 90-х

в начале 900-х годов. Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».— В кн.: Очерки истории Ленинграда. Т. III. М.; Л., 1956, с. 207); Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981, с. 138—139.

И. В. ЕГОРОВ

В Петербургском университете

Печатается по первой публикации в книге: Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Л., 1980, с. 81—94, 101—109. В комментариях к фрагменту воспоминаний И. В. Егорова использованы «Примечания» В. И. Старцева в их первой публикации.

Егоров Иван Васильевич (1887—1971) — активный участник студенческого движения 1906—1907 гг., окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1911 г. В годы первой мировой войны служил в Свеаборге. После победы Октябрьской революции безоговорочно встал на сторону Советской власти. Беспартийный интеллигент, И. В. Егоров назначается сначала комиссаром Академии наук, а затем правительственным комиссаром всех высших учебных и научных учреждений республики. В партию вступил в 1918 г. В сентябре 1919 г. был избран профессором Смоленского университета и педагогического института. В 1920-е годы преподавал в высших учебных заведениях, опубликовал ряд работ по истории русской литературы, искусства, революционного движения. После Великой Отечественной войны преподавал в Латвийском государственном университете.

[1] *Браун Федор Александрович* (1862—?) — окончил Петербургский университет в 1885 г., профессор, специалист по романо-германской филологии. В конце сентября 1906 г. на основании положения совета министров от 14 сентября 1906 г. «Об упразднении инспекции и об избрании проректоров» стал первым выборным проректором университета.

[2] Характеризуя изменения «самой системы прохождения университетского курса вследствие введения взамен ранее господствовавшей курсовой системы новой, предметной», С. Н. Валк вспоминал: «При этой системе посещение лекций было необязательно. Обязательными были лишь сдача экзаменов по установленным факультетом предметам, зачет просеминария и трех семинариев. Студент же был волен сам устанавливать порядок и время сдачи требуемых предметов, да и срок своего пребывания в университете». (Валк С. Н. Борис Александрович Романов. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 8—9).

[3] Автор воспоминаний неточен. Совет старост пришел на смену коалиционному совету (а не комитету) в октябре 1905 г.

[4] Свеаборжцы — участники первоначально стихийного, а затем под руководством большевиков восстания 5 тысяч матросов и солдат крепости Свеаборг (у входа в гавань Хельсинки) в июле 1906 г. По делу о Свеаборгском восстании, выдвинувшем революционные лозунги свержения царизма и передачи земли крестьянам, по приговорам военных судов были расстреляны 28 человек, осуждены на каторжные работы в дисциплинарные батальоны и в военные тюрьмы 776 человек.

[5] *Людвиг Нобель* — известный в Петербурге капиталист шведского происхождения. Имел машиностроительный завод на Б. Сампсониевском проспекте (ныне завод «Русский дизель»), склады и торговлю нефтепродуктами. Л. Нобель занимался филантропической деятельностью: построил училище для детей рабочих и ремесленную школу, библиотеку и клуб для рабочих («Дом Нобеля») на Лесном проспекте.

[6] *Милюков Павел Николаевич* (1859—1943) — буржуазный политический деятель, лидер конституционно-демократической партии, историк и публицист. Окончил Московский университет, с 1886 г. — приват-доцент того же университета. В 1895 г. уволен по обвинению в связях с демократическим студенчеством. Уехал за границу, преподавал в университетах Софии и Чикаго. Вернувшись в Россию весной 1905 г., занялся политической деятельностью. С 1907 г. — председатель ЦК кадетской партии. После Октябрьской революции в эмиграции.

[7] *Родичев Федор Измайлович* (1856—?) — юрист, один из лидеров кадетской партии. Депутат Государственной думы всех созывов. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

[8] *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869—1922) — окончил юридический факультет Петербургского университета. Криминалист. Политический деятель, один из создателей кадетской партии. После Февральской революции — управляющий делами Временного правительства. После Великой Октябрьской социалистической революции — член ряда контрреволюционных правительств. Белоэмигрант.

[9] *Винавер Максим Моисеевич* (1863—1926) — один из основателей партии кадетов, адвокат. После Октябрьской революции активный враг Советской власти.

[10] *Гредескул Николай Андреевич* (1864—?) — член ЦК партии кадетов. Юрист, профессор Харьковского университета, затем Петербургского политехникума. В 1916 г. вышел из кадетской партии. После Октябрьской революции преподавал на факультете общественных наук Петроградского университета и в других вузах. К. Г. Шариков вспоминал, что Н. А. Гредескул «вскоре после смерти В. И. Ленина подал в бюро коллектива РКП(б) заявление с просьбой принять его в партию. В заявлении он писал, что давно уже душою с коммунистической партией, а сейчас свою связь с ней хочет закрепить организационно и хочет „попасть под ленинский призыв"». (Шариков К. Г. Университет на подъеме. — В кн.: На штурм науки / Под общ. ред. проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 35).

[11] Буржуазная партия кадетов получила относительное большинство мест в I Государственной думе. Успех кадетов не в последнюю очередь объяснялся бойкотом I Думы со стороны большевиков и социалистов-революционеров. В условиях спада революции в конце 1906 г. большевики решили принять участие в выборах во II Думу и начали свою собственную избирательную кампанию, главным противником в которой для них были кадеты.

[12] Газета «Копейка» — точное название «Газета-копейка» — ежедневная бульварная буржуазная массовая газета (тираж 1909 г. — 250 000 экз.), выходила в Петербурге в 1908—1918 гг. под редакцией М. Е. Городецкого (в 1913 г. — Б. Д. Зайкина). Одноименная газета того же характера выходила в Москве в 1909—1918 гг.

[13] Союз Георгиевских кавалеров — монархическая (с 1917 г. антисоветская) организация чинов армии и флота, награжденных знаками ордена Святого Георгия (нижние чины лишь числились при ордене, хотя после 1913 г. и назывались Георгиевскими кавалерами). Награждение знаками ордена Святого Георгия влекло за собой ряд преимуществ и льгот (для нижних чинов — «изъятие от телесных наказаний», исключение из податного сословия и т. д.).

[14] «Совершенно исключительное сочетание условий позволило в 1917 г. объединить удары против царизма, направляемые самыми разнородными общественными силами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 72).

После Февральской буржуазно-демократической революции В. А. Канторович, будучи меньшевиком, проповедовал оборончество и союз с буржуазными партиями. В советское время занимался историко-публицистической деятельностью, сотрудничал в журнале «Былое». Вместе с Д. О. Заславским, тоже бывшим меньшевиком, а впоследствии видным правдистом, выпустил при содействии «Былого» книгу «Хроника Февральской революции» (Пг., 1924).

[15] *Шляпкин Илья Александрович* (1858—1918) — литературовед, книговед, палеограф. Близок к культурно-исторической школе. Сын крепостного механика-самоучки. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1881 г. со степенью кандидата. Был оставлен профессором Орестом Миллером для подготовки к профессорскому званию. С 1891 г. — магистр, с 1901 г. — професор кафедры истории русской литературы Петербургского университета, с 1907 г. — член-корреспондент Академии наук.

[16] *Белый Андрей* — псевдоним Бугаева Бориса Николаевича — (1880—1934) — поэт, писатель, литературный критик, один из теоретиков символизма. Автор поэтических сборников «Золото в лазури» (1904), «Пепел» (1908), романа «Петербург» (1913), нескольких книг воспоминаний.

[17] См.: Белый А. Начало века. М.; Л., 1933, с. 457.

[18] *Шереметьев Сергей Дмитриевич* (1844—1918) — помещик, егермейстер, председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения.

[19] *Введенский Александр Иванович* (1856—1925) — русский философ, профессор логики и психологии Петербургского университета. Идеалист-неокантианец. В 1899—1921 гг. — председатель Петербургского философского общества. В 1922 г. выступил с работой «Судьба веры в бога в борьбе с атеизмом», где доказывал «вечность» религии.

[20] *Лосский Николай Онуфриевич* (1870—1965) — реакционный философ, мистик-интуитивист. С 1900 г. — преподаватель, с 1916 г. профессор Петербургского университета. С 1922 г. — эмигрант.

[21] *Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович* (1845—1929) — языковед, крупнейший представитель общего и сравнительно-исторического языкознания. В 1901—1918 гг. — профессор Петербургского университета. В 1918 г. уехал в Польшу, где провел последние годы жизни.

[22] *Булич Сергей Константинович* (1859—1921) — окончил Казанский университет, в Петербургском преподавал с 1885 г.

[23] *Жебелев Сергей Александрович* (1857—1941) — советский историк, ученик Ф. Ф. Соколова, специалист в области античности, эпиграфики, археологии, классической филологии. Академик, профессор Петербургского — Ленинградского университета. См. его воспоминания "Alma mater". — В кн.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I. Л., 1963, с. 177—189.

[24] *Петражицкий Лев Иосифович* (1867—1931) — теоретик права, юрист, социолог, неокантианец. В Петербургском университете читал лекции на кафедре энциклопедии и истории философии права. Придерживался идеалистических взглядов на право и государство. В 1905 г. вступил в партию кадетов, был членом ее ЦК. С 1918 г. — эмигрант.

[25] Члены разогнанной Государственной думы, большей частью принадлежащие к фракциям кадетов и к трудовой группе, выехали 9 июля в Выборг и в гостинице «Бельведер» (на нынешней Комсомольской набережной, здание не сохранилось) 10 июля приняли обращение «Народу от народных представителей» с призывом к пассивному сопротивлению властям. Воззвание хотя и вызвало некоторые волнения, не не получило в народе того отклика, на который рассчитывали его авторы. Спустя год царское правительство подготовило так называемый «Выборгский процесс» против 177 членов I Государственной думы, подписавших «Выборгское воззвание». Он состоялся 12—18 декабря 1907 г. в Петербурге. 175 человек были приговорены к тюремному заключению на три месяца с зачетом предварительного заключения. Тяжесть приговора сказалась в том, что имевший судимость по статьям 51-й, 53-й и 129-й Уголовного уложения не мог быть вновь избран в Государственную думу. Таким образом многие либеральные интеллигенты, составлявшие цвет кадетской партии, лишались возможности использовать трибуну Государственной думы для критики царизма.

[26] О М. М. Ковалевском и его встречах с К. Марксом см. с. 196—197 наст. изд.

[27] *Вандервельде Эмиль* (1866—1938) — один из деятелей II Интернационала, лидер бельгийских социалистов, в годы первой мировой войны — социал-шовинист, министр в буржуазном правительстве Бельгии.

[28] *Гессен Владимир Матвеевич* (1868—1919) — профессор юридического факультета, неокантианец, поборник признания «естественного права» как идеальной нормы.

[29] См.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. В 5-ти томах. М., 1956, т. 1.

[30] *Гримм Эдуард Давидович* (1870—1940) — профессор, в 1911 г. — ректор Петербургского университета, автор капитальных трудов по эволюции императорской власти в Римской империи (см.: Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. I—II. СПб., 1900—1901). Автор воспоминаний неточен: в 1906 г. ректором был И. И. Боргман.

[31] *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911) — крупный помещик, в 1902—1906 гг. — губернатор в Гродненской и Саратовской губерниях, известный зверскими расправами с крестьянским движением; в 1906 г. — министр внутренних дел; после разгона I Государственной думы — глава правительства Николая II. «Погромщик

Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую „практику" — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под „европейские"» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 327). Став главой правительства, Столыпин использовал военно-полевую «юстицию», смертную казнь для расправы над тысячами участников революционного движения. В 1905—1912 гг. в России по приговорам и без суда было казнено до 11 тысяч человек. Против массовых казней и переполнения каторжных тюрем в России в эти годы возвысила свой голос протеста русская демократическая интеллигенция, в том числе студенчество. В. И. Ленин и большевики, учили, что единственной гарантией уничтожения смертной казни является свержение самодержавия.

[32] Осенью 1909 г. в Петербургском университете было 163 землячества, 65 научных кружков, 7 касс взаимопомощи (Яковлев В. П. Студенчество российских университетов в годы реакции (1907—1910).

[33] Речь, в частности, идет о С. Игельстроме, осуществлявшем в 1883 г. связь революционных кружков Варшавского военного округа с военным центром «Народной воли» в Петербурге. (См.: Волк С. С. Народная воля. М.; Л., 1966, с. 419).

[34] 3 октября 1908 г. в газете «Пролетарий» появилось обращение к обществу и студенчеству за подписью «Петербургский коалиционный совет». Призывая к всероссийской студенческой забастовке в ответ на реакционные меры министра А. Н. Шварца, авторы обращения упорно настаивали на ее академическом характере (подробнее см.: Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 8, с. 29—33). Но забастовка сорвалась, и одна из причин этого заключалась в том, что после 1905 г. в высшие учебные заведения пришла новая смена «учащейся молодежи, которая более или менее привыкла уже к узенькой автономии <...> в обстановке затишья, когда широкие массы продолжают *переваривать* опыт трех лет революции все еще молча, сосредоточенно, медленно» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 217).

Один из участников забастовки 1908 г. А. Ярмолович писал: «Молодежь, которая раньше прятала сапоги, чтобы до вечера не вставать от первого тома „Капитала" ... теперь увлеклась Бальмонтом, нет, Кузьминым, нет... футболом!» На смену длинноволосым нигилистам в косоворотках пришли «аккуратные сюртучки, высокие воротнички, бритые бачки и разумно-почтительные физиономии» (Ярмолович А. Смерть призракам. СПб., 1908, с. 7).

[35] *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк русской литературы, библиограф и редактор. Учился в Медико-хирургической академии, на юридическом и историко-филологическом факультетах Петербургского университета. С 1896 г. в течение трех лет — приват-доцент Петербургского университета, откуда в 1899 г. был уволен за критику правительственной политики в области высшего образования. Вернулся в университет в 1906 г.

[36] *Веселовский Александр Николаевич* (1838—1906) — крупнейший представитель дореволюционного академического литературоведения. С 1870 г. — доцент, с 1872 г.— профессор Петербургского университета и Высших женских курсов .Сравнительно-историческое изучение мировой литературы дало А. Н. Веселовскому огромный материал для новых теоретических выводов и обобщений. Создатель теории исторической мифологии и взаимодействия культур, Веселовский в конце жизни пришел к теории религиозного происхождения искусства. Подлинно научное объяснение происхождения искусства принадлежит Г. В. Плеханову, доказавшему, что художественное освоение мира предшествовало религиозному в процессе трудовой деятельности человека.

[37] *Ауслендер Сергей Абрамович* (1886—1943) — писатель и драматург, учился на историко-филологическом факультете в 1908—1913 гг., когда выходили помимо сборника «Золотые яблоки» его «Рассказы», роман «Последний спутник», пьесы, живо обсуждавшиеся литературной критикой.

[38] *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — историк литературы. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (в 1912 г.), в 1918—1949 гг. — профессор филологического факультета Ленинградского университета, вид-

ный текстолог, комментатор изданий Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова.

[39] См.: Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Кн. 1—3. М., 1928—1960.

[40] *Святополк-Мирский Дмитрий Петрович* (1890—1939) — литературовед, литературный критик. Окончил Петербургский университет, затем поступил на военную службу и стал кадровым офицером. После Октября — противник Советской власти. В 1922 г. эмигрировал в Англию, где читал лекции на славянском отделении Лондонского университета. В 1930 г. вступил в Коммунистическую партию Великобритании и издал книгу о В. И. Ленине, статью «Почему я стал марксистом». В 1932 г. вернулся в Советский Союз, снискал известность как журналист-международник и литературный критик (см.: Мирский Д. П. Литературно-критические статьи. М., 1978).

С. Н. ВАЛК

Воспоминание ученика

Печатается по первой публикации: «Русский исторический журнал», 1920, кн. 6. Памяти академика А. С. Лаппо-Данилевского, с. 189—199.

Валк Сигизмунд Натанович (1887—1975) — видный советский историк, один из основателей советского источниковедения и археографии. Окончил Петербургский университет в 1913 г., ученик акад. А. С. Лаппо-Данилевского. «В семинарии А. С. Лаппо-Данилевского, — отмечает В. Г. Чернуха, — С. Н. Валк обрел не только учителя в широком значении этого слова, но и товарищей, ощутил себя членом университетского коллектива, и потому в период студенческих волнений 1910—1911 гг. он активный их участник, протестующий против наступления правительства на университетскую автономию, один из тех 392 студентов, которые были арестованы (Валк во время ареста находился в Дерябкинских казармах на Васильевском острове) и уволены из университета. Валк исключен из университета на год, почему и закончил его на год позже — в 1913 г.» (Чернуха В. Г. Жизненный путь С. Н. Валка (13 декабря 1887 г. — 5 февраля 1971 г.).—История и историки. М., 1981, с. 174). С 1921 г. С. Н. Валк преподаватель, с 1946 г. — профессор Ленинградского университета, с 1932 г. — научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

С. Н. Валк разработал «Проект правил издания трудов В. И. Ленина» (М.; Л., 1926). При участии С. Н. Валка составлены «Правила издания исторических документов» (М., 1955), осуществлен ряд изданий исторических документов. В их числе «Декреты Октябрьской революции» (М., 1933); «Листовки Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса"» (Л., 1934); «Документы 25 октября 1917 г.» (М.; Л., 1958); «Революционное народничество 70-х годов XIX в.» (т. I—II. М.; Л., 1964—1965); «Отмена крепостного права» (М.; Л., 1950); «М. М. Сперанский. Проекты и записки». (М.; Л., 1961); «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М.; Л., 1949); новое издание «Истории Российской» В. Н. Татищева (т. 1—7. М.; Л., 1962—1968).

[1] Дипломатика — специальная историческая дисциплина, изучающая форму и содержание исторических документов — актов (Каштанов С. М. Очерки истории русской дипломатики. М., 1970). Семинарий по дипломатике, о котором вспоминает С. Н. Валк, вел А. С. Лаппо-Данилевский.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919) — питомец Петербургского университета (окончил историко-филологический факультет в 1886 г.), его приват-доцент (с 1890 г.), позже — профессор. Буржуазный историк, академик с 1899 г., социолог, наиболее видный академический представитель русского неокантианства, председатель первого Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского (1916—1918), крупнейший источниковед и археограф, чьи труды, как писал С. Н. Валк, «завершили собою нашу дореволюционную археографическую литературу, дав вместе с тем возможность использования опыта последней для последующего развития со-

ветской археографии, в совершенно новых ее задачах и в ее работе над совершенно новыми предметами» (Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948, с. 45). А. С. Лаппо-Данилевский вошел в историю отечественной науки как один из наиболее разносторонних буржуазных историков империалистического периода (см.: Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962, с. 33—36). Подготовленные А. С. Лаппо-Данилевским «Правила издания грамот Коллегии экономии» — вершина развития русской и западноевропейской буржуазной археографии того времени. С именем А. С. Лаппо-Данилевского связано создание отечественной дипломатики частных актов (см.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920), лучшие представители которой (А. И. Андреев, А. А. Шилов, но прежде всего С. Н. Валк), преодолев свойственное основателю школы невнимание к связи развития актовых статей с изменениями в социальных отношениях и применив марксистско-ленинскую методологию, активно содействовали развитию советской дипломатики.

[2] Клаузуальный анализ — методика группировки частных актов (актов сельского населения) по сходству статей, или клаузул, с целью выявления связей развития форм кабальных записей (частных актов) с правительственными указами, так же как и с «личностью подъячего» (см.: Лаппо-Данилевский А. С. Служилые кабалы позднейшего типа. — Сборник статей, посвященный Василию Осиповичу Ключевскому. Ч. II. М., 1919). Как отметил С. М. Каштанов, применение методик А. С. Лаппо-Данилевского «было большим шагом вперед в области формального источниковедения» (Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М., 1963, с. 620).

[3] *Симеон Иоаннович Гордый* (1316—1353) — сын Ивана Калиты, великий князь московский в 1341—1353 гг. Цитируемый С. Н. Валком источник см.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. I. СПб., 1890, с. 60—62.

[4] Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому (Пг., 1916). Среди статей: Андреев А. И. Отступные грамоты (к истории крестьянского землевладения); Шилов А. А. Список трудов А. С. Лаппо-Данилевского, и др.

[5] См.: Юбилей академика А. С. Лаппо-Данилевского. — Исторический вестник, 1915, № 7, с. 308—310.

[6] См.: Правила издания Сборника грамот коллегии экономии. Пг., 1922.

[7] *Тищенко Андрей Вячеславович* (1890—1914) — выпускник университета (1913), участник семинария (1910—11 гг.). Погиб на фронте в первую мировую войну.

[8] Студенческая забастовка была объявлена в Петербургском университете, как и в других высших учебных заведениях страны, в ответ на постановление совета министров от 11 января 1911 г., ликвидировавшего университетскую «автономию» (История Ленинградского университета, Л., 1969, с. 176). Правительство ответило на это закрытием университета (31 января 1911 г.), вводом в университетское здание полиции. Было уволено 520 студентов, в том числе и С. Н. Валк (Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 733, оп. 155, д. 201, л. 59).

[9] «Праздничный майский четверг 1915 г.» — день торжественного заседания в честь 25-летия научной деятельности А. С. Лаппо-Данилевского. «...Я не помню споров и разногласий вокруг имени А. С-ча, кажется, что не было здесь ни порывистых увлечений, ни разочарований. Попадая в сферу действия его личности, мы, тогда еще молодые студенты, нечувствительно оказывались в стихии душевного равновесия и моральной устойчивости, безулыбочного и незлобивого подхода к предметам повседневного наблюдения и научного изучения и безотчетно и легко ей подчинялись сейчас же. Секрет такого влияния А. С-ча лежал в цельности его моральной личности, а быстрота передачи — в гармоническом воплощении ее в мельчайших чертах и всем контуре А. С-ча.

Секрет этот А. С. безвозвратно унес с собою. Поколение, которое будет знакомиться с А. С-чем только через научно-литературное его наследие, нас понять не сумеет. Но перед ним зато не будет стоять та мучительная для любивших А. С-ча проблема примирения двух ликов его: цельного и ясного в учительском действии и мученического и мятущегося в уединении творческого усилия и одиночестве глубокой научно-философской неудовлетворенности» (Романов Б. А. А. С. Лаппо-Данилевский в университете (две речи). — Русский исторический журнал, 1920, кн. 6, с. 188).

С. И. ПЕТРИКОВСКИЙ

Наш университет

Печатается по тексту записи воспоминаний С. И. Петриковского, произведенной И. П. Лейберовым в декабре 1963 — январе 1964 г. Подлинник хранится в Ин-те истории партии ленинградского обкома КПСС (ф. 4000, оп. 18, д. 447)

Петриковский Сергей Иванович (1894—1964) — один из видных организаторов студентов-большевиков Петербургского университета периода 1913—1915 гг. Родился и жил в Люблине. В 1909—1912 гг. в гимназии, где учился Петриковский, историю и русскую словесность преподавал питомец Петербургского университета видный большевик-ленинец Н. В. Крыленко. По его рекомендации 17-летний Петриковский был принят в ряды партии. В марте 1915 г. арестован за антивоенную пропаганду и выслан на 2 года под гласный надзор полиции в Енисейскую губернию. В 1916—1917 гг. Петриковский служит в Первом пулеметном полку в Ораниенбауме. Активный участник Февральской и Великой Октябрьской социалистической революции, сражался за Советскую власть на Украине и в Крыму. В последующие годы на военной службе, генерал-майор.

[1] *Петриковский Евгений Иванович* учился в 1906—1910 гг. на юридическом факультете Петербургского университета, входил в социал-демократическую студенческую организацию, сотрудничал с большевиками, участник революционных выступлений в университете. В 1912—1914 гг. помогал С. И. Петриковскому налаживать связь с В. И. Лениным через Люблин.

[2] С. И. Петриковский учился в Люблинской мужской гимназии в 1903—1913 гг., аттестат зрелости хранится в его личном деле студента Петербургского университета. См.: ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1913 г., д. 62467 (выявлено А. И. Лейберовым).

[3] Н. В. Крыленко был арестован полицией в Петербурге в конце 1907 г. и тогда же выслан под гласный надзор полиции в Люблин, где проживали его родители. Только весной 1909 г. ему было разрешено на два месяца приехать в Петербург, чтобы сдать государственные экзамены в университете.

[4] Прошение С. И. Петриковским на имя ректора Петербургского университета было подано 17 июля 1913 г. — ЛГИА, ф. 14, оп. 3, 1913 г., д. 62467, л. 5.

[5] *Бадаев Алексей Егорович* (1883—1951) — член КПСС с 1904 г., слесарь вагонных мастерских Александровского завода, один из руководителей рабочих Невской заставы; с осени 1912 г. — депутат-большевик IV Государственной думы, с января 1913 г. по предложению В. И. Ленина становится редактором-издателем «Правды», а в марте 1914 г. введен в состав Русского бюро ЦК, в апреле — в ЦК РСДРП, один из авторитетнейших вожаков петербургского пролетариата.

[6] *Петровский Григорий Иванович* (1878—1958) — член КПСС с 1887 г., рабочий машиностроительных предприятий в Харькове и Екатеринославе; в 1905 г. — ответственный секретарь Екатеринославского Совета рабочих депутатов; с осени 1912 г. — депутат-большевик IV Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии, в мае 1914 г. по предложению Ленина избран председателем думской фракции депутатов большевиков; член Русского бюро ЦК РСДРП.

[7] «Русское знамя» (5 июля 1914 г., № 161). В статье говорилось: «...Ясно, что депутат Бадаев является руководителем бунтов рабочих, а в том числе и путиловцев, подстрекает к бунту рабочих в Баку... Мы вправе крикнуть: „Бадаева на виселицу!" Итак, госп. Бадаев как глава петербургского пролетариата грозит решительным и дружным бунтарским выступлением всех рабочих... Видимо, госп. Бадаеву мешают спать лавры Разина и Пугачева». Сами того не ведая, черносотенцы делали своеобразную рекламу деятельности депутата-большевика А. Е. Бадаева.

[8] Ныне ул. Социалистическая, д. 14.

[9] *Подвойский Николай Ильич* (1880—1948) — советский партийный и военный деятель. Член КПСС с 1901 г. В 1904—1905 гг. — председатель большевистского студенческого комитета и член Ярославского комитета РСДРП. В 1907—1908 гг. — один из руководителей легального партийного издательства «Зерна» в Петербурге. В 1910—1912 гг. участвовал в организации и работе газет «Звезда» и «Правда». Во

время Октябрьского восстания — председатель Военно-революционного комитета, один из руководителей штурма Зимнего дворца. В дальнейшем занимал ряд ответственных государственных и партийных постов. В 1941 г. — участник обороны Москвы.

[10] *Киселев Алексей Семенович* (1879—1938) — партийный и государственный деятель. Член партии с 1898 г. С 1909 г. вел партийную работу в Москве и Петербурге. В 1912—1913 гг. — председатель Союза металлистов Петербурга. Арестован и выслан в июле 1914 г. После Февральской революции — председатель Иваново-Вознесенского союза горнорабочих, член Президиума ВЦИК. На XII съезде избран членом Президиума ЦКК РКП(б), с 1924 по 1938 г. — секретарь ВЦИК.

[11] *Шмидт Василий Владимирович* (1886—1940) — советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1905 г. В 1912—1914 гг. секретарь Союза металлистов Выборгского района, Петербургского союза металлистов. В 1915—1916 гг. — секретарь Петербургского комитета РСДРП. После Февральской революции — секретарь Петербургского комитета РСДРП(б). Затем — секретарь ВЦСПС, нарком труда и член Президиума ВЦСПС. Член ЦИК СССР.

[12] *Енукидзе Авель Сапронович* (1877—1937) — член партии с 1898 г., родился в Кутаисской губернии, в семье крестьянина. Получил образование в Тифлисе. Вел партийную работу в Закавказье, Ростове-на-Дону, Москве, Петербурге. Активно участвовал в Октябрьском вооруженном восстании и работе II Всероссийского съезда Советов. После революции А. С. Енукидзе работал заведующим военным отделом ВЦИК, с осени 1918 по 1923 г. — член ВЦИК, затем секретарь ВЦИК, член ЦКК ВКП(б), с 1934 г. — член ЦК ВКП(б).

[13] *Каринян* [*Габриелян*] *Арташес Баласиевич* (род. 1886 г.) — академик АН Армянской ССР, известный литературовед, публицист. Член партии с 1907 г. Настоящая фамилия — Габриелян, Каринян — литературный псевдоним с 1911 г. В 1906—1910 гг. — студент Петербургского университета. В советские годы народный комиссар юстиции Бакинской коммуны, затем — нарком юстиции, председатель ЦИК Армении. Герой Социалистического труда — автор воспоминаний о В. И. Ленине, см.: Воспоминания коммунистов Закавказья о В. И. Ленине. Ереван, 1970, с. 131—132.

[14] Арест Н. В. Крыленко последовал 11 декабря 1913 г., а 18 марта 1914 г. он был выслан из Петербурга «с подчинением его гласному надзору полиции в избранном месте жительства». Крыленко выехал в Харьков.

[15] Сведения о поездке С. И. Петриковского к В. И. Ленину в Краков содержатся в источниках: В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. М., 1972, с. 195; Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л., 1968, с. 6; Лейберов И. П. Два дня у Владимира Ильича. — Вечерний Ленинград, 1969, 20 мая.

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

Впервые оппонентом на диссертации

Печатается по изданию: Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. Избр. соч. Т. I. М.; Л., 1955, с. 88—93.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — выдающийся советский востоковед-арабист, филолог, историк, источниковед, историограф. Окончил факультет восточных языков в 1905 г., с 1918 г. — профессор Петроградского — Ленинградского университета, академик, Лауреат Государственной премии.

[1] *Шмидт Александр Эдуардович* (1871—1939) — арабист, исламовед. Окончил Петербургский университет в 1894 г., с 1898 г. — приват-доцент Петербургского университета. С 1918 г. — ректор Ташкентского института восточных языков, затем декан факультета восточных языков Ташкентского университета.

[2] *Медников Николай Александрович* (1855—1918) — окончил Петербургский университет в 1887 г., в 1903—1918 гг. — профессор Петербургского — Петроградского университета.

[3] *Розен Виктор Романович* (1849—1908) — окончил Петербургский университет в 1870 г., с 1883 г. — профессор, с 1890 г. — академик; в 1906—1907 гг. — декан восточного факультета. Востоковед, арабист, редактор ведущего журнала русских ориенталистов «Записки восточного отделения Русского археологического общества».

[4] *Гольдциэр [Гольдциер] Игнац* (1850—1921) — венгерский арабист и исламовед, профессор Будапештского университета. В 1897—1916 гг. и 1920—1921 гг. — член-корреспондент Российской Академии наук, основоположник критической школы в буржуазном исламоведении, автор работ по истории ислама, арабской мифологии, фольклора арабов и древних евреев (Крачковский И. Ю. Избр. соч. в 6-ти томах. Т. 5. М.; Л., 1958, с. 211—214).

[5] Александровский лицей — элитарное закрытое высшее учебное заведение (открыт 19 октября 1811 г. в Царском Селе, в 1844 г. переведен в Петербург), предназначенное для «воспитания благородного юношества» преимущественно для «служения по министерству внутренних дел» (Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1900/01 учебный год. СПб., 1902).

[6] *Ухтомский Эспер Эсперович* — князь, казанский помещик, сопровождал Николая II в его поездках в Африку и на Дальний Восток.

[7] *Гиргас Владимир Федорович* (1835—1887) — окончил Петербургский университет в 1858 г., в 1873—1886 гг. — профессор Петербургского университета, автор «Словаря к арабской хрестоматии и Корану» (Казань, 1881).

[8] *Саблуков Гордий Семенович* (1804—1880) — преподаватель еврейского языка и гражданской истории в Саратовской духовной семинарии, арабского и татарского языков в Казанской духовной академии. В числе учившихся у Саблукова арабскому языку был Н. Г. Чернышевский. Выполненный Саблуковым перевод Корана на русский язык издан в Казани в 1878 г.

[9] *Аль-Вава* — арабский поэт IX в.

[10] Диспут — здесь процедура защиты диссертации.

[11] Розен В. Р., Залеман К. Г. Индекс восточных рукописей в библиотеке Императорского Петербургского университета. СПб., 1890.

[12] *Тантави Мухаммед Айад* (1810—1861) — араб по происхождению, переселившийся в 1840 г. из Египта в Россию для преподавания арабского языка. Профессор Петербургского университета в 1847—1855 гг. См.: Крачковский И. Ю. Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810—1861). Л., 1929.

[13] Свод Брокельмана — «История арабской литературы» — библиографическое описание по арабской литературе.

[14] *Тураев Борис Александрович* (1868—1920) — окончил университет в 1891 г., с 1896 г. — приват-доцент, в 1904—1920 гг. — профессор факультета восточных языков Петербургского университета, основоположник отечественной школы истории и филологии древнего Востока.

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Первые опыты

Печатается по книге: Всеволод Рождественский. Страницы жизни. Л., 1962, с. 117—137.

Рождественский Всеволод Александрович (1895—1977) — русский советский поэт. В 1914—1916 гг. учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета. В годы Великой Отечественной войны — участник обороны Ленинграда, корреспондент военных газет.

[1] В 1965 г. Вс. Рождественский напишет об этом так: «Студенчество резко делилось на „аристократов" и „демократов". Мои симпатии были отданы демократическому лагерю. Мы носили синие косоворотки под студенческой тужуркой и от всей души ненавидели „белоподкладочников" с их лощеными проборами и длинными парадными сюртуками. Различие одежды символизировало более глубокие, идейные расхождения». (Рождественский Вс. О себе. — В кн.: Рождественский Вс. Избранное. М.; Л., 1965, с. 4—5).

[2] *Бороздин Александр Корнильевич* (1863—1918) — историк литературы, питомец и профессор историко-филологического факультета Петербургского университета. Автор исследований о А. Н. Радищеве, А. И. Герцене, о литературе и общественной мысли России XVI—XIX вв.

[3] *Айналов Дмитрий Власьевич* (1862—1939) — историк античности и византиновед, питомец и профессор историко-филологического факультета Петербургского университета (см.: Д. В. Айналову от учеников к 25-летию ученой деятельности. Пг., 1915).

[4] *Рейснер Михаил Александрович* (1868—1928) — правовед, питомец и профессор гражданского права Томского и Петербургского университетов. До 1905 г. — народник, сотрудник «Русского богатства». В 1904 г. выступал в качестве ученого эксперта в Кенигсбергском процессе по делу русских социал-демократов о транспортировке литературы. В 1905 г. — большевик, делегат Таммерфорской конференции. После Октябрьской революции — член ВКП(б), участвовал в разработке первой Советской конституции.

[5] *Святловский Владимир Васильевич.* См. с. 213.

[6] См.: Иваницкий Н. И. На лекциях Гоголя. — В кн.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. I, с. 30—32.

[7] *Яковлев Николай Васильевич* (1891—1980) — литературовед, окончил Петроградский университет в 1915 г., старший научный сотрудник Пушкинского дома в 1916—1932 и 1953—1957 гг. Участвовал в подготовке к печати Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, Полного собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина.

[8] *Оксман Юлиан Григорьевич* (1895—1975) — видный советский литературовед. В 1917 г. окончил Петроградский университет, в 1923—1936 гг. — профессор Петроградского — Ленинградского университета. Член Пушкинской комиссии Академии наук СССР. Принимал участие в подготовке академического издания Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, А. И. Герцена.

[9] *Бонди Сергей Михайлович* (1891—1975) — видный пушкинист, текстолог. Окончил Петроградский университет. Исследования С. М. Бонди отличаются тонким проникновением в творческую лабораторию поэта.

[10] *Клеман Михаил Константинович* (1892—1937) — поэт, литературовед.

[11] *Никольский Юрий Александрович* (1892—1937) — поэт, литературовед.

[12] *Гиппиус Василий Васильевич* (1890—1942) — поэт, переводчик, литературовед. Питомец историко-филологического факультета Петроградского университета. С 1927 г. — профессор Ленинградского университета. В описываемое мемуаристом время выступал как поэт, близкий акмеизму. Основные литературоведческие работы посвящены Н. В. Гоголю. В. В. Гиппиус погиб в осажденном Ленинграде.

[13] *Рапгоф Владимир Евгеньевич* (1892—1937) — поэт, переводчик, литературный критик.

[14] *Якубович Дмитрий Петрович* (1886—1937) — журналист, редактор известных мемуаров П. Я. Якубовича, своего отца.

[15] *Якубович П. Я.* — псевдоним *Якубовича Петра Филипповича* (1860—1811), революционера-народовольца, поэта, мемуариста, питомца филологического факультета Петербургского университета. В 1887 г. по процессу «двадцати одного» как один из руководителей «Народной Воли» был приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторги.

[16] *Маслов Георгий Владимирович* (1895—1920) — поэт, литературовед. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского — Петроградского университета в 1913—1917 гг. Один из основателей Пушкинского историко-литературного общества при Петроградском университете в 1915—1918 гг. В 1922 г. вышла в свет его поэма «Аврора» с предисловием Ю. Тынянова.

[17] *Тамамшев Иван Иванович* (1892—1937) — поэт, в молодости примыкавший к акмеистам.

[18] *Тынянов Юрий Николаевич* (1894—1943) — писатель и литературовед, один из создателей советского исторического романа. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета в 1918 г. В пушкинском семинарии С. А. Венге-

рова впервые изучал рукописное наследие В. Кюхельбекера, одновременно посвящая свои занятия теории литературы. Примыкал к «формальной школе». Лучшие произведения Тынянова-беллетриста («Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкин» и «Подпоручик Киже») стали классикой советской литературы (см.: Окунь С. Б. Историзм Ю. Н. Тынянова. — Вопросы истории, 1968, с. 35—46).

Об этих и других подробностях деятельности пушкинского семинария, руководимого С. А. Венгеровым см.: Венгеров С. Предисловие. — В кн.: Пушкинист. Историко-литературный сборник / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1914, с. V—XXIV; Фомин А. С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария.— В кн.: Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. Пушкинист, IV. М.; Пг., 1922, с. X—XXXIII.

[19] *Шкловский Виктор Борисович* (род. в 1893 г.) — писатель, литературовед. В описываемое время был близок к футуристам, проявляя интерес к «самовитому», обновленному слову. Разрабатывал теорию прозы. В 1911—1916 гг. учился на историко-филологическом факультете Петербургского — Петроградского университета.

[20] *Комарович Владимир Леонидович* (1894—1942) — литературовед, в 1917 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, участник пушкинского семинария, исследователь широкого круга проблем истории русской литературы, начиная от ее летописного периода и до времени Ф. М. Достоевского. Погиб в осажденном Ленинграде.

[21] Подготовка пушкинского словаря участниками пушкинского семинара профессора С. А. Венгерова не была завершена. Подробнее см.: Проект словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949, с. 7—9.

[22] Мемуарист цитирует восьмую главу романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Ссылка А. С. Пушкина на строфу из поэмы персидского поэта XIII в. Саади «Бустан» воспринималась современниками, как показал Н. О. Лернер, политическим иносказанием, знаком изъявления сочувствия декабристам. В 1832 г., когда писалась восьмая глава романа, Пушкин, вспоминая восставших 14 декабря, вновь подтверждает: «Я гимны прежние пою». (См.: Звенья, т. V. М.; Л., 1935, с. 111).

[23] Накануне и в годы первой империалистической войны в Петроградском университете действовала не только буржуазно-либеральная оппозиция. Здесь активно работала непосредственно связанная с В. И. Лениным организация большевистской партии. См. об этом воспоминания С. И. Петриковского и А. К. Аршавского, публикуемые в настоящем издании (с. 128—137; 161—163).

[24] *Игорь Северянин* — псевдоним; настоящее имя — *Игорь Васильевич Лотарев* (1887—1941) — русский поэт, творчество которого отмечено, по его собственным словам, «противоречиями, противочувствами». Во время, описываемое мемуаристом, Северянин — автор сборника «Громокипящий кубок», пользовавшийся огромным успехом у буржуазно-мещанской публики. Оказавшись в 1918 г. за границей, в Эстонии, Северянин воспевал Родину, а в 1940 г. приветствовал вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в «шестнадцатиреспубличный союз». Из откликов студентов Петроградского университета на творчество Северянина см.: Храповицкий Л. (псевдоним Ларисы Рейснер). Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому. — Рудин, 1916, № 7.

[25] Символизм — литературно-художественное направление в буржуазной культуре конца XIX — начала XX в., отразившее ее кризис. Символизму свойственно выражение мистифицированного по форме протеста против торжествующего мещанства. Литература русского символизма—сложное, противоречивое явление, углубившее искусство слова, отразившее напряженность духовного кризиса в канун первой русской революции. В разное время у разных мастеров русский символизм выражал весьма неоднородные этико-эстетические и социальные концепции и политические ориентации

(Бальмонт, Брюсов, Гиппиус, Мережковский, Минский, Сологуб и др.). Свойственное подлинно творческой части русских символистов (Блок, Брюсов, Вяч. Иванов) героико-трагическое восприятие духовных и социальных противостояний эпохи живо и влиятельно воздействовало на развитие советской поэзии 1920-х годов.

[26] Акмеизм — модернистское течение в русской поэзии второго десятилетия XX в., культивировавшее первобытно-биологическое природное начало, противопоставлявшееся социальному. В творчестве некоторых представителей акмеизма (Н. Гумилев) сказались антидемократические, противогуманные устремления. После победы Октября акмеизм как литературное течение перестал существовать.

[27] «Мне, — признается Вс. Рождественский, — пришлось потратить немало времени, чтобы освободиться от этих юношеских пристрастий». (Рождественский Вс. О себе, с. 5).

[28] *Языков Николай Михайлович* (1803—1846) — поэт пушкинской плеяды. В его лирике отчетливы не только вакхические, но и гражданские, антицерковные и антиправительственные мотивы. И поныне популярна песня Языкова «Из страны, страны далекой. . .»

[29] Вс. Рождественский цитирует поэму Г. Маслова «Аврора».

[30] *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873—1924) — поэт один из основоположников советской поэзии.

[31] *Анна Регат* — псевдоним советской писательницы Е. А. Тагер.

[32] *Рейснер Лариса Михайловна* (1895—1926) — советская писательница, дочь профессора М. А. Рейснера, питомица Петербургского — Петроградского университета, в годы гражданской войны — комиссар Красной Армии. В стихотворении «Юность тех дней», посвященном «Памяти Ларисы Рейснер — спутницы университетских дней». Вс. Рождественский напишет:

От наших дружб, от книг университета,
Прогулок, встреч и вальсов под луной
Шагнула ты, не дописав сонета,
В прожектора, в ночной октябрьской бой.

(Избранное. М., 1965, с. 92).

[33] «Богема». Новый литературно-художественный и научно-критический журнал (Поэзия — проза — критика). Пг. 1915, №№ 1—5-6.

[34] «Рудин». Новый литературно-художественный и научно-критический журнал. Лицо журнала хорошо представляют стихи Ларисы Рейснер, открывающие его первый номер:

Всегда один, смешон и безрассуден,
На баррикадах умер Рудин.
Когда-нибудь немилосердный суд
Окончит ненаписанные главы —
И падших имена произнесут
Широкие и полные октавы.

(Рудин, Пг., 1914, № 1, с. 2)

[35] *Гиппиус Зинаида Николаевна* (1869—1945) — русская писательница, деятельный представитель декадентства, после Великого Октября — в эмиграции, где выступала с резкими нападками на советский строй.

[36] *Мережковский Дмитрий Константинович* (1865—1941) — писатель, символист, организатор ведущего органа символизма «Новый путь», пропагандист мистики и утонченного декаданса. После Великого Октября — эмигрант. Активно выступал против Советской власти.

[37] *Лозина-Лозинский Андрей Иванович* (1892—1937) — писатель, переводчик.

[38] *Мандельштам Осип Эмильевич* (1891—1938) — советский поэт; в 1908—1914 гг. учился в Петербургском университете, занимался старофранцузским языком и

литературой. В описываемое время — акмеист, творчество которого вдохновлялось ассоциативным восприятием образов мировой литературы (сборник «Камень» и др.).

[39] *Никулин Лев Владимирович* (1892—1937) — писатель, литературный критик.

[40] *Майзелис Дмитрий* — советский поэт.

[41] *Уитмен Уолт* (1819—1892) — американский поэт-демократ, певец естественных наук, открывших человеку космос, провозвестник всемирного братства народов, предтеча урбанистической поэзии, мастер «свободного стиха без рифм» (К. И. Чуковский). Уитмен оказал влияние на творчество русских футуристов — В. В. Хлебникова, В. В. Маяковского.

[42] *Тривус Виктор* — советский писатель.

[43] *Лафорг Жюль* (1860—1887) — французский поэт-символист. При жизни опубликовал три сборника стихов — «Жалобы», «Подражание государыне нашей Луне», «Феерический собор».

Его пессимизм, источником которого была философия А. Шопенгауэра, проникнут иронией, мыслью об относительности всех ценностей. Один из зачинателей свободного стиха во Франции.

[44] *Рембо Артюр* (1854—1891) — французский поэт-символист. В своих произведениях обличал уродство мещанской жизни, приветствовал Парижскую коммуну. Его стихи, посвященные Коммуне, являются шедевром революционной поэзии Франции — «Военный гимн Парижа», «Париж заселяется вновь», «Руки Жаны-Мари», «Нужны ли сердцу моему озера крови...»

[45] *Нарбут Владимир Иванович* (1888—1944) — поэт, учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В описываемое время представлял левое крыло акмеизма. В 1912 г. сборник В. Нарбута «Аллилуйя», сатирически изображавший мелкопоместный быт, был конфискован цензурой. После Октябрьской революции — на организационной работе в советской печати (директор издательства «Земля и фабрика» и др.).

[46] *Зенкевич Михаил Александрович* (1891—1973) — поэт, переводчик, в 1915 г. окончил юридический факультет Петроградского университета, ко времени описываемых событий издал свой первый сборник стихов «Дикая порфира», обращенный к доисторической жизни земли и исполненный пессимизма. Приветствовал Великий Октябрь как «очистительную силу». М. А. Зенкевич — один из основателей советской школы поэтического перевода. С 1947 г. член Коммунистической партии.

[47] *Петров Дмитрий Константинович* (1872—1925) — литературовед, исследователь романских литератур, ученик академика А. Н. Веселовского, профессор Петербургского университета, с 1922 г. — член-корреспондент Академии наук. Имя Д. К. Петрова отсутствует в «Списке действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук — питомцев и ученых Ленинградского университета» (см.: История Ленинградского университета. Л., 1969, с. 652).

[48] *Лозинский Михаил Леонидович* (1886—1955) — писатель, переводчик. Питомец Петербургского университета. За перевод «Божественной комедии» Данте удостоен в 1947 г. Государственной премии СССР.

[49] *Жирмунский Виктор Максимович* (1891—1979) — выдающийся советский литературовед, в 1912 г. окончил Петербургский университет, с 1919 г. профессор Петроградского — Ленинградского университета, с 1939 г. — член-корреспондент АН СССР. В годы, описываемые мемуаристом, главной областью научных интересов В. М. Жирмунского был немецкий романтизм.

К. Г. АРШАВСКИЙ

Путь к Октябрю

Печатается по первой публикации в газете «Ленинградский университет» 5 ноября 1962 г.

Аршавский Константин Григорьевич (1896—1978) — член партии с 1914 г., в 1914—1917 гг. — студент Петербургского университета. Вел революционную работу на

Васильевском острове, в сентябре 1917 г. был одним из руководителей Василеостровской районной партийной организации. В 1919 г. возглавлял Политуправление Петроградского военного округа. После окончания Гражданской войны — на партийной и преподавательской работе в вузах Ленинграда.

[1] «Новый Лесснер», механический завод — ныне машиностроительный завод им. Карла Маркса.

«Айваз», машиностроительный завод — ныне машиностроительный завод им. Ф. Энгельса.

Путиловский машиностроительный и металлургический завод — ныне орденоносное производственное объединение «Кировский завод».

[2] *Святловский Владимир Владимирович* (1869—1927) — историк и социолог. Изучал историю русской экономической мысли, аграрный и жилищный вопросы, историю профдвижения. В 1891—1892 гг. входил в группу М. И. Бруснева, эмигрировал в 1892 г. В социал-демократическом движении участвовал с 1899 г. («экономист», затем меньшевик). В годы реакции отошел от активной партийной работы, преподавал в университете и других вузах Петербурга. О социал-демократической направленности семинара В. В. Святловского вспоминали многие его ученики (См.: Р о м М. А. Первые шаги студенческой парторганизации. (1920—1921). — В кн.: На штурм науки. Л., 1971, с. 10).

[3] Рабочие механического и литейного завода «Вулкан».

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Главное здание Петербургского университета. 1905 г.
М. А. Сильвин. 1895 г.
В. И. Ленин. 1896 г.
Мемориальная доска в память первой радиограммы, принятой А. С. Поповым на изобретенном им приборе.
В. И. Качалов. 1894 г.
Студенты Петербургского университета в Большой химической аудитории. 1900 г. Публикуется впервые.
Академик А. С. Фаминцын. 1900 г.
Л. Н. Толстой. 1899 г.
Группа студентов Петербургского университета, отданных в солдаты за участие в студенческих волнениях. 1901 г. Публикуется впервые.
Семинарий П. Ф. Лесгафта с отправляемым в солдаты студентом социал-демократом В. Познером (в солдатской шинели — стоит второй справа). 1901 г. Публикуется впервые.
Комитет студенческой кассы взаимопомощи Петербургского университета. 1901 г. Публикуется впервые.
Н. В. Дорошенко.
Печать кассы взаимопомощи студентов Петербургского университета. Публикуется впервые.
Академик А. С. Фаворский с коллегами и учениками (первый справа во втором ряду — С. В. Лебедев, первый слева в третьем ряду — К. И. Дебу).
Академик А. И. Фаворский. 1904 г.
Приват-доцент Петербургского университета Е. В. Тарле. Публикуется впервые.
Академик В. Л. Комаров.
А. А. Блок.
В студенческой читальне университета. 1904 г.
Д. З. Мануильский.
Митинг перед зданием Петербургского университета. Октябрь 1905 г.
Демонстрация студентов Петербургского университета. Октябрь 1905 г.
Почтовая открытка: «Профессор истории СПБ университета Е. Тарле, пострадавший 17 октября 1905».
Полиция у входа в университет. 1905 г.
Мемориальная доска в память митингов рабочих и революционного студенчества в Петербургском университете.
Первая страница газеты «Молодая Россия».
Бестужевка К. Н. Самойлова.
Студент Л. М. Карахан.
Студент П. А. Красиков.
Студент Д. И. Лещенко.
Студент К. А. Мехоношин.
Студент К. С. Жарновецкий.
Студент А. М. Игнатьев.
Студент Я. Я. Анвельт.
Столовая комиссия Петербургского университета. 1905 г. Публикуется впервые.

Н. К. Крупская.
Г. В. Чичерин.
Профессор Н. И. Кареев с группой членов комитета Литературного фонда. 1909 г.
М. М. Ковалевский. 1914 г.
Академик А. С. Лаппо-Данилевский. 1914 г.
Семинарий А. С. Лаппо-Данилевского. Сидит второй слева Б. А. Романов, стоит второй слева — С. Н. Валк.
Профессор Б. А. Романов
Студент С. И. Петриковский.
В. И. Ленин.
Н. В. Крыленко.
И. Ю. Крачковский.
Митинг рабочих и студентов в феврале 1917 г.
Группа студентов-милиционеров Петербургского университета в дни Февральской революции.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

Аблемитова Н. А. 20
Абрам см. Крыленко Н. В.
Абу-ль-Аля 145
Аввакум 146
Айналов Д. В. 146, *209*
ал-Вава 141, *208*
Александр II 108
Александрова В. И. 20
аль-Малиджий 142
Анвельт Я. Я. 9, 91, 214
Андреев А. И. 205
Анненков П. В. 199
Аполлонов Н. Н. 9, 188, 190
Аршавский К. Г. 15, 161, 210, *212, 213*
Атабекова М. Ф. 20
Ауслендер С. А. 116, *203*
Ахматова А. А. 18
аш-Шарания Абд аль-Ваххаб 140—144

Бадаев А. Е. 131—136, *206*
Байрон Джордж Гордон 115
Балмашев С. В. *187*
Бальмонт К. Д. 26, 152, *166,* 203, 211
Бартольд В. В. 21, 27, *165*
Бауэр 25
Бедный Д. 9
Беззубов В. В. 185
Бекетов А. Н. 193
Белинский В. Г. 128, 209
Белый А. 111, *201*
Бем А. Л. 116, 117
Бессонов 49
Бестужев-Рюмин К. Н. 193
Бирон Е. В. 180
Блок А. А. 66, 67, 111, *184,* 185, 210, 211, 214
Богданов Н. Ф. 9, 22, 25, *165*
Боголепов Н. П. 39, 71, *175*
Бодлер Шарль 185
Бодуэн де Куртенэ И. А. 7, 112, *202*
Бондаревская Т. П. 11, 13, 188, 190, 192
Бонди С. М. 147, 148, *209*
Боргман И. И. 29, 81, 92, *168,* 169, 202
Бороздин А. К. 146, *209*
Боянус С. К. 30, *170*
Браун Ф. А. 107, 114, *200,* 202
Брилль 141
Брокельман К. 142, 208
Броневский С. К. см. Боянус С. К
Бруснев М. И. 213
Брюсов В. Я. 151, 185, *211*
Булгаков Н. А. 29, *168*
Булич С. К. 112, *202*
Булла К. К. 191
Булыгин А. Г. 190
Бутенко В. А. 103, *197*
Бутлеров А. М. 53 55, 165, 178, *180*
Буш В. В. 116, 117
Бызов Б. В. 178, 181
Быстрянский В. А. 9

Вайнберг Б. П. 182
Валк С. Н. 6, 15, 16, 118, 119, 164, 182, 196, 199, 200, *204,* 205
Вандервельде Эмиль 112, *202*
Ванеев А. А. 24, *166*
Ванновский П. С. 10, 31, 36, 71, *172, 173*
Василий II 175
В. В. см. Воронцов В. П.
Введенский А. И. 111, *202*
Вейнберг П. И. 195
Великанова А. Я. 13
Величковская Т. Д. 181
Венгеров С. А. 15, 114—117, 146—148, *203,* 209, 210
Верейская-Кареева С. Н. 195
Вересаев В. В. 198
Вермишев А. А. 11
Верховский П. В. 180
Веселовский А. Н. 115, *203,* 212

[1] Составители указателя О. Н. Ансберг, В. П. Яковлев.

Ветрова М. В. *176,* 177
Виленкин А. А. 108, 109
Винавер М. М. 108, *201*
Владимир Мономах 149
Владиславлев М. И. 198
Водовозов В. В. 26, *167*
Водовозов Н. В. 26, *167*
Войтинский В. С. 109, *190*
Волгин см. Плеханов Г. В.
Волк С. С. 203
Воронцов В. П. 26, 27, *167*
Вревская Н. П. 20, 180
Вревский Б. М. 20, 180
Вревский М. С. 180
Вышнеградский А. Н. 180

Габриэлян см. Каринян А. В.
Гайдебуров П. П. 30, *170,* 194
Гапон Г. А. 187
Гарриес 61
Гениш К. 187
Георгиева Н. Г. 173
Георгиевский Н. Н. 29, *168*
Герасимов Л. 100
Герц (Херц) Генрих Рудольф 29, *169*
Герцен А. И. 128, 209
Гершун А. А. 29, *168*
Гершун А. Л. *168*
Гессен В. М. 113, *202*
Гиппиус В. В. 147, *209*
Гиппиус З. Н. 152, *211*
Гиргас В. Ф. 140, 141, *209*
Глазенап С. П. 7
Глазов В. Н. 190
Гнедич Н. И. 181
Гоголь Н. В. 128, 147, 209
Гольдман см. Горев Б. И.
Гольдциер Игнац 139, 140, *208*
Гольмстен А. Х. 40
Горбунов-Посадов И. И. 174
Горев Б. И. 25, 27, *166*
Городецкий М. Е. 201
Городецкий С. М. 15, 66, *184,* 185
Горохов В. А. 49, 50, 178, 185
Горький А. М. 161, 188, 199
Горячева С. А. 20
Гофман 61
Гофман М. Л. 116, 117
Гофман С. А. 9, 24, 26, *166*
Гревс И. М. 196
Гредескул Н. А. 108, *201*
Греков Б. Д. 193
Гримм Д. Д. 102, *196*
Гримм Э. Д. 92, 102, 114, *191, 202*
Гумилев Н. С. 211
Гурвич И. А. 17
Гурвич Ф. И. см. Дан Ф. И.

Гусев Н. Н. 174
Гусятников П. С. 8, 175, 177, 186, 187, 189

Д. см. Дьяконов А.
Давыдов В. Н. 30, *170*
Давыдов Л. Д. 11, 189
Дан Ф. И. 24, 108, *166*
Даниельсон Н. Ф. 197
Данненберг Ф. 194
Данте Алигьери 116
Дантон Жорж Жак 129
Дарвин Чарльз Спенсер 161
Дебу К. И. 53, *180,* 184
Дебу И. М. 180
Делянов И. Д. 182
Дементьев 107
Демулен Камилл 152
Джапаридзе А. 18
Дмитрий Шемяка 175
Добролюбов А. М. 67, *185*
Добролюбов Н. А. 128
Довалькова М. В. 97
Долинин А. С. 116
Долинин С. 97
Дорохов М. К. 49, 50
Дорошенко Н. В. 9, 11, 15—17, 46, 47, 49, 50, 73, *175,* 186, 188—191, 214
Достоевский Ф. М. 116, 147, 210
Дружинин А. В. 199
Дубровинский И. Ф. 95, *192*
Дылева Н. К. 98—100
Дылева-Уствольская В. К. 96, *193,* 194
Дьяков В. А. 199
Дьяконов А. 12, 189—191
Дьяконова Е. 193
Дювернуа Н. Л. 40, 52, *175*
Дюма (отец) Александр 97

Егоров И. В. 15, 107, 194, *200*
Егоров М. Ф. 191
Егоров Н. Г. 29, *169*
Егорова В. И. 181, 182
Ежов В. А. 5
Ежов Н. М. 174
Енукидзе А. С. 134, *207*
Епифанцев М. 98

Жаков К. Ф. 93, *191, 192*
Жарновецкий К. С. 9, 11, 91, 186, 189, 214
Жданов А. М. 81, 189
Жебелев С. А. 112, 198, *202*
Жирмунский В. М. 157, *212*
Жуйкова Р. Г. 167

Зайкин Б. Д. 201
Зайцевский И. 164

Залеман К. Г. 142, *208*
Залькинд Ю. С. 180, 181
Замятин А. Н. 80, 188, *189*, 190
Запорожец П. К. 25, *166*
Заславский Д. О. 201
Землячка Р. С. 95, *192*
Зенкевич М. А. 153, *212*
Зест С. 96
Зинин Н. Н. 167

Иван Калита 205
Иваницкий Н. И. 209
Иванов А. Е. 190
Иванов В. И. 211
Иванова Е. В. 185
Игельстром (братья) 114
Игельстром С. 203
Игнатьев А. М. 9, 16, 17, 91, 214
Иезуитова Л. А. 184, 185
Иностранцев А. А. 7, 182
Иорданский Н. И. 173
Иоцич Ж. И. 52, 54, *180*, 181
Исаков С. Г. 185

Казанков Н. М. 30, *170*
Кайзер И. И. 24, *166*
Калинин А. Ф. 12, 17, 189
Калинин Б. Н. 191
Калинин М. И. 12, 95, 133
Калмыкова А. М. 194
Кан А. С. 197
Кант Иммануил 111
Канторович В. А. 110 *201*
Каплан А. Я. 73, 110, *186*
Капустин М. Н. 195
Каракаш Н. И. 172
Карамзин Н. М. 149
Карахан Л. М. 90, 214
Кареев Н. И. 7, 15, 16, 18, 21, 26, 101, 113, 165, 191, *195*—199, 215
Карнян А. Б. 134, *207*
Карпов 180
Карпович П. В. 175
Кассо Л. А. 13, 102, 178, 179, *196*
Катков М. Н. 198
Качалов В. И. 15, 30, *170, 214*
Каштанов С. М. 204, 205
Кингисепп В. Э. 9
Киров С. М. 62
Киселев А. С. 134, *207*
Кистяковский Б. А. 187
Клейгельс Н. В. 71, *186*
Клеман М. К. 147, *209*
Ключевский В. О. 205
Книпович Л. М. 194
Ковалевский М. М. 102, 112, 113, *196*, *197*, 202, 204, 215
Кожевников С. 98
Коллонтай А. М. 98, *194*
Комаров В. Л. 15, 19, 64, 65, *183*, 184, 214
Комарова-Зябкина М. П. 94, 192
Комарович В. Л. 147, *210*
Кондратьев А. А. 67, *185*
Коновалов Д. П. 7, 21, 52, 55, *165*, 180
Кононова Н. Н. 20, 199
Корель И. И. 9, 15, 17, 80, 188, *189*, 190, 191
Корф 107
Косенков Л. 98
Косенков П. И. 194
Красиков П. А. 9, 90, 95, *192*, 214
Красин Г. Б. 23, 24, *165*
Красусский К. А. 53, *180*
Крачковский И. Ю. 7, 15, 138, 141, *207*, 208, 215
Кржижановский Г. М. 24, 25, *165*
Крупская Е. В. 135, 137
Крупская Н. К. 12, 94—96, 132, 135—137, 193, 194, 215
Крыленко Н. В. 9, 107—110, 113, 128—131, 133, 134, *194*, 206, 207, 214
Крылов А. А. 199
Кугель А. Р. 30, *170*
Куделли П. Ф. 193, 194
Кузмин М. А. 203
Кузминский см. Кузьминский Н. Н.
Кузьмин Н. Н. 188, 190
Кузьминский Н. Н. 9, 49, 50, 73, *186*
Куропаткин А. Н. 44, 45, *175*
Кюхельбекер В. К. 210
Кырвитс Х. 191

Лаврентьев Л. И. 195
Лавров П. А. 66, 67, *184, 185*
Ламанский В. И. 195
Лапин В. И. 20
Лаппо-Данилевский А. С. 7, 15, 16, 18, 118—127, 187, *204*, 205, 215
Лассаль Фердинанд 74, 187
Лафорг Жюль 153, *212*
Лебедев А. А. 64, *183*
Лебедев С. В. 7, 15, 53, 55—64, 180, *182*, 183, 214
Лебединский В. К. 29, *168*, 169
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 7
Лейберов А. И. 206
Лейберов И. П. 14, 206, 207
Лейкина-Свирская В. Р. 200
Леман М. Н. 9, 25, *166*
Ленин В. И. 5, 7—14, 16—18, 22—24, 26, 50, 109, 130—137, 164—167, 170, 172, 175, 177, 186, 188, 190—192, 196, 199, 201, 203, 204, 206, 207, 210, 214, 215

Лепешинский П. Н. 9
Лермантов В. В. 169
Лермонтов М. Ю. 128, 204
Лернер О. Н. 210
Лесгафт П. Ф. 21, 26, 27, 40, 65, 106, *164,* 165, 184, 193, 194, 214
Лесков Н. С. 204
Лещенко Д. И. 9, 90, 214
Лозина-Лозинский А. И. 152, *211*
Лозинский М. Л. 116, 117, 156, *212*
Лойдис А. П. 184
Лосский Н. О. 111, *202*
Луначарский А. В. 18
Лучицкий И. В. 103, *197,* 198
Лысцов М. П. 190
Любославский Г. А. 29, *168*
Людовик XVI 129
Ляпунов А. М. 7
Ляховский Я. М. 24, *166*

Мавродин В. В. 5, 6, 193, 201
Майзелис Д. 152, *212*
Макаров В. Н. 49, 50, 188
Максимович И. К. 40
Малиновский Р. М. 134
Малченко А. Л. 25, *166*
Мальтус Томас Роберт 26, *167*
Мандель С. З. 12, 17, 189
Мандельштам И. 107
Мандельштам О. Э. 152, 154, *211, 212*
Мануильский Д. З. 9, 77, 81, *188,* 214
Марат Жан Поль 129
Марголис Ю. Д. 5, 192
Мария Антуанетта 129
Марков А. А. 7, 42
Маркс Карл 17, 21, 73, 113, 161, 165, 196, 197, 202, 212
Марр Н. Я. 7
Мартов Л. 24, 25, 26, *165, 166*
Мартынов-Пиккер А. С. 95, *193*
Масленников А. А. 9
Масленников К. А. 49, 50
Маслов Г. В. 147, 150, 151, *209,* 211
Маяковский В. В. 210, 212
Медников Н. А. 139, *207*
Менделеев Д. И. 7, 55, 165, 178, *182,* 193
Менжинский В. Р. 9
Меншуткин Н. А. 167, 180, 181
Мережковский Д. К. 152, *211*
Меркулов Н. Е. 25, *166*
Меркурьев В. В. 117
Мехоношин К. А. 90, 214
Миллер О. Ф. 103, *198,* 201
Милюков П. Н. 108, *200*
Минский Н. М. 211
Минц З. Г. 185
Мирский Д. П. см. Святополк-Мирский Д. П.
Миткевич В. Ф. 15, 28, 167
Михайловский Н. К. 76, *170,* 199
Михайловский Н. Н. 30, *170*
Мишулин А. В. 198
Могилянский М. М. 47, *177*
Мокиевский В. А. 56, *183*
Мольер Жан-Батист 117
Монастырский 180
Мухин 19

Набоков В. Д. 108, *201*
Нарбут В. И. 153, *212*
Невзорова З. П. 194
Негорев см. Иорданский Н. И.
Некрасов Н. А. 128, 148, 161, 186, 199
Неустроев А. В. 9, 25
Никифоров П. Д. 40
Никифоровская Н. М. 98, 194
Николай II, 78, 81, 172, 173, 189, 202
Никольский 107
Никольский Б. В. 67, *185*
Никольский Ю. А. 147, *208*
Никулин Л. В. 152, *212*
Ницше Фридрих 21
Нобель Людвиг 108, *200*
Новгородцев П. И. 187
Новодворский А. Н. 49
Ногин В. П. 194

Оксман Ю. Г. 147, 148, *209*
Окунь С. Б. 210
Ольденбург С. Ф. 7
Ольминский М. С. 9
Ольховский Е. Р. 11, 177, 186
Ону А. М. 103, *197, 198*
Ососков С. В. 48, *177*
Островский А. Н. 199
Остроумова-Лебедева А. П. 15, *182*

Павлицкая Н. И. 189
Пазвандоглу 145
Парняков 163
Пергамент М. Я. 92, 102, *191*
Петражицкий Л. И. 112, 113, 196, *202*
Петриковский Е. И. 128, 130, 133, *206*
Петриковский И. С. 128
Петриковский С. И. 9, 14, 16, 17, 128, 130, 134, 136, *206,* 207, 210, 215
Петров А. А. 48—50, *177*
Петров Д. К. 153, 156, 157, *212*
Петров Е. Н. 102, *197*
Петров-Водкин К. С. 63, *183*
Петровский Г. И. 132—136, *206*
Петрушевский Ф. Ф. 29, 168, *169,* 193
Печаткин Е. 194

Пиккер А. С. см. Мартынов-Пиккер А. С.
Пиксанов Н. К. 193
Пиотровский К. Б. 178, 179, 181, 182
Пирамидов В. М. 43, 44
Пирогов Н. И. 14, 187
Платонов С. Ф. 40
Плеханов Г. В. 26, 27, 113, *167*, 170, 199, 202, 203
Плюснин Л. А. 9, 73, *186*
Погодин А. Л. 199
Погоржельский З. А. 56, *183*
Подвойский Н. И. 133, *206, 207*
Познер В. М. 40, 44, 47, *177*, 214
Покровская М. А. 96, 97, 99
Покровский И. А. 92, 102, *191*
Поляков А. С. 116
Помяловский Н. 194
Попов А. С. 28, 29, *167*—169, 214
Попов Л. Г. 9, 22, 25, *165*
Портянка О. В. 11, 189
Пресняков А. Е. 7, 64, *183, 184*
Придворов Е. А. см. Бедный Д.
Приселков М. Д. 7
Прошин Г. Г. 5, 20
Пугачев Е. И. 206
Пуришкевич В. М. 34, *173*, 181
Пушкин А. С. 116, 117, 128, 148, 155, 156, 174, 209, 210
П. Я. см. Якубович П. Ф.

Радин см. Казанков Н. М.
Радищев А. Н. 209
Радкевич О. Н. 184
Радченко С. И. 17, 24, 25, *165*
Разин С. Т. 206
Райкин А. И. 117
Рапгоф В. Е. 147, *209*
Распутин Г. Е. 158
Регат А. см. Тагер А. Е.
Рейснер Л. М. 151, 152, 210, *211*
Рейснер М. А. 15, 147, 159, *209*
Рембо Артюр 153, *212*
Рихтер А. А. 184
Робеспьер Максимилиан 129
Родичев Ф. И. 108, *201*
Рождественский В. А. 15, 18, 19, 146, *208, 211*
Рождественский Д. С. 7
Рожков Н. А. 94, *192*
Розанов Д. И. 180
Розен В. Р. 40, 92, 139—143, *208*
Розмирович Е. Ф. 134
Ром М. А. 213
Романов Б. А. 6, 18, 119, 125, 196, 200, 205, 215
Ростан Эдмон 117
Рыбкин П. Н. 29, *168*, 169
Рябинин А. Н. 25, *166*
Саади (Сади) 149, 210
Саблуков Г. С. 140, *208*
Савелий 138, 139
Савельева В. Г. 203
Садовский А. И. 29, *168*
Сазонов С. И. 56, *183*
Салтыков С. Н. 36, *174*
Салтыков-Щедрин М. Е. 148, 189, 204, 209
Самойлова К. Н. 12, 91, 95, *192*, 193
Саси Сильвестр де 139
Сверчков Д. Ф. 49, *177*
Святловский В. В. 15, 147, 162, 209, *213*
Святополк-Мирский Д. П. 117, *204*
Святополк-Мирский П. Д. *77*, *187*
Северянин И. 150, *210*
Семевский В. И. 123, *199*
Семенов Л. (Семенов-Тянь-Шанский Л. Д.) 67, *185*
Сергеевич В. И. 21, 52, 127, *165*, 195, 196, 205
Сергеенко С. Р. 183
Серебряков М. В. 9
Сережников В. К. 9, 21, 25, *165*
Сеченов И. М. 15, 193
Сильвин М. А. 9, 15—17, 21, 23, 25, *164*, 166, 214
Симеон Гордый 122, *205*
Сипягин Д. С. 187
Скавронская Н. А. см. Шалабанова-Скавронская Н. А.
Скворцов П. Н. 26, *167*
Скворцова Н. В. 20, 184
Скобельцын В. В. 29, *168*
Скосаревский М. П. 60, *183*, 184
Скотт Вальтер 148
Славский Н. М. 181
Славянов А. Н. 9, 73, *186*
Сладкевич Н. Г. 182
Смирнов В. И. 182
Смирнов В. Ф. 180
Смирнов Н. А. 29, *168*
Соболев Л. А. 18, 38, *174*
Соколов Н. Д. 166
Соколов Ф. Ф. 103, 112, *198*, 202
Соловьев В. Н. 116, 117
Сологуб Ф. 211
Сонин Н. Я. 39—43
Сорокин Н. 98, *194*
Сперанский М. М. 204
Старков В. В. 24, 25, *165*
Старцев В. И. 200
Стасова Е. Д. 15
Стасова Н. В. 193

Стембо 87
Столыпин П. А. 13, 114, 173, *202,* 203
Стратанович Е. Д. 9, 22, 25, *165*
Струве П. Б. 73, *186*
Струмилин С. Г. 15, 31, *170, 171,* 176, *177,* 183, 184, 186
Стучка П. И. 9.
Суворин А. С. 174
Сунцова Е. А. 20
Суслова Ф. М. 13
Сырмус Э. 191

Тагер Е. А. 151, 211
Тамамшев И. И. 147, *209*
Тантави М.-А. (Шейх Тантави) 142, *208*
Тарле Е. В. 7, 12, 15, 19, 64, 85, 86, 103, 113, 129, *183,* 184, 188, 191, 193, 197, 214
Татищев В. Н. 204
Теплоухов 49
Тер-Мкртчьянц (Териан) Х. М. (также Мкртычьян, Микчртычьян) 49, 73, *186*
Тидеман Б. Г. 181
Тименчик Р. Д. 185
Тихомиров Б. И. 20
Тишкин Г. А. 193, 194
Тищенко А. В. 123, *205*
Тищенко В. Е. 52, 56, 59, *178,* 180
Толкачев С. А. 60, *183*
Толстой Л. Н. 13, 33, 35—38, 116, 173, 174, 199, 204, 214
Толстопятов В. М. 15, 52, *178,* 181
Толубеев Ю. В. 117
Трешохин В. М. 25, *166*
Трепов Д. Ф. 84, *190*
Тривус В. 152, 153, *212*
Тронская М. Л. 182
Трубникова М. В. 193
Туган-Барановский М. И. 26, *167*
Тударевский А. И. 184
Тураев Б. А. 144, *208*
Тургенев И. С. 161, 199, 204
Тынянов Ю. Н. 147, 148, *209, 210*

Уитмен Уолт 152, *212*
Ульянов А. И. 23, 130, 165
Ульянов В. И. см. Ленин В. И.
Ульянова М. И. 12, 95
Ульянова-Елизарова А. И. 193
Усиевич Г. А. 9
Усов В. 99
Усова см. Покровская М. А.
Уствольский И. М. 96, *193*
Уствольский М. М. 96, *193*
Ухтомский Э. Э. 140, *208*

Фаворская И. А. 20
Фаворская Т. А. 20, 178, 180, 181
Фаворский А. Е. 7, 15, 52—54, 56, 57, 59, 61, 167, *178,* 180, 181—183, 214
Фаминцын А. С. 33, 171, 214
Фандерфлит П. П. 169
Фаснер М. 175
Федосеева Э. П. 194
Фст А. А. 67
Филиппов М. М. 26, *167*
Философова А. П. 193
Фишер Г. М. 25, *166*
Фойницкий И. Я. 48, *177*
Фомин А. Г. 116, 210
Форстен Г. В. 102, *197*
Фотиева Л. А. 193
Францев А. А. 199
Фролов Э. Д. 198
Фролова О. Б. 20
Фунтиков С. 24, *166*

Хвольсон О. Д. 29, 52, *168,* 169
Хейденстам Вернер фон 145
Хенин 98
Хлебников В. В. 212

Цедербаум Ю. О. см. Мартов Л.
Цицерон Марк Туллий 108
Цыперович Г. В. 95, *192, 193*

Чапкевич Н. И. 183
Чернуха В. Г. 204
Чернышевский Н. Г. 128, 130, 199, 208
Чехович В. К. 58
Чичерин Б. Н. 37, *174*
Чичерин Г. В. 9, 97, *194,* 215
Чугаев Л. А. 61
Чудновский Г. И. 14
Чуковский К. И. 212

Шалабанова-Скавронская Н. А. 60, *183*
Шапиро А. Л. 20, 205
Шапошников В. Г. 55, 58, *182, 183*
Шариков К. Г. 201
Шателен М. А. 29, *168*
Шафран И. А. 20
Шахматов А. А. 7
Шварц А. Н. 13, 102, *196,* 203
Шевченко Т. Г. 128
Шевяков В. М. 40
Шейх Тантави см. Тантави М.-А.
Шекспир Вильям 115, 117
Шелгунов В. А. 25, *166*
Шереметьев С. Д. 111, *202*
Шестопалов И. А. 24, *166*
Шиллер Фридрих 115
Шилов А. А. 205

Шипчинский В. В. 108
Шишманов И. 144
Шкловский В. Б. 147, *210*
Шляпкин И. А. 110, 111, 146, *201*
Шмидт А. Э. 139—144, *207*
Шмидт В. В. 134, *207*
Шмидт П. П. 181
Шопенгауэр Артур 212
Шохор-Троцкий К. 174

Щеголев П. Е. 35, *173*, *174*
Щерба Л. В. 7, 193
Щербатский Ф. И. 7
Щитинская Л. 96

Эйхенбаум Б. М. 116, 117, 157, *204*, *205*
Энгель В. А. 188, 190
Энгель Г. А. см. Энгель Е. А.
Энгель Е. А. 9, 47, 49, 50, 68, 107, 177, 178, *185*
Энгельгард А. Н. 17
Энгельс Фридрих 17, 73, 196, 197, 212
Эссен М. М. 19

Южаков С. Н. 26, *167*
Юревич П. П. 191
Юхнева Н. В. 175

Языков Н. М. 150, *211*
Яковлев В. П. 13, 173, 188, 189, 191, 194, 203
Яковлев Н. В. 147, 148, *209*
Якубова А. А. 194
Якубович Д. П. 147, 148, *209*
Якубович П. Ф. 147, *209*
Янкулио А. К. 40
Ярмолович А. 203
Ярославский Е. М. 12, 95, *192*

Giry A. 119
Meister 119

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	
Сильвин М. А. На революционной работе в Петербурге	21	164 — 167
Миткевич В. Ф. Демонстрация первой радиотелеграфной установки	28	167 — 169
Качалов В. И. Студенты — любители сцены	30	170
Струмилин С. Г. Из пережитого	31	170 — 173
Щеголев П. Е. Встречи с Толстым	35	173 — 174
Соболев Л. А. Воспоминания студента-солдата	39	174 — 175
Дорошенко Н. В. Возникновение большевистской организации в Петербургском университете и первые годы ее существования	46	175 — 178
Толстопятов В. М. В лаборатории Фаворского	52	178 — 182
Остроумова-Лебедева А. П. Сергей Васильевич Лебедев	55	182 — 183
Тарле Е. В. Первая встреча с В. Л. Комаровым	64	183 — 184
Городецкий С. Воспоминания об Александре Блоке	66	184 — 185
Энгель Г. А. 1905 год и студенческое движение в Петербурге	68	185 — 188
Корель И. И. Воспоминания студенческого старосты	80	188 — 193
Дылева-Уствольская В. К. Воспоминания бестужевки	96	193 — 194
Кареев Н. И. Возвращение в университет	101	195 — 200
Егоров И. В. В Петербургском университете	107	200 — 204
Валк С. Н. Воспоминание ученика	118	204 — 205
Петриковский С. И. Наш университет	128	206 — 207
Крачковский И. Ю. Впервые оппонентом на диссертации	138	207 — 208
Рождественский В. А. Первые опыты	146	208 — 212
Аршавский К. Г. Путь к Октябрю	161	212 — 213
Комментарии	164	
Перечень иллюстраций	214	
Именной указатель	216	

ИБ № 1274

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ**

Том II

**Петербургский — Петроградский университет
1895—1917**

Редактор *О. Е. Хованова*
Художественный редактор *А. Г. Голубев*
Технический редактор *Г. М. Иванова*
Корректоры *Н. М. Каплинская, С. С. Кокина*

Сдано в набор 23.04.82. Подписано в печать 21.12.82. М-28117. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,38. Усл. кр.-отт. 16,53. Уч.-изд. л. 16,53 Тираж 2600 экз. Заказ № 121. Цена в мягкой обложке — 2 р. 10 к., в переплете — 2 р. 40 к.
Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова.
199164. Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова.
199164. Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Н
НПФ
КИП
ГЛ
ГГ
Хим
ММ
ФЗ
Нифи
ИПК
ВЗ
В/К

2 р. 10 к.

7
6.072
2